

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Пермский государственный национальный исследовательский
университет»

На правах рукописи

ЗУБАКИНА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА

Метафорическое моделирование историко-политического
события

(на материале мемуаров У.Черчилля «The Second World War»)

10.02.19 – Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Алексеева Л.М.

Пермь

2014

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы изучения метафорического моделирования историко-политического события	13
1.1. Формирование основ теории метафоры	13
1.1.1. Понятие метафоры как модели	13
1.1.2. Метафорическое моделирование в семантических теориях метафоры	19
1.1.3. Многоаспектность изучения метафор	32
1.2. Роль метафоры в историко-политическом тексте	40
1.2.1. Риторико-стилистическое направление в исследовании политической метафоры	40
1.2.2. Когнитивное направление в исследовании политической метафоры	43
1.3. Метафорическое моделирование и концептуализация	52
1.3.1. Языковая картина мира и проблемы моделирования	52
1.3.2. Концептуальная система и роль языка в ее формировании	59
1.3.3. Историко-политический текст как отражение индивидуальной метафорической картины события	63
Выводы к главе 1	69
Глава 2. Исследование метафорического моделирования события на материале мемуаров У.Черчилля	71
2.1. Методика моделирования историко-политического события	71
2.2. Моделирование историко-политического события с помощью метафор	76
2.2.1. Метафорическое моделирование событийного сюжета «Поражение Германии в Первой мировой войне»	77
2.2.2. Метафорическое моделирование событийного сюжета «Зарождение фашизма»	95
2.2.3. Метафорическое моделирование событийного сюжета	

«Возникновение “Оси Рим – Берлин”»	105
2.2.4. Метафорическое описание событийного сюжета «Падение Чехословакии»	118
2.2.5. Метафорическое моделирование событийного сюжета «Захват Польши»	127
2.2.6. Метафорическое моделирование событийного сюжета «Восстание в Югославии»	133
2.2.7. Метафорическое моделирование событийного сюжета «Нападение Германии на СССР»	138
2.2.8. Метафорическое моделирование событийного сюжета «Создание “Великого союза”»	156
2.3. Обобщение результатов М-моделирования историко-политических событийных сюжетов в мемуарах У. Черчилля	163
Выводы к главе 2	181
Заключение	183
Библиография	186
Приложение	

Введение

Диссертационное исследование посвящено анализу метафорического моделирования (М-моделирования), лежащего в основе авторского видения исторических событий мировых войн I-пол. XX в., с позиции историографического функционирования метафоры.

Основная проблема, решаемая в работе, связана с изучением характера М-моделирования, соотносимого, с одной стороны, с расширением функций метафоры в историко-политическом тексте, а с другой – с возможностью реконструкции индивидуального знания с помощью метафор. Исследование М-моделирования осуществляется в русле когнитивной лингвистики, занимающейся решением проблем моделирования.

Видение происходящих событий У.Черчиллем в совокупности со способом его отражения формируют индивидуальную картину мира, понимаемую как целостное представление о сути событий, соотносимое с когнитивной деятельностью отдельного человека [Кубрякова 1988, 1994, 1996, 2004; Постовалова 1988; Серебренников 1988; Уфимцева 1988 и др.].

Актуальность исследования обусловлена экстралингвистическими и собственно лингвистическими факторами. В экстралингвистическом плане события мировых войн по-прежнему стоят в центре внимания исследователей многих научных направлений, включая лингвистику. Анализ конкретного историко-политического произведения позволяет выявить тенденции авторского, т.е. субъективного, видения конкретного события. В фокус лингвистических исследований картин мира попадают проблемы М-моделирования как способа отражения события. Актуальной делает работу то, что она выполнена в рамках антропоцентрического аспекта, стоящего в центре методологии современной лингвистики. Изучение индивидуальных авторских М-моделей позволяет сопоставить их с характером мышления человека, воспринимающего конкретные исторические события. Это соотносится с современными теоретическими проблемами, связанными с объяснением языковых явлений в конкретных языках на основе

особенностей индивидуального когнитивного механизма человека. Изучение функциональной природы метафоры продолжает традиции метафороведения в трудах российских и зарубежных исследователей [Алексеева 1999, 2013; Арутюнова 1990, 1999, 2000; Баранов 2003, 2004, 2006; Баранов, Караулов 1991, 1994; Будаев 2006; Будаев, Чудинов 2006, 2008, 2012; Караулов 1989; Кубрякова 1994, 1999, 2004; Мишланова 1998, 2003; Никитин 1979, 2004; Скребцова 2005, 2011; Телия 1987, 1988, 1991; Чудинов 2000, 2001, 2013; Black 1955; Charteris-Black 2005; Davidson 1978; Fauconnier 1994, 1996; Fauconnier, Turner 1984, 1998; 2008; Lakoff 1987, 1991, 1993, 1996, 2009; Lakoff, Johnson 1980; Turner 2003, 2009, 2014 и др.].

Объектом исследования является система индивидуальных метафорических моделей (М-моделей) историко-политического текста.

Предметом исследования является содержание М-моделей, соответствующих конкретным этапам развития исторического события.

Материалом исследования послужили англоязычные мемуарные тексты У.Черчилля «The Gathering Storm», «The Grand Alliance», написанные в промежутке между 1945 и 1950 гг. Общий объем проанализированного текстового материала составил 1615 страниц. Непосредственному анализу подвергся корпус выявленных 2012 М-моделей.

Целью исследования явилось изучение характера индивидуального метафорического моделирования реальной действительности, а также роли метафор в построении индивидуальной концептуальной картины исторического события. Данная цель предопределила постановку следующих **задач**:

- изучить теоретические основы моделирования метафор как отражения специфики мыслительной деятельности;
- сформировать и систематизировать корпус авторских метафор на материале историко-политических текстов У. Черчилля;
- выявить типы М-моделей в рамках сформированного корпуса метафор, репрезентирующих динамику восприятия исторических событий;

- выявить доминантные модели историко-политического текста и описать их структуру;
- соотнести индивидуальную метафорическую картину события с хронологией разворачивания исторического события;
- изучить метафору в аспекте историографической функции.

Методология исследования сложилась на основе теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980] и когнитивно-дискурсивной теории метафоры [Алексеева 1999, 2002, 2013; Арутюнова 1990, 1999, 2000; Баранов 2001, 2004; Баранов, Караулов 1991, 1994; Будаев 2006, 2011; Караулов 1989; Кубрякова 1994, 1999, 2004; Мишланова 1998, 2003; Никитин 1979, 2004; Скребцова 2005, 2011; Телия 1987, 1988, 1991; Чудинов 2000, 2001, 2012, 2013; Charteris-Black 2005; Fauconnier 1994, 1996; Fauconnier, Turner 1984, 1998; 2008; Grady 1997; Lakoff 1987, 1991, 1993, 1996, 2009; MacCormac 1985; Turner 1991, 1996, 2003, 2009, 2014 и др.]. Исследование проводилось с опорой на результаты, полученные в области дискурс-анализа [Алексеева 2002; Баранов 2001, 2004; Баранов, Караулов 1991, 1994; Ван Дейк 1989; Карасик 1996; Кубрякова 1994, 1999, 2004; Мишланова 2002; Чудинов 2001, 2012, 2013; Шейгал 2000 и др.], прагмалингвистики [Арутюнова 1990, 2000; Водак 1997; Карасик 1999; Руженцева 2004; Шейгал 2000 и др.], когнитивного моделирования [Баранов 2001, 2004; Баранов, Караулов 1991, 1994; Будаев 2006; Будаев, Чудинов 2006, 2008, 2012; Иванова 2007; Караулов 1989; Налимов 1979; Плотникова 2009; Телия 1987, 1988, 1991; Чудинов 2000, 2013; Charteris-Black 2005; Fauconnier, Turner 1991, 1998; Fillmore 1992; Lakoff, Johnson 1980; Miller 1993 и др.], историографии [Ankersmit 1994; White 1973, 1975; Wrzosek 1991 и др.], лингвокультурологии [Воркачев 2001, Иванова 2003, Карасик 1996, Красных 2002, Маслова 1997, Прохоров 2009, Степанов 1997, Телия 1996 и др.], а также на труды по языковой картине мира [Апресян 2006, Арутюнова 1999, Бабенко 2010, 2012; Богуславская 2006, Вежбицкая 1996, 1999; Серебренников 1988 и др.].

Для решения выдвинутых в исследовании задач был выбран комплексный метод анализа М-моделей, который включает как общенаучные методологические приемы (наблюдение, описание, статистическая обработка материала), так и собственно лингвистические (концептуальный анализ, когнитивное моделирование и фреймо-слотовая классификация М-моделей). Лингвистические методы исследования предполагали описательный и сравнительный компоненты анализа при семантической интерпретации метафорических языковых репрезентаций авторского текста. Для решения поставленных задач изучение языкового материала текста в процессе М-моделирования события происходило в традициях когнитивной лингвистики. Комплексный характер методики лингво-когнитивного анализа предполагал этапность изучения метафор историко-политического текста.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые:

- проведено исследование возможности моделирования индивидуальной метафорической картины на материале историко-политических текстов У.Черчилля и изучение ее специфики;
- выявлены основные типы М-моделей в текстах У.Черчилля «The Gathering Storm», «The Grand Alliance»;
- описана структура доминантных М-моделей, соответствующих восприятию конкретных исторических событий;
- разработана методика М-моделирования историко-политического события с опорой на авторскую метафору.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в ней представлены новые данные для решения проблем когнитивной лингвистики: определение закономерностей формирования индивидуальной концептуальной картины мира с помощью метафор; выявление связи реальной и метафорической картин конкретных исторических событий; изучение типологии М-моделей и их сущности. М-моделирование историко-политического события с помощью авторской метафоры позволяет достичь

адекватного понимания исходного смысла, заложенного автором в тексте.

Практическая ценность исследования связана с возможностями использования его результатов в практике преподавания английского языка и дисциплин, связанных с межкультурной коммуникацией. Помимо этого, использование материалов исследования возможно в ходе интерпретации и перевода исторических и историко-политических текстов. Прототип методики анализа исследуемого материала может послужить основой для последующих исследований историко-политических текстов.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Метафору в историко-политическом тексте можно рассматривать в аспекте «язык – мышление – событие» с учетом трех факторов: языковых репрезентаций на поверхностном уровне текста; ментальных моделей, соответствующих концептуальной форме индивидуального мышления; прагматических установок, связанных с воспроизведением исторического события в тексте. Языковые репрезентации изучаются с помощью сигнификативных дескрипторов. Ментальные модели, лежащие в основе когнитивной структуры метафорического выражения, представлены пятью основными видами: антропоморфной, социоморфной, природоморфной, артефактной, а также М-моделью точных наук. Изучение М-моделей происходит на основе непосредственного сопоставления двух корпусов: корпуса метафорической репрезентации и корпуса описаний реальных событий “Encyclopaedia Britannica”.

2. Комплексная методика метафорического моделирования историко-политического события, описанного в мемуарном тексте У.Черчилля, позволяет исследовать метафору как компонент мыслительной деятельности индивида, выражающейся в речевой деятельности. Моделирование строится на основе анализа фреймо-слотовых структур, являющихся совокупностью концептуальных признаков, соответствующих индивидуальному представлению о конкретном историческом фрагменте действительности.

3. Специфика метафорических моделей, конструирующих индивидуальное восприятие исторических событий, состоит в доминировании и определенной константности антропоморфных и социоморфных видов метафоры. Данные модели соотносятся с субъективностью историографического описания, способствуют выявлению авторских прагматических установок, а также отражают авторское понимание социальной значимости осмысленных исторических событий.

4. Сопоставительный анализ корпуса метафорической репрезентации и корпуса описаний реальных событий позволяет выявить авторскую корректность описания историко-политических событий с помощью метафор. Результаты анализа также свидетельствуют об изоморфизме двух картин исторического события: метафорической и реальной.

5. Индивидуальный характер метафорического моделирования У.Черчиллем историко-политического события проявляется в вариативности социоморфной М-модели, которая соотносима с разнообразием трактовок образного описания реального исторического события.

Структура диссертации определяется ее задачами и отражает логику развития исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, списка источников материала исследования и приложения в виде таблиц и диаграмм.

В первой главе описываются теоретические основы исследования, анализируются основы М-моделирования в ранних и современных теориях метафоры, рассматриваются теоретические проблемы индивидуального метафорического моделирования.

Во второй главе описываются результаты анализа практического материала, представляющего собой репрезентацию метафор, отражающих восприятие историко-политического события.

В заключении делаются основные выводы по проведенному исследованию и намечаются перспективы дальнейшего исследования когнитивной метафоры историко политического текста.

Апробация материалов исследования. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры английской филологии факультета современных иностранных языков и литератур Пермского государственного национального исследовательского университета, а также на международных конференциях в Перми, Тюмени и Екатеринбурге:

- Международной научной конференции «Иностранные языки в контексте культуры» факультета современных иностранных языков и литератур Пермского государственного университета, проходившей 14 апреля 2009 г.;
- Международной научной конференции «Естественный и виртуальный дискурс: когнитивный, категориальный и семиолингвистический аспекты» Тюменского государственного университета, проходившей 16–17 октября 2009 г.;
- VII Международной научно-практической конференции «Иностранные языки и литературы в контексте культуры», посвященной 115-летию со дня рождения В.В.Вейле, проходившей 23 апреля 2010 г. в Пермском государственном университете;
- Международной научной конференции «Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры», проходившей 13–17 сентября 2010 г. в Уральском государственном педагогическом университете в Екатеринбурге;
- II Международной Летней школы “Metaphor in Science and Arts”, проходившей 22-26 июля 2014 г. в Пермском государственном национальном исследовательском университете;
- Международной научной конференции «Политическая лингвистика: перспективы развития научного направления», проходившей 26–28 августа 2014 г. в Уральском государственном педагогическом университете в Екатеринбурге.

Материалы диссертационного исследования нашли отражение в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включённых в реестр ВАК МО и Н РФ:

1. Зубакина Т.Н. Из истории создания когнитивной теории метафоры: Майкл Осборн и Дуглас Энингер/Политическая лингвистика/Гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2011. Вып.1 (35). – С. 241– 244.
2. Осборн М. Энингер Д. Метафора в публичном выступлении/пер. с англ. Зубакина Т.Н./Политическая лингвистика/Гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2011. Вып.1 (35). – С. 244– 253.
3. Зубакина Т.Н. Метафора как категория мысли и языка/Политическая лингвистика/ Гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2012. Вып.1 (39). – С. 241–242.
4. Носек И. Использование метафор Уинстоном Черчиллем/пер. с англ. Зубакина Т.Н./Политическая лингвистика/Гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2012. Вып.1 (39). – С. 243– 248.
5. Зубакина Т.Н. Метафоры в индивидуальной концептосфере У. Черчилля/Политическая лингвистика/Гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2013. Вып. 2 (44). – С. 101– 107.
6. Зубакина Т.Н. Метафорическое моделирование историко-политического события (на материале текста мемуаров У. Черчилля)/ Политическая лингвистика/Гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2014. Вып. 2 (48). – С. 128–137.

Публикации в сборниках научных трудов и материалах научных конференций:

7. Зубакина Т.Н. Когнитивные метафорические модели в политическом дискурсе «фултонской» речи Уинстона Черчилля/Сборник статей по

- материалам Международной научной конференции «Иностранные языки в контексте культуры»/Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009. – С. 71–79.
8. Зубакина Т.Н. Система когнитивных метафор в политическом дискурсе речей Уинстона Черчилля в 1940 и 1941 гг./Материалы международной научной конференции «Естественный и виртуальный дискурс: когнитивный, категориальный и семиолингвистический аспекты»/Тюменский государственный университет – Тюмень, 2009. – С. 73–77.
  9. Зубакина Т.Н. «Метафора – образ» как средство концептуализации в дискурсе речей Уинстона Черчилля/Сборник статей по материалам VII международной научно-практической конференции «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» в 2 т./Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2010. – Т. 2. – С. 53–57.
  10. Зубакина Т.Н. Образ России в концептуальном пространстве дискурса речей У. Черчилля/Материалы Международной научной конференции «Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры»/Урал. гос. пед. ун-т; Гл. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2010. – С. 62–64.
  11. Зубакина Т.Н. Россия во Второй мировой войне в метафорах У. Черчилля (на материале мемуаров У. Черчилля)/Материалы Международной научной конференции 26–28 августа 2014 г. «Политическая лингвистика: перспективы развития научного направления»/Урал. гос. пед. ун-т; Гл. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2014. – С. 85–89.

Глава 1. Теоретические основы изучения М-моделирования историко-политического события

1.1. Формирование основ теории метафоры

1.1.1. Понятие метафоры как модели

Исследование метафоры ведется с античных времен. Термин *метафора* впервые был употреблен Исократом в «Evagogus» (383 г. до н.э.). Идея метафорического переноса и возможность метафорического моделирования до сих пор лежит в основе многих положений современных теорий метафоры. С именем древнегреческого философа Аристотеля (384 г. до н.э.–322 г. до н.э.) связаны истоки исследовательского интереса к метафоре. По Аристотелю, метафора как фигура речи и ее украшение является объектом исследования поэтики и риторики. Древнегреческий философ определил метафору как способ переосмысления значения слова. В когнитивном видении это обозначает образное представление той или иной денотативной сферы с помощью лексики, относящейся в первичном значении к совсем иной сфере. Аристотель исследовал логический механизм метафоры, рассматривая ее как языковое средство ораторского и поэтического искусства. По его мнению, метафора, соотносясь с действительностью, способна соединить невозможное. Аристотель был первым, кто увидел эвристические возможности метафоры. Исследователь выявил четыре типа метафорического переноса. «Переносное слово, или метафора, есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель 2000: 54]. Из этих четырех вариантов метафорического переноса наибольшую значимость для проводимого исследования имеет последний вид, поскольку изучение авторской метафоры, создаваемой по аналогии, направляет на поиск источника этой аналогии и позволяет выстроить М-модели, характерные для конкретного события в изучаемом тексте автора.

Марк Фабий Квинтилиан (35–96 гг. н.э.), римский оратор и автор «Наставлений оратору» (“*Institutio oratoria*”), развивал взгляды Аристотеля.

Он считал метафору одним из прекраснейших тропов в риторике. По его мнению, перенос с прямого, или естественного, на другое необходим для красоты речи [Quintilianus 1975: 106]. Квинтилиан был одним из первых, кто определил виды метафорического переноса по источнику образования: с одушевленной реалии на одушевленную; с неодушевленной реалии на одушевленную; с одушевленной реалии на одушевленную и с неодушевленной реалии на одушевленную. Большое значение этой классификации придавал Эрнст Кассирер, усматривавший в ней истоки понимания метафорической функции как пронизывающей составляющей речи [Кассирер 1990: 39].

Источниками для современных теорий метафорического моделирования явились работы В. фон Гумбольдта (1835). Он был первым исследователем, кто применил к анализу языка диалектический метод и рассматривал мир в развитии как противоречивое единство противоположностей, как целое, пронизанное всеобщими связями и взаимными переходами отдельных явлений. Основывая свои идеи на положениях о единстве сознательных и бессознательных процессов, деятельности и созерцания, творческого воображения и фантазии, исследователь указывает на связь между языком, творимой им картиной мира и духом народа: «язык есть произвольная эманация духа», «язык есть работа духа в материале членораздельного звука» [Гумбольдт 1984: 55]. Другими словами, язык и дух взаимообусловлены диалектическими отношениями. Диалектические отношения и взаимообусловленность являются показателями логики в моделировании.

В исследовании метафор важно суждение В. фон Гумбольдта о том, что слово, являясь и знаком и отражением действительной вещи, «не является изображением вещи, которую он обозначает, и еще в меньшей степени является оно простым обозначением, заменяющим саму вещь для рассудка и фантазии. От изображения оно отличается способностью представлять с различных точек зрения и различными путями, от простого обозначения тем,

что имеет свой собственный определенный «чувственный образ» [Гумбольдт 1984: 305]. Чувственный образ, обусловленный языковыми нормами, как нам представляется, является ключевой составляющей в смысловых метафорических преобразованиях, в метафорическом моделировании, а также в закреплении этих метафорических моделей в человеческом сознании.

Дихотомичность соотношения языка и мышления, по В. фон Гумбольдту, раскрывается в том, что, несмотря на идеальность мышления, оно осуществляется всегда в формах человеческой чувственности, средством обозначения и выражения которой является язык, который через слово ищет «созвучия для мысли» [Гумбольдт 1984: 301]. Отсюда следует, что языковая форма, с одной стороны, зависит от характера мышления и чувственной образности, а с другой – мышление и мироощущение зависят от формообразующих свойств языка. Таким образом, несмотря на многообразие языков, языковых картин мира и особенностей культур разных народов, существуют инвариантные первичные принципы переноса чувственной образности в план членораздельного звука. Можно предположить, что эти инвариантные первичные принципы переноса образности в языковую метафору помогают читателям разных культур увидеть/понять метафору в тексте и воссоздать авторскую модель метафоры, обозначив источник «созвучия для мысли» в метафорическом переносе образности.

Рассуждая о мышлении, воплощенном в звуке, В. фон Гумбольдт указывает на то, что «и для повседневного чувства, и для глубочайшей мысли язык оказывается недостаточным.... Всякая речь есть борьба с мыслью» [там же: 378]. В результате этой внутренней борьбы происходит духовное обогащение и усложняется чувственная образность, которой для точного выражения необходимы новые смысловые образования, а именно, мы добавим, метафоры. Смысловое восприятие одного чувственного образа переносится по подобию (что является основным принципом метафорического моделирования) на смысловое восприятие другого

чувственного образа, формируя синтез закрепленной нормативной формы и смещающихся смысловых значений.

От Аристотеля идет традиция сравнительного или субституционального подхода к анализу метафоры. Сравнительные теории изучают процедуры сравнения/переноса (в современном прочтении моделирования) в относительно замкнутых смысловых полях. При этом правила метафорического замещения, нормы понимания метафоры, в основном, разрабатывались в рамках традиционной поэтики. На основе античного знания о фигурах и тропах сформировался взгляд на метафору как неотъемлемую принадлежность языка, необходимую для образных, номинативных и когнитивных целей.

В языкознании XIX в. воззрения А.А.Потебни оказали большое влияние на развитие теории метафоры. Исследователь, анализируя учение Аристотеля, приходит к важным выводам относительно сущности метафоры. Прежде всего, он видит в ней направление познания от прежде познанного к неизвестному. Это направление метафорического моделирования признается современными когнитивистами, как основополагающее. По мнению А.А.Потебни, осуществляемое в метафоре перенесение нового имени по аналогии, не является «лишь бесцельной игрою в перемещении готовых данных величин», а связано с «серьезным исканием истины» [Потебня 1990: 203]. Удачная метафора всегда возникает случайно. Метафоры помогают в выражении «сложных и смутных рядов мыслей, возбужденных неопределенным множеством действий, слов и пр.» [там же: 205]. Они сводят сложное к простому и делают это сложное *maniable*, т.е. таким понятием, которым можно «орудовать». Это свойство метафоры делает ее эффективным приемом в обозначении абстрактных понятий. В дальнейшем это положение станет одним из отправных пунктов исследования метафоры как когнитивного явления, несущего в себе потенцию моделирования.

Чтобы понять смысл метафор, по мнению А.А.Потебни, необходимо «гармоничное» настроение участников коммуникации, которое

подразумевает общность их восприятия. Общность восприятия дает объяснение моменту понимания метафоры и происходящему «обмену мыслями» между говорящим и слушающим. Этот психологический акцент важен в исследованиях функционирования метафорической модели при коммуникации.

В XX в. теория метафоры получила дальнейшее развитие и воплощение в исследованиях различных направлений. С возникновением структурно-семантической теории языка, с появлением лингвистической прагматики и теоретических основ структурализма языковые теории обнаруживают актуальность проблем метафоры. В этот период традиционная точка зрения, в соответствии с которой метафора трактовалась с помощью сравнения, подвергается серьезной критике. Аналитическое направление в изучении метафоры отражено в работах Б.Рассела (1912), Л.Витгенштейна (1921), А. Айера (1936) и Д.Дэвидсона (1978). Д.Дэвидсон, представитель аналитической философии переносит семантическую теорию истины для формализованных языков на естественный язык. Он разработал понятие метафоры как стандартного обозначающего выражения, имеющего истинное значение.

Поворот к формам обыденного языка, обычного словоупотребления вносит прагматический смысл в понимание метафоры. Так, Д.Дэвидсон и Дж. Серль (1979) при исследовании метафоры выражают противоположные взгляды, которые сформировали прагматический аспект изучения метафорического смысла как результата соотношений конкретных значений. Момент соотношений конкретных значений усматривается в «работе» метафорической модели.

Сравнительная теория метафоры разрабатывалась английским философом Э.Ортони (1979) и его последователями. Основной целью этих исследований была дифференциация понятий сходства, аналогии и уподобления в механизмах порождения метафорического смысла.

Концепция сходства также получила развитие в трудах американского

психолога Дж.Миллера (1979), который указывал на то, что основание для любой метафоры может быть представлено отношениями сходства и сравнения: «The grounds for a metaphor, therefore, can be formulated as relations of similitude that can be expressed as comparison statements» [Miller 1993: 398]. Он первым сформулировал проблему соотношения метафоры и истинности высказывания. Дж.Миллер, определяя разницу между метафорой и сравнением, уделяет особое внимание дефиниции и классификации метафор. Представляя в своих пояснениях *сложную метафору/compound metaphors*, автор вводит термин *гнездовой метафоры/nested metaphor*: «...although we have no algebra for nested metaphors we can pick them off one by one – compounding does not discredit the reconstructive rules in principle» [там же: 389]. Основное отличие *гнездовой* от *сложной метафоры* Дж.Миллер видит в её построении и восприятии (по принципу одна метафора внутри другой/*one inside another*, а не одна метафора за другой/*one by one*) «Not all compound metaphors are incongruous; some poets have excelled at nesting one inside another» [там же: 388].

Интеракционализм как направление было создано американским философом и логиком М.Блэком (1962), взявшим за основу теорию метафоры А.Ричардса (1950) и некоторые постулаты о преобразовании образно-символических форм Э.Кассирера (1925). Основной тезис М.Блэка состоит в том, что метафора создает, а не выражает сходство. В истории метафорического моделирования, этот тезис оказывается ведущим, поскольку в нем впервые вводится понятие конструкта. Ученый исследует метафору как «верхушку затопленной модели». «Every metaphor is the tip of a submerged model» [Black 1979: 30]. В модели метафоры скрыты «глубинные» семантические структуры взаимодействия первичных/буквальных и вторичных/метафорических значений языкового выражения.

Теория языковых оппозиций была разработана М.Бирдсли (1962), который в структурную/модельную основу метафоры закладывает конфликт, вербальную оппозицию, содержащуюся в самой семантике метафорической

языковой единицы. Основным критерием метафоричности высказывания автор полагает сдвиг от десигнации к коннотации, т.е. от первичных конкретных значений к переносным смыслам. По его мнению, авторская живая метафорическая модель, как правило, предполагает присутствие конфликта и семантической оппозиции в своей структуре.

Представленный обзор воззрений на метафору позволяет заключить, что они являются семантическими, поскольку в них метафора трактуется на основе семантического отношения между первичным и вторичным объектами метафорической модели. При описании метафорообразования в данных исследованиях акцент ставился на значении. Образование метафоры в соответствии с семантической точкой зрения предполагает изменение значения исходного выражения. При этом утверждается, что одно и то же выражение может иметь два вида значения – буквальное и метафорическое, проявляющиеся в конкретных случаях употребления этого выражения. Данная точка зрения восходит к концепции А.Ричардса (1950). Обратимся к описанию концепций исследователей семантического направления с целью выявления теоретических основ понятия метафорического моделирования.

1.1.2. Метафорическое моделирование в семантических теориях метафоры

В семантических теориях утверждалось, что метафоры возникают в языке благодаря взаимодействию идей. Мысль метафорична, поскольку она развивается в сравнении. Ответ на вопрос о том, как возникает языковая метафора, как создается модель метафоры, тесно связан с проблемой языка и мышления, с вопросами о том, как человек мыслит и как возникают метафорические ассоциации в человеческом сознании.

А.Ричардс разработал терминологию для метафорического анализа. Отсутствие общепринятой терминологии и отвлеченность суждений, по мнению А.Ричардса, тормозило развитие исследований по метафоре, которые

в большинстве своем велись в рамках риторики. Даже лучшие работы в области метафоры, по мнению исследователя, были не более чем набором робких намеков, маскирующихся под фундаментальную теорию языка: «...the best part of the traditional discussion of metaphor is hardly more than a set of cautionary hints to overenthusiastic schoolboys, hints masquerading as fundamental theory of language» [Richards 1965: 103].

В создании метафоры (модели метафоры) участвуют два компонента, которые А.Ричардс обозначает терминами *содержание/tenor* и *оболочка/vehicle*. Метафорическое значение, по мнению исследователя, складывается из взаимодействия смысловых значений каждого компонента. Термин *основа/ground* у А.Ричардса терминологически закрепляет наличие смысловых взаимодействий между *оболочкой* и *содержанием*. *Основа/ground* переноса является сложным явлением. Для обозначения смыслового (не)соответствия между компонентами метафоры он вводит новый термин *напряженность/tension*. Рассматривая вопрос о том, что происходит в сознании человека, когда объединяются два предмета, относящиеся к разным понятийным областям, А.Ричардс приходит к заключению, что взаимодействие *содержания* и *оболочки* не ограничивается сходством соответствующих объектов, поскольку, по мнению ученого особая модификация *содержания*, которая возникает благодаря *оболочке*, в гораздо большей степени являются результатом различий между объектами, нежели сходства: «the peculiar modification of the tenor which the vehicle brings about is even more the work of their unlikenesses than of their likenesses» [Richards 1965: 107]. По мнению А.Ричардса, существует глубокое различие между метафорами, которые строятся на основе прямого сходства между двумя объектами, и метафорами, строящимися на основе общего отношения, которое мы можем испытывать к обоим объектам: «A very broad division can thus be made between metaphors which work through some direct resemblance between the two things, the tenor and vehicle, and those which work through some common attitude which we may (often through accidental and extraneous reasons)

take up towards them both [Richards 1965: 118]. Анализ последнего вида метафоры часто представляет собой непростую задачу для исследователя, так как в данном случае сложно определить наличие признаков сходства между двумя объектами. В основе понимания метафоры лежат индивидуальные ощущения. А.Ричардс рассуждает о мире человеческого сознания как о проецируемом мире, с чертами, заимствованными из жизни человека. Языковые процессы, наблюдаемые при изучении метафорических выражений, накладываются на воспринимаемый нами мир. Автор делится своей мечтой, когда психология будет способна объяснить, как мы передаем смысл словами, какой смысл мы ими привносим: «it is an old dream that in time psychology might be able to tell us so much about our minds that we would at last become able to discover with some certainty what we mean by our words and how we mean it» [Richards 1965: 136].

Процесс метафоризации как явления интеракции описал М.Блэк в своей работе «Metaphor» (1955). Он развил положение А.Ричардса о связи двух идей, являющейся тайной метафоры: «When he says that the reader is forced to "connect" the two ideas. In this "connexion" resides the secret and the mystery of metaphor» [Black 1955: 286]. Рассуждать о «взаимодействии» двух мыслей, об их «взаимном влиянии» и «со-действии», – согласно воззрениям ученого, означает прибегать к метафоре, надеясь на правильное восприятие ее опытным читателем.

М.Блэк полагал, что отнести какое-либо предложение к разряду метафорических – сказать нечто о его значении, а не об орфографии, фонетике, интонации или грамматической форме этого предложения: «...to call a sentence an instance of metaphor is to say something about its meaning, not about its orthography, its phonetic pattern, or its grammatical form» [Black 1955: 276].

Согласно воззрениям М.Блэка метафора – результат ассоциативного взаимодействия образных или понятийных систем – обозначаемого и образного средства. В метафоре «А есть В» (в его примере «человек – волк»)

ассоциируемые общие места В пропускаются через «фильтр» ассоциируемых общих мест А. Определенные характеристики, в данном примере – жесткость и агрессивность, объединяют «человека» и «волка» в образной метафорической ассоциации. В более поздних работах М. Блэк не использует термин «филтрации», а отмечает наличие «проекции» некоторых характеристик «В» на «А». В модели метафоры (А есть В) у М.Блэка проекция одной из двух систем на другую формирует новый взгляд на объект, делая обозначаемое метафоры новым вербализованным понятием. Исследователь признает, что когда мы как бы «смотрим» на главный субъект «сквозь» метафорическое выражение – или, говоря другими словами, главный субъект (А) «проецируется» на область вспомогательного субъекта (В). Буквальное словоупотребление, как правило, создает в сознании людей определённый набор стандартных представлений, характерный для всех членов языкового сообщества. М.Блэк называет их системой общепринятых ассоциаций/«system of associated commonplaces» [там же: 286]. Для процесса восприятия метафорического моделирования важна не истинность ассоциаций, а их быстрая «активируемость» в восприятии. Воспринимая метафору «человек – волк», в сознании возникает образ агрессивного и злобного человека. Метафора управляет восприятием объекта, в данном примере – «человека».

По мнению исследователя, метафоры дают возможность увидеть аспекты реальности (действительности), которая и создается с помощью метафоры: «metaphors enable us to see aspects of reality that the metaphor's production helps to constitute» [Black 1993:39]. Для проводимого исследования важна мысль М.Блэка о роли контекста в понимании языковой метафоры, когда исторический фон способствует правильному пониманию этой метафоры: «The historical background helped to make clear what metaphor was being used» [Black 1993: 277].

Заслуга М.Блэка в области метафорического моделирования заключается в главном выводе, связанном с тем, что «каждая метафора – это

верхушка затопленной модели». Его рассмотрение языковой метафоры изначально, как результату мыслительной деятельности, с учетом «затопленной» части модели метафоры является, на наш взгляд, ключевой идеей метафорического моделирования. Следуя авторской логике, смысловое содержание языковой сущности (в его сигнификативно-денотативной форме) может служить основанием моделирования метафорического процесса.

Связь реального и метафорического миров является основной темой работы Ф. Уилрайта «Metaphor and Reality» (1973). В исследовании автор провел анализ механизма метафорического процесса и пришел к выводу, что в появлении метафоры важна духовная глубина ее создателя, на которую объекты реального или придуманного мира перемещаются холодным жаром воображения: «...the psychic depth at which the things of the world, whether actual or fancied, are transmitted by the cool heat of the imagination» [Wheelwright 1973: 71]. Данный процесс перемещения Ф. Уилрайт описывает как семантическое движение, представление о котором скрыто в самом термине «метафора» («*phora*» – движение).

Семантическое движение в метафорическом процессе у Ф. Уилрайта – это акты распространения значения и порождение нового значения, происходящие в человеческом воображении. Первый процесс обозначен термином *эпифора*. Этот термин заимствован у Аристотеля (*epiphora* – перенесение имени) и отражает расширение значения посредством сравнения. Процесс порождения нового значения при помощи соположения и синтеза выражен термином *диафора* (*dia* – через). Оба типа семантического движения участвуют в процессе метафоризации. Если эпифора расширяет поэтическое пространство, то диафора указывает путь образования нового значения. «“Epifor” and “diaphor” – the one standing for the outreach and extention of meaning through comparison, the other for the creation of new meaning by just apposition and synthesis» [Wheelwright 1973: 72]. Процесс образования метафорического значения, описанный Ф. Уилрайтом, отражает в большей степени семантическое метафорическое моделирование

мира действительности, происходящее в сознании человека, чем непосредственно языковые процессы.

Ряд исследователей придерживаются противоположного взгляда на метафоризацию, отрицая само понятие семантики метафорического процесса, которая, с их точки зрения, является или бессмыслицей, или подменой прямого значения в прагматических целях. Так, Д.Дэвидсон, чей подход можно определить как аналитический, полагает, что метафорического значения как результата взаимодействия двух значений не существует, поскольку метафоры означают только то, что означают входящие в них слова, взятые в своем буквальном значении: «Metaphors mean what the words in their most literal interpretation mean, and nothing more» [Davidson 1978: 31]. По его мнению, буквальное (первичное) значение слов предопределяет метафорическое. От первичного значения зависят все неожиданные ассоциации и аналогии, которые создает метафора. Метафора связана только с тем, что «лежит на ее поверхности» – явную неправду или абсурдную истину: «A metaphor says only what shows on its face – usually a patent falsehood or an absurd truth. And this plain truth or falsehood needs no paraphrase – it is given in the literal meaning of the words» [там же: 43]. Более того, когда суждение воспринимается как ложное, ему придается статус метафоры и начинается поиск его глубинных импликаций. Д.Дэвидсон считает, что общим заблуждением является поспешность видеть «вложение» метафорических смыслов в саму метафору, в воздействие, которое она оказывает: «The common error is to fasten on the contents of the thoughts a metaphor provokes and to read these contents into the metaphor itself» [там же: 44]. Эффект метафоры заключается в том, что изначально берется слово в его буквальном значении, а затем от этого значения происходит переход к метафорическому смыслу.

По мнению Д.Дэвидсона, все теории выдают за метод расшифровки скрытого содержания метафоры то воздействие, которое она оказывает на слушателя или читателя. Суть же метафоры в том, каким образом она в

процессе метафоризации, обозначает связь сигнификата и денотата. По Д. Дэвидсону, метафора в своем буквальном утверждении заставляет увидеть один объект в свете другого.

Это влечет за собой прозрение при ее восприятии. Поскольку в большинстве случаев это ощущение несводимо к познанию некой истины, то попытка свести буквальное выражение к содержанию метафоры просто «заведет не туда»: «Metaphor makes us see one thing as another by making some literal statement that inspires or prompts the insight. Since in most cases what the metaphor prompts or inspires is not entirely, or even at all, recognition of some truth or fact, the attempt to give literal expression to the content of the metaphor is simply misguided» [Davidson 1978: 47]. Суть метафоры в том, *как* она связана с тем, что заставляет нас увидеть. *Видеть как* не равно *видеть что*. При этом понимание содержания метафоры, ее воздействие на читателя или слушателя всегда индивидуальны.

Теория Д. Дэвидсона соотносится с вопросом о сущности метафоры. Для исследователя субъективная сторона метафоры (*Видеть как* не равно *видеть что*) является первостепенной. Индивидуальность метафоры проявляется в процессе создания и восприятия метафоры. Хотя Д. Дэвидсон не дал объяснения тому, что стоит за «*Видеть как* не равно *видеть что*»/«Seeing as not seeing that», тем не менее, его взгляды на метафору оказались плодотворными и получили дальнейшее развитие в когнитивных теориях метафорического моделирования.

Развитие понятия метафоры осуществлялось Дж. Серлем (1979), который полагал, что семантическое содержание в метафорических выражениях переносится, когда оно рассматривается в рамках более общей модели понимания значения. Исследователь разграничивает исходные значения слов и предложений и метафорическое употребление. Дж. Серль считает, что говоря о метафорическом значении отдельного слова, выражения или предложения, мы говорим о том, для выражения какого значения говорящий мог бы произнести его, когда оно расходится с тем, что данное слово,

выражение или предложение значат на самом деле: «Strictly speaking, whenever we talk about the metaphorical meaning of a word, expression, or a sentence, we are talking about what a speaker might utter it to mean, in a way that departs from what the word, expression, or sentence actually means. We are, therefore, talking about possible speaker's intentions» [Searle 1979: 77]. По мнению исследователя, метафорическое значение слова, выражения или предложения соотносимы намерениям говорящего. Не отрицая *метафорического значения/metaphorical meaning* как такового, Дж.Серль предлагает новое понятие *интенции говорящего/speaker's intentions*, выходящее из мира языка в мир ментальных состояний. Различие между *буквальным значением* и *значением говорящего* становится не столь существенным, поскольку оба понятия связаны с принципами порождения и восприятия метафорического выражения.

Дж.Серль рассматривает эту проблему с позиции воспринимающего. Исследователь исходит из того, что, если можно указать те принципы, в соответствии с которыми слушающие понимают метафорические высказывания, то возможно понимание того, как говорящему удастся создавать подобные высказывания: «... if we can figure out the principles according to which hearers understand metaphorical utterances, we shall be a long way toward understanding how it is possible for speakers to make metaphorical utterances, because for communication to be possible, speaker and hearer must share a common set of principles» [там же: 104]. Коммуникация обусловлена наличием общего набора определенных принципов у коммуникантов. В соответствии с этими принципами коммуниканты последовательно приходят к пониманию метафорического смысла.

Принципы, описанные Дж.Серлем, не способствуют ответу на основной вопрос об основании выбора слушающими характеристик метафоры при ее восприятии. Этот вопрос до сих пор остается невыясненным в теории метафорического моделирования.

Х.Ортега-и-Гассет (1966) считает метафору единственным способом определения абстрактных понятий. Исследователь утверждает, поскольку не все объекты доступны мышлению и не обо всем можно составить четкое представление, то сознание человека вынуждено обращаться к доступным объектам как отправной точке, с опорой на понятия о более сложных объектах. Х.Ортега-и-Гассет называет *метафору* «*основным ментальным инструментом*» (букв.): «...essential mental instrument,...a form of scientific thought,...a pole to fish or rifle» [Ortega-y-Gasset 1966: 390-391]. По образному определению исследователя, метафора является орудием мышления и формой научной мысли, которые подобно винтовке или удочке помогают попасть в труднодоступную цель.

Абстрактное понятие трудно назвать и соответственно, трудно представить – мысль не может его уловить. Метафора служит одновременно и «именованию», и мышлению. Истоки языковой метафоры в особенностях человеческого сознания и мировосприятия, в закономерностях возникновения образов и понятий. Философские основы такого подхода – в научных трудах В. фон Гумбольдта (1835), Л.Витгенштейна (1921), Э. Кассирера (1925; 1946), М.Хайдеггера (1927) и др. Исследования П.Рикера (1975, 1978) также велись в этом направлении. Аналогичные идеи находят отражение в современных теориях, в которых они определяются как «антропологические» [Опарина 2000: 118].

Развитие рассмотренных идей нашло продолжение в трудах Э. Кассирера, который расширил область знания в этом аспекте. По Э. Кассиреру, человеческое сознание целостно и объединяет различные виды ментальной деятельности. Э.Кассирер считал, что эпистемические исследования должны начинаться с поисков форм зарождения первичных представлений человека о мире, не основанных на категориях логического мышления.

Э. Кассирер различал метафорическое и дискурсивно-логическое мышление. В метафорах, по его мнению, присутствуют мифологические

представления о мире. Э.Кассирер образно описывает взаимосвязь мифа и языка, называя их ростками из одного и того же стебля. Язык и миф изначально находятся в неразрывной связи, из которой они постепенно возникают как самостоятельные элементы: «Language and myth stand in an original and indissoluble correlation with one another, from which they both emerge but gradually as independent elements. They are two diverse shoots from the same parent stem» [Cassirer 1946: 88]. По Э.Кассиреру, миф, язык и искусство возникают как конкретное неделимое единство, которое лишь постепенно распадается на три самостоятельных вида духовного творчества: «Myth, language and art begin as a concrete, undivided unity, which is only gradually resolved into a triad of independent modes of spiritual creativity» [там же: 98]. Язык становится инструментом мышления для выражения понятия и суждения. Такого рода преобразование, по мнению Э.Кассирера, происходит посредством отказа человека от полноты его непосредственного опыта. В итоге, от языка с его конкретным смысловым и эмоциональным содержанием остается не более чем «скелет без плоти». «In the end, what is left of the concrete sense and feeling content it once possessed is little more than a bare skeleton» [там же: 98]. Лишь с областью духа слово не только сохраняет свою изначальную изобразительную силу, но и постоянно обновляет ее, испытывая эмоциональное и духовное возрождение. Здесь слово и мифический образ, которые изначально противостояли человеческому разуму как грубые реальные силы, рассматриваются как формы его (разума) самораскрытия: «Word and mythic image, which once confronted the human mind as hard realistic powers, have now cast off all reality and effectuality; they have become a light, bright ether in which the spirit can move without let of hindrance. This liberation is achieved not because the mind throws aside the sensuous forms of word and image, but in that it uses them both as organs of its own, and thereby recognizes them for what they really are: forms of its own self revelation» [Cassirer 1946: 99]. По образному описанию этого процесса, слово и мифический образ теряют свою действительность,

становясь «лёгким и ярким эфиром», в котором может свободно двигаться дух. Это освобождение достигается не потому, что разум отбрасывает чувственные оболочки слова и образа, а потому, что разум использует язык и образ как свои «органы», как формы своего самораскрытия. Связь языка и мифа Э.Кассирер определил кратко, назвав их родственниками: «Sprache und Mythos sind Verwandte» [Cassirer 1961: 146].

Соглашаясь с тем, что метафора осуществляет интеллектуальной связью между языком и мифом, Э.Кассирер признает тот факт, что в вопросе происхождения метафоры нет единства мнений. Одни теории строятся на признании происхождения метафоры в структуре языка, другие – в мифологическом воображении. Одни полагают, что речь, которая по своей природе изначально метафорична, порождает и является постоянным источником мифа. Есть и противоположное суждение, что именно миф является источником метафоры и метафоричность слов, есть одно из наследий, полученное языком от мифа, которым он обладает не безвозмездно: «...in the precise definition of the process, and even in regard to the general direction it is supposed to take, theories are widely at variance. The real source of metaphor is sought now in the construction of language, now in mythic imagination; sometimes it is supposed to be speech, which by its originally metaphorical nature begets myth, and is its eternal source; sometimes, on the contrary, the metaphorical character of words is regarded as a legacy which language has received from myth and holds in fee» [Cassirer 1946: 84]. Мысли о связи языковой структуры и мифического образа в метафорической теории Э.Кассирера находят продолжение в последующих теориях, где метафора исследуется во взаимосвязи вербальной структуры и образных метафорических ассоциаций посредством работы сознания.

Метафора как единство вербального и образно-ассоциативного – объект психологических исследований. П.Рикер полагал, что изучение механизма порождения метафоры способствует пониманию общей процедуры создания понятий. В этом исследователь усматривает

фундаментальность метафорического мышления. Метафора изначально создается силой воображения, способностью устанавливать подобия и ассоциации.

П.Рикер исходит из того, что в семантической теории метафоры есть место для введения понятия образа или воображаемого. Это место на границе семантики и психологии. Внедрение понятия образа в теорию метафоры касается статуса сенсорного, то есть невербального, фактора в семантической теории. П.Рикер полагает, что выявить связь между «смыслом» и «ощущениями» возможно в терминах семантической теории: «The fundamental question posed by the introduction of image or imagery...into a theory of metaphor concerns the status of a sensible thus non-verbal, factor inside a semantic theory...So the problem is to bring to light a liaison between sense and sensa that can be reconciled with semantic theory... In contrast to mere association, iconicity involves meaning controlling imagery. In other words, this is imagery involved in language itself» [Ricoeur 1986: 211]. По словам автора, иконичность это образ, встроенный в язык и в отличие от простой ассоциации, предполагает контроль сознания над воображаемым.

П. Рикер находит объяснение тому, как связаны «смысл» и «ощущения» в работах М.Хестера. Это объяснение выстраивается в ходе интерпретации понятия *видеть как/seeing as*, восходящего к Л.Витгенштейну. Фактор *видеть как* выявляется в акте чтения как «способ реализации воображаемого»: «The factor of ‘seeing as’ is exposed through the act of reading, even to the extent that this is ‘the mode in which such imagery is realized. The “seeing as” is the positive link between vehicle and tenor. In poetic metaphor, the metaphorical vehicle is as the tenor – from one point of view, not from all points of view. To explicate a metaphor is to enumerate all the appropriate senses in which the vehicle is ‘seen as’ the tenor. The “seeing as” is the intuitive relationship that makes the sense and image hold together. The “seeing as”, therefore, is half thought and half experience”» [Ricoeur 1986: 212]. Видеть как проявляется в связи между оболочкой/vehicle и содержанием/tenor (в терминах А.

Ричардса). По мнению П.Рикера, в метафоре ее оболочка (образ) есть как (ее содержание), но только с одной точки зрения (автора метафоры). Объяснить метафору значит перечислить значения, при которых образ обретает смысл. *Видение как/Seeing as* – у П.Рикера является равным соотношению смысла и образа. *Видеть как/Seeing as* выполняет роль схемы метафоры, объединяющей пустой концепт и слепое впечатление. Подобно полумысли, полувосприятию, действие-ощущение соединяет ясность мысли с полнотой образа. В образной функции языка вербальное и невербальное тесно связаны между собой.

В своих теоретических рассуждениях о природе метафорического образа П. Рикер выходит за границы семантической теории, указывая на его особый статус, его «промежуточность» в вербальном и невербальном проявлении в метафорическом выражении. Исследователю удалось заложить основы когнитивного видения, в рамках которого метафора рассматривается в обращенности к мыслительным процессам, к моделирующим векторам этих процессов.

Обзор семантических теорий метафор проделан с целью поиска возможных интерпретаций исходного понятия «модель метафоры» и выявления истоков формирования таких понятий современных когнитивных теорий метафоры, как «метафорическая модель» и «метафорическое моделирование». Анализ ранних теорий метафоризации позволяет проникнуть в сущность метафоры и понять возможные составляющие понятия «модель метафоры», которая соответствует формуле подобия/сходства (*A есть B*).

Понимание процесса метафорического моделирования как образного представления той или иной денотативной сферы с помощью лексики, относящейся в первичном значении к совсем иной сфере, восходит к теории Аристотеля.

Известное утверждение М.Блэка о том, что метафора создает, а не только выражает сходство (как это представляли сравнительные теории

метафоры, начиная с Аристотеля) предполагает понятие конструкта. М.Блэк исследовал метафору как «верхушку затопленной модели». Рассмотрение языковой метафоры изначально, как результата мыслительной деятельности, с учетом «затопленной» части модели метафоры является следующей исходной идеей теории метафорического моделирования.

Появление метафорического значения, описанное Ф.Уилрайтом, также отражает скорее семантическое метафорическое моделирование мира действительности, происходящее в сознании человека, чем непосредственно языковые процессы.

Видение как/Seeing as у П.Рикера, является равным соотношению смысла и образа в авторском метафорическом моделировании представления действительности.

Обозначение связи языковой структуры и мифического образа в метафорической теории Э.Кассирера соотносимо с объяснением взаимосвязи вербальной структуры и образных метафорических ассоциаций из мира событийной действительности посредством работы сознания.

Для современной лингвистической науки особенно значимыми оказались рассмотренные суждения сторонников семантических теорий метафоры, которые послужили отправными идеями и теоретической основой в представлении метафоры как средства познания мира и модели образного представления действительности.

1.1.3. Многоаспектность изучения метафор

Исследование индивидуальной метафоры в историко-политическом тексте позволяет рассматривать ее в совокупности различных аспектов, таких как образный, прагматический, когнитивный, номинативный, модельный и др. Образный аспект метафорического моделирования проявляется в способе создания историком/политиком индивидуальных образов исторической действительности. Прагматический аспект

индивидуального М-моделирования – в воздействии и убеждении читателя /слушателя в правильности трактовки истории. Исследование функции историографического описания с помощью индивидуальной метафоры происходит на основе анализа ассоциативных и интерпретационных моментов восприятия исторических событий читателем «сквозь призму» структур метафорических моделей текста. Это позволяет рассматривать метафору как когнитивный инструмент. Метафора как сложная и многогранная универсалия является объектом исследования различных областей знания. Если в стилистике метафора считается одним из основных средств создания образов, то в лексикологии и семантике метафора изучается как средство вторичной номинации и источник полисемии. Прагматика же изучает метафору, прежде всего, как средство воздействия на слушателя. Ассоциативный механизм метафоры, интерпретационный момент её восприятия лежит в сфере интересов психолингвистов. Проникновение метафоры в области изучения и сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, делает её предметом изучения логики, философии, когнитивной психологии и когнитивной лингвистики. Эти аспекты изучения метафоры тесно переплетаются друг с другом, обнаруживая многогранность. Традиционно исследователи выделяют три основных аспекта метафоры соответствующие ее трем основным функциям: образной, номинативной и когнитивной.

Образный аспект природы метафоры проявляется в способности, с одной стороны, создавать образы, а с другой – вызывать их в сознании (Арнольд 1981; Арутюнова 1979; Гальперин 1977; Пелевина 1980; Телия 1986; Шмелев 1964). По мнению Н.Д. Арутюновой, в основе метафоры лежит образ. Образ, как и метафора, возникает стихийно «в процессе художественного освоения мира» [Арутюнова 1990: 23]. Потребность выразить новое представление о явлении заставляет говорящего отказаться от воспроизведения языковых единиц по существующим правилам. Другими словами, передача образного смысла побуждает к преодолению

стереотипности в языке, которая сковывает говорящего, охваченного желанием представить неповторимую, с его точки зрения, картину, новое видение того или иного явления.

Образность, являясь семантическим элементом слова, актуализирует различные ассоциации, связанные с конкретным значением слова. Образ есть основа метафоры, и представляет собой «источник основных семиотических понятий, структура которых создается взаимодействием... принципиально разных планов – плана выражения (означающего) и плана содержания (означаемого)» [Арутюнова 1990: 22]. Это позволяет сформулировать суждение о том, что слова обладают различным образным моделирующим потенциалом. При этом, стилистический эффект слова, употребленного в метафорическом значении, проявляется в том, что оно вызывает в сознании читателя или слушателя одновременно два образа посредством перенесения свойств одного объекта на другой, у которого эти свойства объективно отсутствуют.

«Метафора индивидуализирует предмет, отнеся его к классу, которому он не принадлежит. Она работает на категориальной ошибке» [Арутюнова 1999: 348]. Являясь средством образного отображения действительности, модель метафоры состоит из сопоставляемого и сопоставляющего, которые, объединяясь, формируют новое сложное представление. Все формы речи построены на одном принципе – сопоставлении, сочетании, ассоциировании слушающим двух простых и знакомых представлений с целью формирования у него третьего, более сложного, ранее ему незнакомого, соответствующего элемента качественно новой образно представляемой модели. Способность модели метафоры оказывать эмоциональное воздействие на читателя /слушателя с помощью активности образного аспекта этой модели реализуется в политическом дискурсе [Баранов, Караулов 1991; Чудинов 2001]. Номинативный аспект моделирования метафоры заключается в том, что модель метафоры обозначает направление переосмысления значения слова и, таким образом, служит источником его новых лексико-

семантических вариантов, выполняя одну из своих основных функций – функцию вторичной номинации (Арутюнова 1979; Гак 1988; Никитин 1979; Скляревская 1993, Телия 1977; Харитончик 1992; Black 1962; Goodman 1976). Метафорическая модель в действии приводит к формированию новых наименований. Антропоцентрическое по своей природе сознание человека организует свою непредметную действительность в соответствии и аналогией с пространством и временем мира, непосредственно ощущаемым. Отсюда, пространственные координаты «верх» и «низ» осмысляются как высокое и низкое в человеческом обществе; то, что впереди, осознается как его будущее, а оставшееся позади – прошлое. Соответственно, благородные качества человека обозначаются в речи прилагательным «высокий» (высокие стремления/высокие помыслы), а отрицательные черты характеризуются как низменные или низкие (низменные/низкие чувства или помыслы). Истинный путь человека в соответствии с пространственной ориентацией «вправо» мыслится как правильный или праведный, а «верх» как кульминация человеческого состояния (верх блаженства, выше моих сил), при этом «низ» – пространство «грехопадения» (опуститься на самое дно, низко пасть, провалиться со стыда).

В.Н.Телия, описывая номинативную функцию метафоры, утверждает, что «метафора – это всегда употребление уже готового языкового средства наименования как способа создания нового его значения» [Телия 1988: 185]. При формировании нового значения у слова актуализируются ассоциативные признаки, которые либо являются компонентами переосмысливаемого значения, либо соотносятся со знанием носителя языка о мире. Ориентация на адресата метафорического переосмысления первостепенна. Способность адресатом разгадать метафорическую модель, оценить обозначаемое и образ, лежащий в ее основе, эмоционально воспринять этот образ показывают насколько удачно выполнена вторичная номинация в метафорической модели.

В.Н.Телия полагает, что метафоризация – это номинативная

деятельность. По ее мнению, «именно языковая номинация, оперирующая не системным значением (как семасиология), не атомарным (как ономасиология), а смысловым содержанием языковой сущности (в ее сигнификативно-денотативной форме) как компонентом номинативного аспекта высказывания (или фрагмента текста) может обеспечить многомерное отображение метафорического процесса...» [Телия 1988: 36]. Замысел метафоры – это интенция субъекта назвать осознаваемое, но еще «недодуманное» им понятие путем использования уже вербализированного понятия. Так, одно и то же имя «волна», в разных понятийных областях метафоризации создает разные метафорические модели: в области точных наук, например, в физике – радиоволна; в сфере проявления человеческих чувств – волна желаний, в социальной сфере – волна протестов, в области знания и мышления – волна информации, слухов, воспоминаний.

Когнитивный аспект метафорического моделирования заключается в том, что метафора представляется как основная ментальная операция, как способ структурирования и объяснения мира (Алексеева 1998; Арутюнова 1990; Баранов 1991; Будаев 2004; Караулов 1991; Кубрякова 1994; С.М. Мишланова 2003; Никитин 2001; Телия 1988; Чудинов 2001; Charteris-Black 2004; Fauconnier, Turner 1998; Grady 1997; Jackel 1995; Lacoff, Johnson 1980; Holyoak, Thagard 1989). Человек, согласно когнитивным воззрениям, мыслит метафорами и «создает при помощи метафор свой мир, в котором живет» [Чудинов 2001: 3]. Поскольку метафора – способ осмысления действительности, а также фиксирования в языке результата осмысления, то она отражает механизм взаимодействия человеческого сознания, языка и мира. Человеческое сознание моделирует познаваемый мир с помощью метафор согласно собственным первичным представлениям. В основе когнитивной природы метафоры лежит способность человеческого мышления обнаруживать аналогию между сущностями разной природы. Метафора служит средством осмысления новых, недоступных в прямом восприятии понятий терминами, полученными и усвоенными человеком

ранее в своем познании.

Зарождение и формирование теории *метафорического моделирования* усматривают в работе Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона [Lakoff, Johnson 1980]. В данном исследовании метафора представлена как основная когнитивная операция, как важнейший способ познания и концептуализации мира. Исследователи приходят к выводу о том, что метафора не ограничивается сферой языка, сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Именно это имеют в виду ученые, акцентируя, что понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически: «Metaphor is pervasive in everyday life, not just in language but in thought and action. «Our ordinary conceptual system, in terms of which we both think and act, is fundamentally metaphorical in nature» [Lakoff, Johnson 2003: 4]. По мнению лингвистов метафоры как языковые выражения становятся возможны потому, что они существуют в концептуальной системе человека: «Metaphors as linguistic expressions are possible precisely because there are metaphors in a person's conceptual system» [там же: 6]. Метафора ARGUMENT IS WAR представляется американскими учеными концептуальной метафорой своей культуры, поскольку описывая действия, осуществляемые посредством спора или доказательства, люди структурируют их концептами понятийной сферы «война», к примеру, «нападение» или «защита» и т.д.: «Many of the things we do in arguing are partially structured by the concept of war. Though there is no physical battle, and the structure of an argument – attack, defense, counterattack, etc. – reflects this. It is in this sense that the ARGUMENT IS WAR metaphor is one that we live by in this culture; it structures the actions we perform in arguing» [там же: 4]. Подобные взгляды на метафору послужили тому, что исследователи стали рассматривать ее как когнитивную модель, участвующую в формировании национально-специфических и индивидуальных картин мира.

Для объяснения причин, по которым в метафоре высвечиваются те или иные характеристики объекта, используются различные понятия, которые,

по предположению ряда исследователей, способны раскрыть сущность процесса метафорического моделирования. Так, В.И.Телия полагает, что «метафоризация начинается с допущения о подобии (или сходстве) формирующегося понятия о реалии и некоторого в чем-то сходного с ней «конкретного» образно-ассоциативного представления о другой реалии» [Телия 1988: 186]. Она выявляет антропометричность метафоры и называет это свойство «модусом метафоры», смысл которого выражается в форме «как если бы». С допущения о подобии начинается движение мысли, результатом этого движения является обозначение. Именно модус фиктивности (по аналогии с принципом фиктивности И.Канта) приводит к образно-ассоциативному представлению, порождаемому новым знанием о мире. В итоге, образно-ассоциативное представление и новое значение взаимодействуют в процессе метафорического моделирования.

По мнению А.П.Чудинова, когнитивные/концептуальные метафоры есть *метафорические модели*, которые отражают традиционные для национальной ментальности представления о действительности, о взаимоотношениях человека и общества и о межличностных взаимоотношениях внутри общества. Для исследователя *концептуальная метафора* и *метафорическая модель* – понятия взаимозаменяемые в представлениях «о концептуальной метафоре (метафорической модели) как о средстве познания и объяснения действительности» [Чудинов 2001: 29]. В исследовании политическая метафора представлена как основная когнитивная операция, как способ познания и концептуализации мира действительности. «*Метафорическая модель* – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «*X – это Y*» [Чудинов 2006: 131]. *Модель метафоры* А.П. Чудинова (*X – это Y*) является схемой связи между понятийными сферами «области-источника» и «области-мишени» метафорического процесса. Модель метафоры представляется как многоаспектный комплекс ее

смысловых составляющих.

Процесс метафоризация в историко-политическом тексте изучается в совокупности различных аспектов. Образный аспект метафорического процесса позволяет увидеть метафорическое моделирование действительности в образной системе метафорических представлений, что является предметом изучения риторико-стилистического направления метафорологии. В когнитивном направлении лингвистики метафора и метафорическое моделирование представляются как ментальные операции, как способы осмысления и представления действительности.

1.2. Роль метафоры в историко-политическом тексте

1.2.1. Риторико-стилистическое направление в исследовании политической метафоры

Одним из первых исследователей политической метафоры, а так же метафоры У.Черчилля, является Майкл Осборн (1962, 1967), чьи научные взгляды на архетипичные метафоры сформировали стилистическое направление политической лингвистики. В ходе исследований М.Осборн пришел к выводу, что политики, желающие в чем-то убедить аудиторию, используют образы природного цикла, света и тьмы, болезни и здоровья, мореплавания и навигации. Такие метафорические образы, по мнению Э.В. Будаева и А.П.Чудинова, опираются на универсальные архитипы и служат основой понимания и в тоже время создают основу политического воздействия и убеждения [Будаев, Чудинов 2006: 11].

В работе «Archetypical Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family» (1967), посвященной функционированию метафор, М.Осборн выдвигает идею о том, что метафора *light* обычно связана с понятиями здоровья, выживания, тепла и правоты, в то время, как *darkness* соотносится с уязвимостью и страхом перед неизвестностью и холодом, что выявляет устойчивые семантические связи между двумя понятийными областями.

Анализ риторических функций лексем *light u darkness* в современном видении, можно назвать дискурсивным. М.Осборн указывает на умение талантливых ораторов использовать реальную ситуацию как персуазивные элементы выступления. М.Осборн приводит пример выступления У.Питта, который завершил свое выступление, обратившись к метафорическому образу рассвета, что совпало с моментом, когда рассвет в реальности коснулся окон британского парламента. Этим же приемом в полной мере владел У.Черчилль. Выступая вечером с обращением «Dieu Protège la France», британский премьер-министр удачно использовал это обстоятельство. Оратор пожелал аудитории спокойной ночи. Это пожелание совпало с реальным временем суток, что имело буквальное значение. После

этого в его речи проявился метафорический смысл, в связи с тем, что он советовал набираться сил до утра, которое непременно придет и «ярким светом озарит храбрых и верных, озарит добром всех, ... увековечит славу павших героев. Таким будет рассвет»: «Brightly will it shine on the brave and true, kindly upon all who suffer for the cause, glorious upon the tombs of heroes. Thus will shine the dawn» [Churchill 2003: 259]. Эффект обращения У. Черчилля к аудитории усилился авторским употреблением лексемы из семантической сферы «Light/Darkness». Метафорический образ рассвета соотносим с образом победы, которая обязательно наступит, точно так же, как день сменит ночь.

М.Осборн проанализировал использование ораторами архетипичной метафоры *the sun*. Он выявил, что образ солнца имплицитно присутствует в метафорах *света и тьмы*. Вместе с тем эта метафора выполняет в риторике специфические функции. Образы света и тьмы используются ораторами для формирования оценочных суждений о поступках людей и их психологическом состоянии, а солнце больше подходит для описания человеческого характера, а именно, его положительных характеристик. Как он полагает, метафора *the sun* в сравнении с метафорами *light u darkness*, носит более статичный (солнце – центр планетной системы) и более личностный характер.

Исследователи политической метафоры в русле риторического направления опирались на полученные М.Осборном выводы и проявляли интерес к употреблению политиками архетипичных метафор. Статья У. Риккерта «Winston Churchill's archetypal metaphors: A mythopoetic translation of World War II» (1977) продолжает традиции риторической школы в исследовании политической метафоры.

Изучив использование У.Черчиллем архетипичных метафор в речах с 1930 по 1945 гг., У.Риккерт выявляет наличие мифопоэтического представления политика о мире. Исследователь выявил 4 категории архетипичных метафор используемых политиком в этот период времени. К

первой группе У.Риккерт относит метафоры света-тьмы и метафоры вертикальной шкалы (верх/низ). «First, the light-dark and vertical scale metaphors described the essential stage for the metaphorical events» [Rickert 1977: 107]. Во вторую группу входят метафоры с образами восприятия и прояснения изображаемых действий противника. «Second, images of ingestion and cleansing delineated the actions of the enemy» [там же: 107]. В метафорах третьей группы основной конфликт соотносился с образами штормовой погоды, который нации приходилось выдержать. Поиски национального героя описывались как путешествие по морю или по течению реки и особенно вверх по тропе: «Third, the central conflict was presented as a period of stormy weather that the nation had to endure. Finally, the quest of the hero nation was described as travel on the sea, down a river, and especially up a path» [там же: 107]. У.Риккерт, анализируя использование У.Черчиллем архетипичных метафор, создает образец мифа в соответствии с традицией западной романтической литературы.

У.Риккерт выявил три стадии романтического мифа: стадию опасного путешествия и подготовки небольшого приключения («the stage of the perilous journey and the preliminary minor adventures»); решающей схватки, в которой погибает либо герой, либо враг или оба погибают («the crucial struggle, usually some kind of battle in which either the hero or his foe, or both must die»); стадию – возвеличивания героя («the exaltation of the hero») [там же: 111]. По мнению У.Риккерта, У.Черчилль использовал данные архетипичные метафоры в своих произведениях.

И.Носек исследовал политическую метафору в традициях риторической школы. В работе «Winston S. Churchill's Use of Metaphor» (1994) чешский лингвист представил более упорядоченную, хотя и не исчерпывающую классификацию метафор, которая связана с семантико-стилистическим аспектом. Как уже отмечалось, сформированное Аристотелем риторико-стилистическое направление изучения метафоры позволяет рассматривать ее в качестве языкового средства, тропа, т.е. как

результат замены слов, контекстных сдвигов или украшения речи. При этом эстетическая функция метафоры считается главной. И.Носек отмечает особое лингвистическое выражение мыслей, а также стилистические особенности метафоры У.Черчилля [Nosek 1994: 39]. Исследователь подчеркивает, что метафоры политика являются загадочными сравнениями со всем, что окружает человека, со всем, что является свойственным человеку, обществу и природе. «Churchill's metaphors are cryptic comparisons with anything that surrounds man, anything that is human, social and natural» [там же: 40].

И. Носек анализирует три текстуальных источника «My Early Life», «The Second World War» (Vol.5) и «A History of the English Speaking Peoples» (Vol.4). Изучая метафоры, автор приходит к выводу о том, что метафоры У.Черчилля, описывающие критическое состояние/кризис являются наиболее многочисленными [там же: 40]. И. Носек также отмечает, что интенсивность – это семантическая категория, сродни категориям критической ситуации и обобщенности, с которыми она может частично совпадать как сопутствующая [там же: 46].

Таким образом, стилистический анализ политической метафоры У.Черчилля, выполненный И. Носеком, а также изучение архетипичных метафор М. Осборном и У.Риккертом свидетельствуют о различных направлениях исследования политической метафоры.

1.2.2. Когнитивное направление в исследовании политической метафоры

Основными предпосылками когнитивного взгляда на метафору стали результаты исследований ее ментальной природы и познавательного потенциала. Когнитивное направление, складывающееся в исследованиях американских лингвистов М.Осборна и Д.Энингера, является важным этапом в политической метафорике. В статье «Metaphor in Public Address» (1962) исследователи обратились к изучению метафор известных политиков

и государственных деятелей в публичных выступлениях. М.Осборн и Д.Энингер рассматривали метафоры не как «орнамент стиля», а как категории мысли. Они отмечали, что именно «мысль» (thought) субъекта метафоры (tenor) и «мысль» элемента для ассоциации (vehicle) своим смысловым взаимодействием психологически определяют появление и смысл метафоры [Osborn, Ehniger 1962: 228].

Дж.Лакофф в работе «The Contemporary Theory of Metaphor. Metaphor and Thought» (1993), дифференцируя метафорическое выражение и концептуальную метафору, пришел к выводу о том, что «локус метафоры – в мысли, а не в языке» [Лакофф 1993: 203]. По мнению Дж.Лакоффа и М.Джонсона, локус концептуальных сфер и метафорических следствий находится в когнитивной системе человека. Окружающая человека действительность рассматривается с помощью системы когнитивных репрезентаций.

Авторы приходят к выводу, что конвенциональные метафорические соответствия между структурами знаний (концептуальные метафоры) согласованы с определенной культурой и языком. Так, концептуальная метафора ARGUMENT IS WAR соотносима с главными ценностями культуры носителей английского языка. Метафора – не столько средство описания спора в понятиях войны, сколько устойчивый способ осмысления спора. Можно проиграть или выиграть спор, оппонент воспринимается как противник, спорящие разрабатывают стратегии, занимают оппозиции, «расстреливают» (shoot down) аргументы противника и т.д. Концептуальные метафоры, по мнению Дж. Лакоффа, «являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка» [Lakoff 1993: 210]. Они укоренены в сознании людей привычным образом, поэтому не осознаются как метафоры.

Дж.Лакофф и М.Джонсон разделяют концептуальные метафоры на три основные группы: а) структурные, б) онтологические, в) ориентационные. В структурных метафорах когнитивная топология сферы-источника является

моделью для осмысления сферы-мишени (ARGUMENT IS WAR); онтологические метафоры категоризируют абстрактные сущности путем очерчивания их границ в пространстве (MIND IS MACHINE) или с помощью *персонализации* (*Inflation is eating up our profits*); ориентационные метафоры отражают оппозиции, в которых зафиксирован наш опыт пространственной ориентации в мире (GOOD IS UP, BAD IS DOWN).

В отличие от двух концептуальных доменов (сферы-источника и сферы-мишени) в теории Дж.Лакоффа и М.Джонсона [Lakoff, Johnson 1980] М.Тернер и Ж.Фоконье рассматривают четыре ментальных пространства: два исходных пространства/*input spaces*, общее пространство/*generic space*, смешанное пространство/*blended space* и бленд/*blend* [Fauconnier, Turner 1994]. Исходные пространства в теории блендинга соотносятся со сферой-источником и сферой-мишенью в теории концептуальной метафоры.

М.Тернер определяет бленд как ментальное пространство, где возникает новое значение, содержащее элементы исходных пространств: «A blend is a new mental space that contains some elements from different mental spaces in a mental web but that develops new meaning of its own that is not drawn from those spaces. This new meaning emerges in the blend» [Turner 2014: 6]. Возникающее значение, исходя из дефиниции, предполагает процесс концептуальной интеграции.

М.Тернер и Ж.Фоконье описали процесс концептуального интегрирования ментальных пространств с помощью популярной в феврале 1998 г. в Вашингтоне политической метафоры: «If Clinton were the Titanic, the iceberg would sink» [Turner, Fauconnier 1998]. В период пиковой популярности фильма «Titanic» происходил сексуальный скандал вокруг президента США Билла Клинтона. В рассматриваемом *бленде* осуществляется концептуальная интеграция двух *исходных пространств/ input spaces*, одно соотносится с понятием «the Titanic», а другое – с понятием «Clinton». В *смешанном пространстве/blended space* Клинтон соотносится с кораблем, а скандал – с айсбергом. *Blend* принимает как

организующую фреймовую структуру от *исходного пространства* «the Titanic» (*the Titanic input space*) – («it has a voyage by a ship toward a destination and it has the ships running into something enormous in the water»), так и каузальную и событийную структуры из сценария «Clinton» («Clinton is not ruined, but instead survives»). В *общем пространстве/generic space* присутствует структура, которая соотносится с обоими *исходными пространствами/input spaces*: где один объект, вовлеченный в деятельность и мотивированный некоторыми целевыми установками, сталкивается с другим объектом, представляющим чрезвычайную опасность для деятельности первого объекта. В *общем пространстве/generic space* заложено понимание того, что результат этого столкновения не предопределен.

По М.Тернеру и Ж.Фоконье, *метафорическая модель* (М-модель) – междоменная проекция / *the cross-space mapping*, где сценарий «the Titanic» – является *источником*, а сценарий «Clinton» – *целью* [Turner, Fauconnier 1998]. По мнению исследователей, метафора обладает каузально-событийной структурой, не выводимой из фрейма источника, а центральная проекция метафоры не может быть выведена из источника. Метафорическая проекция, выведенная на основе ментального пространства – источника, соотносима с потенциальным смыслом о том, что Клинтон должен потерять президентский пост. В *бленде* возникает неожиданная и невозможная, с точки зрения здравого смысла, структура: «the Titanic» непотопляем, а айсберг может утонуть. Эта структура не соотносима с *исходными пространствами*, она конструируется в *бленде* и поэтому привносит новые и неожиданные инференции.

Когнитивный анализ метафорического переноса ставит целью узнать, как метафора становится языковым отображением мыслительной деятельности человека. Эту задачу решает А.П.Чудинов, развивая теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М.Джонсона. Он разрабатывает алгоритм когнитивного анализа политической метафоры, основанный на

описании характеристик исходной понятийной области (сферы-источника); новой понятийной области (сферы-мишени); типовых для данной модели сценариев; относящихся к данной модели фреймов; составляющих каждый фрейм слотов; компонента, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц [Чудинов 2001: 44]. Представляя *M-модель* формулой «*X – это Y*», А.П.Чудинов полагает, что отношение между компонентами формулы понимается не как прямое тождество, а как подобие. В соответствии с формулой *M-модели* система концептов ментальной сферы (сферы-источника) служит основой моделирования ментальной системы (сферы-мишени) [Чудинов 2006: 131]. В ходе решения исследовательских задач А.П.Чудинов выявил и описал следующие *M-модели*: «государство – это семья», «политические реалии – это организм», «государство – это дом», «человек – это механизм» и др.

Ряд отечественных исследований представляли анализ политической деятельности человека с помощью фреймо-слотовых структур [Баранов, Караулов 1991, 1994; Чудинов 2001, 2002, 2003; Кобозева 2001, 2002, 2003; Каслова 2003; Желтухина 2000 и др.]. Они пришли к выводу, что в основе процессов метафоризации лежит принцип антропометричности. Это соотносится с тем, что человек/политик как центр мироздания оценивает и соизмеряет реалии окружающей действительности в соответствии с собственными чувственно-эмоциональным и практическим/политическим опытом и знаниями. В их представлении, метафорическое моделирование строится на четырех основных компонентах: антропоморфной метафоре (Человек как центр мироздания); метафоре природы (Человек и природа); социальной метафоре (Человек и общество); артефактной метафоре (Человек и результаты его труда).

А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов изучили контексты употребления русских политических метафор и предложили классификацию метафор на основе семантических моделей (персонификация, путь, строение и др.) и реалий политической жизни России. Данное лексикографическое исследование

нашло отражение в «Словаре русских политических метафор» (1991, 1994), где метафора интерпретируется «расширительно», поскольку в словарные статьи включены не только метафоры в узком смысле, но и метонимические конструкции, синекдоха и сравнения. Авторы объясняют такое «расширительное» понимание метафоры общностью функций метафорических конструкций в политическом дискурсе [Баранов, Караулов 1994: vi].

А.П.Чудинов разделяет взгляд на «расширительную» интерпретацию концептуальной метафоры, исходя из представлений о языке когнитивного направления лингвистики. Исследователь основывается на том, что в соответствии с общими представлениями когнитивной лингвистики язык – это «единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся естественным образом на лексикон, морфологию и синтаксис» [Чудинов 2001: 37]. Это дает ему возможность при анализе концептуальной метафоры учитывать не только собственно метафоры, но и сравнительные обороты, разнообразные перифразы, метонимию и иные образные средства. Доводы о расширительной трактовке концептуальной метафоры в политическом дискурсе убедительны и могут служить основанием формирования корпуса метафорических конструкций историко-политического текста в проводимом исследовании.

Метафора как объект анализа в исследованиях А.Н.Баранова и Ю.Н. Караулова изучается в лексикографическом аспекте. В этом плане используемые ими понятия *сигнификативного* и *денотативного дескрипторов* легли в основу описания сигнификативного и денотативного смыслового комплекса модели метафоры. Исследователи считают, что оппозиция *сигнификативный дескриптор vs. денотативный дескриптор* несет некое «противопоставление двух смысловых центров». Эта идея воплощена ими при описании метафорического моделирования. Так, при разработке структуры словаря «оппозиция сигнификативного измерения (метафорической модели) и денотативного измерения (область объектов

метафорического осмысления) была использована для образования системы координат лексикографического описания» [Баранов, Караулов 1994: vi].

Авторы указывают на разницу в терминах *метафорическая модель* и *модель метафоры*. Под *моделью метафоры* они понимают «весь комплекс смысловых составляющих в целом: источник, цель и процесс переноса характеристик с области источника на область цели». Понятие *метафорическая модели* они относят только к области источника» [там же: xv]. Отсюда, название *метафорической модели* обычно дает слово, которое является родовым по отношению к словам, представляющим элементы исходной понятийной области.

В редакторском предисловии к монографии Дж.Лакоффа и М. Джонсона (2008) А.Н.Баранов отмечает, что понимание *метафорической модели* в дескрипторной теории метафоры отличается от ее трактовок в когнитивной теории метафоры, в рамках которой метафорическая модель понимается как пара сущностей, как соответствие между элементами источника и элементами цели. А.Н.Баранов поясняет, что «принятое в дескрипторной теории метафоры словоупотребление отражает языковой аспект функционирования метафоры» [Лакофф, Джонсон 2008: 11]. Отсюда, метафорической моделью оказываются однородные с точки зрения опыта человека и семантики области источники. А.Н.Баранов указывает на отдельные параметры анализа метафорического моделирования такие как «денотативное разнообразие» или «стабильность денотативных отображений». Таким образом, для указанных характеристик М-модели, анализ и изучение денотативного измерения, а именно, осмысление и указание «денотативного дескриптора» метафорического моделирования являются обязательными.

А.Н.Баранов в статье «О типах сочетаемости метафорических моделей» (2003) признает, что исследования метафор в их реальном употреблении демонстрируют и доказывают, что значительная часть метафор реализуется не в единственной М-модели метафорического выражения, т.е. «в одном

метафорическом выражении одна метафорическая модель (М-модель), а в одном метафорическом выражении несколько метафорических моделей» [Баранов 2003: 73]. Основное внимание автора обращено на «бинарную» комбинаторику М-моделей, т.е. на сочетание двух М-моделей. Особенности сочетания М-моделей идет на примерах контекстов употребления М-модели МЕХАНИЗМА. Исследователь, обращаясь к конкретному материалу политического дискурса эпохи перестройки, предлагает модели метафоризации в виде двух и более кортежей сигнификативных и денотативных дескрипторов. А.Н.Баранов признает, что в онтологической сочетаемости М-моделей (в комбинациях М-моделей МЕХАНИЗМА с ПЕРСОНИФИКАЦИЕЙ и ОРГАНИЗМОМ), даже в случае, когда «одна из метафорической проекции оказывается совершенно стёртой, «мёртвой» метафорой» [там же: 93], каждая М-модель привносит в сферу онтологической сочетаемости что-то свое. Это суждение дает нам основание использовать текстовой корпус с позиции расширенного употребления М-моделей метафоры с целью большей объективности интерпретаций авторских метафор.

Представленный обзор взглядов на метафорическое моделирование демонстрирует многогранность взглядов на данный процесс. Теория концептуальной метафоры Дж.Лакоффа и М.Джонсона, теория концептуальной интеграции или теория блендинга М.Тернера и Ж.Фоконье, дескрипторная теория метафоры А.Н.Баранова и Ю.Н.Караулова, а также теория метафорического моделирования А.П.Чудинова демонстрируют развитие когнитивных взглядов на природу метафоры.

Когнитивное направление в лингвистике основано на понимании языка как основного средства выражения знаний о мире. В проводимом исследовании историко-политический текст понимается нами как репрезентация знания об исторической действительности и рассматривается как воплощение авторской картины мира, представленной концептуальными метафорами в системе М-моделей. Система М-моделей способна выступить

как исследовательский конструкт или как модель авторского сознания.

1.3. Метафорическое моделирование и концептуализация

1.3.1. Языковая картина мира и проблемы моделирования

Изучение языковой картины мира (языкового мировидения у В. фон Гумбольдта) получило развитие в трудах Э.Сепира, который исследовал влияние языка на жизнь общества, полагая, что «реальный мир» строится на основе языковых норм, в свою очередь, «язык подвергается материальному воздействию факторов, связанных с условиями существования его носителей» [Сепир 1993: 271]. Б. Уорф, рассматривая воззрения Э.Сепира, считает, что люди воспринимают реальный мир действительности с помощью языка, а языковые нормы, принятые в сообществе носителей языка, выстраивают «реальный мир»: «Human beings do not live in the objective world alone...but are view much at the mercy of... language. The “real world” is to a large extent unconsciously built up on the language habits of the community» [Whorf 1956: 23]. Совместная работа Э.Сепира и Б.Уорф в области американской этнолингвистики получила название гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа/Sapir-Whorf’s hypothesis of linguistic relativity (1939).

Согласно этой теории, структура каждого языка влияет на то, как воспринимается реальность, и как носители языка ведут себя в соответствии с этим восприятием действительности [Whorf 1956: 23]. По Б.Уорфу, восприятие мира является не более чем картиной, «картиной мира [там же: 214] Именно язык, согласно этой теории, влияет на восприятие мира [Whorf 1956: 263].

Теория лингвистической относительности оказала влияние на дальнейшее исследование языка. Однако ряд исследователей усматривал в данной теории некую абсолютизацию языковой функции и отсутствие доказательных ответов на вопрос, как воздействует язык человека на его мышление. Неконструктивная сторона этой теории, по мнению Р.И. Павилениса, «связана с абсолютизацией функции языке в процессе построения концептуальной картины мира» [Павиленис 1983: 117].

Б.А.Серебренников считает, что языковая картина мира выполняет в человеческом обществе две основные функции: означает основные элементы концептуальной картины мира и осуществляет экспликацию средствами языка концептуальной картины мира [Серебренников 1988: 6]. Исследователь называет недоразумением утверждение некоторых лингвистов о том, что язык отражает действительность. По мнению Б.А.Серебренникова, «язык связан с действительностью через знаковую соотнесенность. Язык не отражает действительность, а отображает ее знаковым способом» [там же: 6]. Эта мысль получает развитие в рассуждении исследователя о языковой функции отражения действительности. Обозначение как форма отношения слова к действительности выступает в форме названия.

Звуковая сторона слова является материальной и чувственно воспринимаемой основой, благодаря которой слово тесно связано с функцией отражения действительности [там же: 89]. Хотя данные суждения не касаются напрямую проблем соотношения метафорического моделирования и действительности, отображаемой в словесной метафоре, тем не менее их можно соотнести с любым словесным выражением, в том числе и метафорическим.

Роль метафорического моделирования в процессе формирования языковой картины мира человеком в ходе своего развития исследует В.Н.Телия. По ее мнению, «язык служит не только целям общения, но и является *хранилищем информации* (курсив наш – Т. З.), накопленной языковым коллективом, который живет в определенной экологической среде, осваивая ее при сменяющихся, но характерных именно для него социальных условиях, для его культурного и гражданского развития» [Телия 1988: 175]. В.Н.Телия, определяя роль метафоризации в создании языковой картины мира, полагает, что «язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциации концептуальную модель мира в национально-культурные цвета. Он придает ей и собственно человеческую *антропометричность*, т.е.

соизмеримость универсума с понятийными для человеческого восприятия образами и символами» [там же: 175]. В.Н.Телия связывает проблему языковой картины мира с проблемами метафорического моделирования как одного из способов ее создания. Языковая картина мира, оснащенная метафорами, по мнению исследователя, помогает объективному отображению действительности, поскольку «эта картина узнается именно как картина и, как всякая метафора, расшифровывается» [там же: 179]. Метафора, по В.Н.Телия, являясь по существу моделью, выполняет в языке ту же функцию, что и словообразовательная модель, но только более сложную и действующую нестандартно. В конструктивном (модельном) описании метафоры исследователь видит основной способ создания языковой картины мира в актах вторичной номинации [там же: 185]. В нашем исследовании мы используем данные суждения о сущности метафоры с целью изучения характера индивидуального метафорического моделирования реальной действительности.

Основы метафорического моделирования рассматриваются В.Н.Телия комплексно. Первый комплекс – это основание метафоры как мысль о мире (предмете, событии, свойстве и т.п.). Второй комплекс, участвующий в интеракции, – это некое образное представление о вспомогательной сущности, которое актуализируется в метафоре только в той части, которая соизмерима с формирующейся мыслью о мире, как по содержанию, так и по подобию, соответствующему антропометричности создаваемого представления. Третьим комплексом, играющим роль посредника между первыми двумя, является само значение переосмысляемого при посредстве метафоризации имени. Значение вводит в метафору образное представление, которое соотносится с референтом данного значения и при этом действует, как фильтр, т.е. организует смысл нового понятия.

Метафорическое моделирование, по мнению В.Н.Телия, – процесс взаимодействия указанных операций, «который приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению этого знания. Метафоризация

сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысляемого имени, что оставляет следы в метафорическом значении, которое в свою очередь «вплетается» в картину мира, выражаемую языком» [там же: 186]. Исследователь приходит к заключению, что способность творить и разгадывать метафору принадлежит языковой компетенции человека.

С точки зрения Ю.Д.Апресяна, языковая картина мира есть «наивная» картина мира, поскольку она отражает донаучный взгляд на мир. При этом наивные представления не уступают научным, они не менее сложны и интересны и могут по-своему объяснять мир, поскольку отражают познавательный опыт многих поколений [Апресян 1995: 350-351]. По мнению Ю.Д.Апресяна, языковая картина мира не исключает существования иных картин мира, а является основой их формирования.

В работе «Язык и знание» (2004) Е.С.Кубрякова дала развёрнутое определение термину языковой картины мира. «Это – особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого. Это – своеобразная сетка, накидываемая на наше восприятие, его оценку, совокупность обозначений, влияющая на членение опыта и *виденье ситуаций и событий* [курсив наш – Т.З.] и т.п. через призму языка и опыта, приобретённого вместе с усвоением языка и включающего в себя не только огромный корпус единиц номинации, но в известной мере и правила их образования и функционирования. В то же время языковая картина мира – это проекция концептуальной системы нашего сознания» [Кубрякова 2004: 64-65].

Формируя понятие языковой картины мира, мы исходим из того, что он тесно связано с понятием концептуальной картины. В этом смысле язык можно рассматривать в качестве основного инструмента концептуализации действительности, в том числе и исторической событийной действительности.

В исследовании исторической картины мира, закрепленной в языковых метафорических выражениях, предполагается рассмотрение системы М-моделей в аспекте взаимосвязи языка, мышления и реальности определенного периода истории. Специфика подобного метафорического моделирования заключается в том, что посредством метафор исторического текста можно репрезентировать новые аспекты исследуемых событий и явлений, а также сформировать отношение к событию, явлению или феномену. Метафора как инструмент моделирования исторического прошлого в тексте вызвала исследовательский интерес философов, лингвистов и историков [Ankersmit 1989; White 1956; Wrzosek 1989 и др.].

Известный американский историк Х.Уайт считает, что исторический дискурс создается двумя уровнями: уровнем фактов и уровнем метафорического языка. По Х.Уайту: «The historical discourse can be broken down into two levels of meaning. The facts and their formal explanation or interpretation appears as the manifest or literal “surface” of the discourse, while the figurative language used to characterize the facts points to a deep-structural meaning [White 1978: 110]. Указывая на два уровня понимания исторического дискурса, «поверхностного», т.е. языка фактов (literal “surface” of the discourse) и глубинно-структурного, т.е. образного (figurative language), Х. Уайт акцентирует преимущества последнего в понимании сути исторического факта или события.

По мнению голландского философа и историка Ф.Анкерсмита, мир исторической действительности, мир истории является излюбленным источником метафоризации, поскольку метафора отражает и структурирует исторические познания/знания. «Metaphor has been remarkably effective in organizing knowledge in ways that that may serve our social and political purposes (and this also explains why the social and the political and, hence, the historical world is metaphor’s favorite domain). Metaphor arguably is the most powerful linguistic instrument we have at our disposal for transforming reality into a world that is adaptable to human aims and purpose» [Ankersmit 1994: 13]. Называя

метафору самым мощным лингвистическим инструментом, которым обладает человек в процессе трансформации реальности в мир, приспособляемый для задач и целей автора метафор, исследователь акцентирует прагматический потенциал метафорического моделирования исторической реальности в историко-политическом тексте.

В.В.Жозек, называя историографию игрой метафор, отмечает, что изучаемое историками прошлое постигается «в свете категорий, данных им культурой, в границах которой им суждено существовать и мыслить» [Жозек 1991: 60]. Прошлое, по его мнению, «заколдовано человеческим видением мира», оно «становится объектом антропоморфизации, ибо исследуется культурой» [там же: 60]. Антропоморфизация мира в историческом тексте проявляется в «человеческом насыщении его метафорами». Действительность фактографического прошлого историка-повествователя – это, прежде всего, рассказ личности о событиях. В.В.Жозек усматривает исследовательскую важность выяснения изменчивости или устойчивости метафор той или иной культуры. Он считает, что «изменчивость или устойчивость метафор той или иной культуры обуславливает ее исторические образы, характер исторического мышления и как следствие природу историографических образов мира» [там же: 61]. Получается, что метафорическое моделирование английского исторического текста, представляя исторические образы, отраженные культурой прошлой действительности, влияет на формирование англоязычной историографической картины мира.

М.В.Никитин, рассматривая вопрос о когнитивном механизме понимания метафорического выражения в тексте, полагает, что «для говорящего это поиск моделирующих аналогов зародившейся мысли», «напротив, слушающий в начале когнитивного процесса целиком зависит от имени» [Никитин 2001: 20]. Когда читатель/слушатель сталкивается с уже усвоенными концептами, то дело сводится к их актуализации в сознании. Это случай так называемых стертых, или языковых метафор. Авторская же

метафора воспринимается читателем или слушателем не всегда просто. По мнению М.В.Никитина, усложнение идет не через специфику механизмов восприятия таких метафор, а за счет авторской картины мира, на основе индивидуального наполнения уже готовых моделей.

По мнению М.В.Никитина, «успех метафоры «картина мира» объясняется необходимостью в обобщающем термине для обозначения ментальных образований монтажной природы, а именно, для обозначения не разрозненных концептов-образов, а концептуальных структур – концептов, связанных линейными связями в цельные «картины» – ментальные миры с любой мерой автономии от действительности. В конечном счете «картина мира» в этом широком смысле означает образ некоего мира, как отраженного, так и сотворенного сознанием» [Никитин 2003: 147-148].

В исследовании М.В.Никитина метафора видится аналогической моделью, действующей на соположении двух концептов и их структур. Концепты как дискретные содержательные единицы сознания относятся к статическому плану в структуре сознания, метафора отражает динамический план когнитивных процессов, моделированное взаимодействие концептов [Никитин 2002: 261]. Ментальные пространства отдельных концептов способны объединять смысловые элементы в единую концептуальную систему.

Основываясь на этом, можно заключить, что специфика авторской метафоры историко-политического текста как объекта исследования состоит в отражении динамики взаимодействия концептуальной и языковой сфер деятельности политика. Авторское индивидуальное мировидение предопределяет выбор средств выражения. Именно метафора, которая представляет собой двухстороннюю модель, синтезируя языковую и ментальную области, создает механизм порождения смысла. К механизму построения концептуальной системы и роли языка в ее формировании мы обратимся в следующем параграфе.

1.3.2. Концептуальная система и роль языка в ее формировании

Концептуальная система является тем ментальным уровнем, где сосредоточена «совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996: 94]. Концепты универсальные структуры, с помощью которых организованы мысли человека. Развитие этих структур зависит от человеческого опыта, в том числе языкового. В лингвистике гипотеза о том, что в сознании человека существует определённый уровень, на котором лингвистическая, сенсорная и моторная информация оказывается сопоставимой, принадлежит Р.Джекендоффу. «There is a single level of mental representation, conceptual structure, at which linguistic, sensory, and motor information are compatible» [Jackendoff 1983: 17].

Основы построения концептуальной системы разработаны в логико-философских трудах Р.И. Павилениса (1983; 1986). В данных исследованиях термин *концептуальная система* понимается как непрерывно конструируемая система информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире [Павиленис 1983: 230]. В концепции Р.И. Павилениса концептуальная система отражает познавательный опыт носителя языка как на языковом, так и на доязыковом этапах. «Еще до знакомства с языком человек в определенной степени знакомится с миром, познает его; благодаря известным каналам чувственного восприятия мира он располагает определенной (истинной или ложной) информацией о нем, различает и отождествляет объекты своего познания. Усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система» [Павиленис 1983: 101].

Исследование сущности концептуальной системы невозможно без анализа процесса понимания языковых выражений в контексте отношений

между мыслью, языком и миром. Понимание, по мнению исследователя, «является процессом образования смыслов и концептов» [там же: 101], причем проблема понимания языка не имеет смысла вне проблемы понимания мира. Проблему понимания исследователь рассматривает в связи с проблемой восприятия. Он полагает, что восприятие основывается на перцептивном и концептуальном выделении объекта «из среды других объектов путем придания этому объекту определенного смысла, или концепта, в качестве ментальной его репрезентации» [Павиленис 1986: 383]. Согласно «фундаментальному принципу интерпретации», который лежит в основе теории Р.И.Павилениса, усвоить некоторый смысл – значит построить некоторую структуру, состоящую из имеющихся концептов в качестве интерпретаторов, или анализаторов, рассматриваемого концепта.

Концептуальная система у Р.И.Павилениса характеризуется последовательностью введения концептов (имеющиеся в системе концепты являются основой для введения новых), а так же непрерывностью конструирования концептуальной системы и континуальностью.

Роль языка в процессе формирования концептуальной системы усматривается Р.И.Павиленисом в том, что «естественный язык, символически фиксируя определенные концепты концептуальной картины мира, дает возможность, манипулируя на основе усвоения и по мере построения концепта..., манипулировать концептами системы. Это значит строить в ней соответствия с фундаментальным принципом интерпретации новые концептуальные структуры, которые континуально, но опосредованно – через другие концепты и их структуры – соотнесены с концептами, отражающими актуальный познавательный опыт индивида» [Павиленис 1983: 114]. По образному выражению Р.И.Павилениса, язык «вплетен» в концептуальную систему и служит для строения и символического представления содержания определенной концептуальной системы.

Концептуальная и языковая системы тесно связаны, однако между ними отсутствует однозначное соответствие. По утверждению Р.И.Павилениса

между концептуальной системой и ее языковым представлением нет изоморфизма в силу континуальности концептуальной системы и дискретности языка. Вербальные выражения исследователь образно называет «метками на непрерывном пространстве смысла» [там же: 115]. Автор полагает, что «языковым выражением кодируется не какой-то общий для коммуникантов, или один и тот же, смысл семантики языка, а концепт, непрерывно связанный с концептуальной системой и, следовательно, определенный ее» [там же: 117].

Процесс кодирования концептов языком текста видится, как процесс передачи информации, когда «на одном конце «линии передачи» концепты, принадлежащие определенным концептуальным системам, кодируются текстом, а на другом – этот текст декодируется в определенных концептуальных системах» [там же: 115].

Концепт и языковое значение обладают личностным смыслом. Языковой знак предстает одним из компонентов концепта. «Усвоенные субъектом значения слов и других содержательных единиц языка включаются в соответствующий концепт системы в качестве одной из его составляющих и способны наряду с другими составляющими концепта (визуальными, слуховыми и пр.) представлять концепт в целом. Поэтому восприятие языкового знака актуализирует субъективную образную, понятийную, эмоциональную информацию, содержащуюся в концепте, и наоборот, любой вид такой информации может быть ассоциирован со знаком» [Пищальникова 1992: 38]. Однако при всей индивидуальности содержания концептуальных систем люди понимают друг друга, поскольку именно с помощью языка происходит социализация концептуальной системы.

Понимание языкового выражения, по мнению Р.И.Павилениса, строится на интерпретации репрезентантов (языковых и неязыковых) на определенном уровне концептуальной системы, причем эта интерпретация не всегда истинна. Исследователь называет индивидуальное знание о мире

«субъективной системой знаний» [Павиленис 1986: 387]. Он полагает, что существенная часть этих знаний несет интересную информацию, которая «репрезентирует конвенционально принятое знание мира или же по крайней мере представляет то, что некоторые индивиды... думают о мире» [там же: 358]. Роль языка в этом процессе проявляется в том, что он является «средством строения символической репрезентации различных концептуальных систем и содержащейся в них разнообразной информации» [там же: 386]. Основным выводом является то, что концептуальная система представляет собой систематизированное представление знаний и мнений индивида соответствующее интересующей и субъективной информации. Язык является символическим репрезентантом этой системы.

Такое понимание роли языка в процессе формирования концептуальной системы имеет методологическое значение при моделировании мыслительных процессов. Смысл, стоящий за языковыми выражениями, в нашем случае метафорическими, оказывается «вплетенным» в индивидуальную концептуальную систему, отражающую познавательный опыт ее носителя. Понимание языкового текста следует рассматривать как интерпретацию определенной концептуальной системы. Смысл языкового метафорического выражения авторского текста в полной мере можно интерпретировать в широком контексте индивидуальной метафоры. В контексте взаимодействия мысли, языка и представляемой реальности проявляется индивидуальная метафора текста.

1.3.3. Историко-политический текст как отражение индивидуальной метафорической картины события

В дискуссиях о роли метафоры в историко-политических текстах вплоть до 1960-х гг. преобладало мнение о ее маргинальном характере [История понятий, история дискурса, история метафор 2010: 14]. Проблема метафоры в историческом тексте впервые получила решение в работах немецкого

философа Ханса Blumenberga. Исследователь показал, что метафоры имеют исторический характер. Основной целью исследования исторической метафоры он считал выявление мыслительных моделей, соответствующих определенной исторической эпохе. Впервые в теории метафоры он ввел понятие метафорической истории как реконструкции истории метафор. С тех пор статус метафоры в историческом тексте изменился и стал ассоциироваться с ролью доказательства в дискурсе [там же: 15].

Историко-политический текст видится нам как репрезентация знаний о конкретных событиях. Учитывая соотнесенность данного типа текста с реальным событием, т.е. ситуативность, мы рассматриваем цельность как основной параметр текста. В этом смысле цельность обусловлена комплексной моделью речемыслительной деятельности. Историко-политический текст в таком видении понимается как продукт познавательной деятельности, проявляющийся в субъективной интерпретации реального события. Субъективный характер повествования о событии придает метафора, которая становится параметром индивидуальной картины события. В проводимом исследовании метафора выступает как единица, изучение которой дает представление о ее описательной и обобщающей функциях. Помимо этого, метафоры, составляющие основу индивидуальной картины мира, представляются смыслообразующими, поскольку структурируют и классифицируют разнородную информацию.

Данные вопросы решаются в исследовании на материале военных мемуаров У.Черчилля, которые представляют собой историко-политический тип текста, поскольку повествуют о событиях 2-х мировых войн I-пол. XX века (1914–1918 гг.; 1939–1945гг.). В исследовании была предпринята попытка изучения особенностей метафоризации в ходе описания конкретных исторических событий. Особый интерес представляет моделирование метафоры, отражающее когнитивно-коммуникативные условия создания исторического текста (мотивированные, целенаправленные).

В качестве мотивации исследования данного материала, отражающего

индивидуальную концептуальную картину историко-политического события, послужили суждения самого автора в предисловии к тексту «The Second World War». У.Черчилль объясняет читателю свой стиль изложения мыслей и признает, что старался как и автор «*Memoirs of a Cavalier*» (1720) нанизывать хронику рассуждения о великих военно-политических событиях на нить свои личных переживаний. «I have followed..., as far as I am able, the method of Defoe's *Memoirs of a Cavalier*, in which the author hangs the chronicle and discussion of great military and political events upon the thread of the personal experiences of an individual» [Churchill 1948: iii]. Исходя из термина «мемуары» (франц. *memoires* – “воспоминания”), можно считать, что понятие мемуарного жанра связано с повествованием от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем которых он являлся. По материалу, его достоверности и отсутствию вымысла большинство мемуаров близко исторической прозе. Однако, в отличие от историка и исследователя-биографа, мемуарист, основывается на собственных непосредственных впечатлениях и воспоминаниях; при этом повсюду на переднем плане или он сам, или его точка зрения на описываемое» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 215].

Профессор истории Кэмбриджского университета Д.Рейнольдс, называя произведение «The Second World War» философией истории У.Черчилля, указывает не столько на наличие индивидуальности в описании исторических событий, сколько на присутствие в тексте системы мыслей автора, влияющих на ход истории. По утверждению Д. Рейнольдса, авторский историко-политический текст был в какой-то степени и коллективным трудом. Начиная с написания биографии своего отца, У.Черчилль создавал собственные произведения вместе с командой исследователей [Reynolds 2001: 225]. На наш взгляд, участие рабочей группы в написании историко-политического текста подтверждает достоверность цифр и военных сводок. Исследовательский же интерес представляют авторские размышления о военно-политических событиях и

индивидуальное образное восприятие военной историко-политической действительности, отраженное в метафорах текста «The Second World War».

Опора на индивидуальный характер восприятия события способствует моделированию системы индивидуальных концептуальных метафор, с помощью которых автор воспринимает и отражает реальное историческое событие.

По мнению Ф.Анкерсмита, у прошлого нет никакой «сущности», поскольку в прошлом не существует эпизодов или аспектов, помеченных ярлыком «это сущность» [Ankersmit 1983: 53]. Исследователь обращает внимание на то, что выражение «сущность (фрагмента) прошлого» не является идентифицирующей дескрипцией фрагмента или аспекта самого прошлого. Если бы это было так, то написание истории оказалось бы чрезвычайно простым занятием. «The phrase “the essence of (part of) the past” is not an identifying description of one or more parts of aspects of the past itself - if it were, the writing of history would be a very simple affair» [там же: 53]. Ф. Анкерсмит приходит к выводу, что «сущностью или фрагментом прошлого» исследователи могут назвать лишь одну из интерпретаций действительного прошлого. При этом он признает, что эти интерпретации содержат ссылку на само прошлое, а «сущность» всегда есть творение историка. «It refers to a conceptual thing and not to something in the past itself. Whoever says “*this* is the essence of (part of) the past” points to an *interpretation* of the past and not to part of the actual past (although, of course, in these interpretations reference is made to the past itself). The “essence” – if anything – is always a construction of the historian» [там же: 53]. Исходя из индивидуальности исторического текстового изложения, исследователь полагает, что литературная теория может оказаться основной вспомогательной наукой для историографа в анализе и правильном понимании исторических текстов. «Literary theory can be most helpful as an instrument for analyzing historical texts – and as such it presently is correctly perceived to be the historiographer’s main auxiliary science» [Ankersmit 2001: 74]. Ф.Анкерсмит вводит ряд терминов для анализа

исторического текста, такие как *нарративные субъекты* (образы исторических лиц) и *нарративные субстанции* – «связывающие понятия» – «тезисы об историческом прошлом или его «интерпретации», которые служат историку руководством при построении нарратива и выражают содержание или когнитивное ядро исторических нарративов [Анкерсмит 2003: 145]. Данные термины, соотнесенные с понятиями теории текста, помогут раскрыть суть историографической функции метафоры.

В нашем исследовании, мы исходим из того, что *историография/historical writing* изучает не события прошлого непосредственно, а индивидуальную интерпретацию историками этих событий [Furay, Salevouris 1988: 223]. По их мнению, обращение к авторским суждениям об исторических фактах, к их интерпретации событий истории в текстах, с целью пониманию авторского мировосприятия в определенные периоды истории предполагает обращение к ментальным структурам, т.е. концептуальной метафоре или *метафорической модели*.

Историографическая функция авторской концептуальной метафоры проявляется в образной индивидуальной интерпретации исторического прошлого. Известный американский историк и литературный критик Х.Уайт сравнивает использование тропов в историческом дискурсе с воплощением его души (*troping is the soul of discourse*) [White 1978: 29]. По его мнению, чтобы представить в собственном тексте на языке тропов реальный факт истории как возможный объект познания, историк должен предварительно перенести на язык тропа целую цепь событий, о которых говорится в документах [там же: 30]. Состояние воображения, в котором пребывает автор, до изложения в тексте исторического события посредством фигур речи, Х.Уайт называет *предобразным актом (prefigurative act)* и сравнивает его с поэтическим. Можно предположить, что по аналогии с этим, историк также находится в поиске нужной метафоры для точного и образного представления исторического прошлого. Х.Уайт пишет: «in order to figure “what really happened” in the past, therefore, the historian must prefigure as a

possible object of knowledge the whole set of events reported in the documents. This prefigurative act is poetic in as much as it is precognitive and precritical in the economy of the historian's own consciousness» [там же: 30-31]. Ссылаясь на ряд мнений, Х.Уайт полагает, что все исторические повествования содержат тот или иной элемент интерпретации и с трудом поддаются дальнейшему упрощению или интерпретации (an irreducible and inextricable element of interpretation) [там же: 51]. Исследователь объясняет, почему историку, автору текста, приходится обращаться к интерпретации своего материала. Чтобы создать живой фрагмент образов, в котором должен зеркально отразиться отрезок исторического процесса. Он аргументирует это следующим образом: «The historian has to interpret his materials in order to construct the moving pattern of images in which the form of the historical process is to be mirrored» [там же: 51]. В определённом смысле исследователь доказывает, что повествование предлагает структуру прошлого, не имеющего собственной структуры или предполагающей ее каждый раз новой в новом тексте.

Прагматический потенциал авторского историко-политического текста Х.Уайт усматривает в том, что текст представляет особые вариации построения сюжета, доказательства и присутствующего в повествовании идеологического скрытого смысла: «...represents a particular combination of modes of *emplotment* (курсив наш – Т.З.), argument and ideological implication» [White 1973: 29]. Смысл отсутствующего в словарях термина *emplotment* понимается нами как понятие *сюжетирования* или «построение сюжета». Построение и развитие сюжетных линий «The Second World War» происходит в соответствии с развитием реальных исторических событий в авторской интерпретации, которая проявляется не в искажении исторических фактов, а в образном метафорическом представлении военных событий.

Ф.Анкерсмит представляет описание исторических событий в виде постоянно меняющегося процесса, при котором автор исторического текста

не просто дополняет или развивает чью-то концепцию исторического развития, а пишет свою. Исследователь выдвигает свой аргумент: «There are no permanent results in historiography; there is not – nor will there ever be – a book on a general historical subject that is accepted by all historians as the embodiment of a final “*seeing as* (курсив наш – Т.З.)” leaving room for research on points of detail only» [Ankersmit 1983: 83]. Представление исторического события исследователем, его видение исторического факта субъективно. «*Видение как*» в историческом тексте не является копией объекта исторического исследования. На истоки суждения Ф.Анкерсмита указывает термин *Видеть как/Seeing as*, взятый из ранних теорий метафоры (Davidson 1978; Ricoeur 1975, 1978). Можно трактовать мысль Ф.Анкерсмита, основываясь на понимании идеи названных теоретиков метафоры, что *Видеть как/Seeing as* выполняет роль схемы метафоризации. *Видение как/Seeing as* является равным соотношению смысла и образа исторического факта или события в авторском метафорическом моделировании представления исторической действительности.

Таким образом, исследование конкретного историко-политического текста с позиции базовых метафорических моделей, составляющих его основу, подразумевает реконструкцию комплексного многообразия метафорических моделей. Целью анализа практического материала является выявление индивидуального смысла исторического события, создаваемого посредством метафор. Мы полагаем взаимное дополнение двух картин исторического события: объективной и метафорической. Метафоры исторических текстов могут служить средством описания реальных исторических событий. Доказательству данного положения посвящена следующая глава.

Выводы к главе 1

1. Ранние теории метафоры сыграли большую роль в формировании современного взгляда на метафору. Для современной теории языка особенно значимыми явились положения из ранних теорий метафоры, трактующие данный феномен как средства познания мира.

2. Модель метафоры представляет собой многоаспектный комплекс взаимодействия смысловых составляющих. Образный аспект метафорического процесса позволяет рассматривать метафорическое моделирование действительности в образной системе метафорических представлений. Это является аспектом изучения риторико-стилистического направления в метафорологии. В когнитивном аспекте метафора и метафорическое моделирование изучаются как ментальные операции, или как способы осмысления и образного представления действительности. Реальная действительность репрезентируется в языке с помощью метафоры, поэтому ее изучение также возможно с помощью метафорического моделирования.

3. Историко-политический текст выражает знания политика об исторической действительности и рассматривается как воплощение авторской картины мира, сконструированной с помощью концептуальных метафор. Система М-моделей, включающая использованные метафоры, способна выступить как исследовательский конструкт, или как модель авторского сознания. Это дает основание исследовать целостную историко-политическую картину, смоделированную с помощью авторских метафор. Направление метафорической проекции идет от области-источника (сигнификативной области) к области-мишени (денотативной области). Моделирование реальности, в нашем случае исторической, возможно с помощью индивидуальных концептуальных моделей.

4. Понимание языкового текста, рассматриваемого как интерпретация определенной концептуальной системы, выстраивается на анализе смысла языкового метафорического выражения. Система моделей метафоры в

индивидуальном историко-политическом тексте имеет сложную структуру. В контексте взаимодействия мысли, языка и представляемой событийной реальности проявляется индивидуальная метафора историко-политического текста.

5. Историографическая функция авторской концептуальной метафоры проявляется в ее образной индивидуальной интерпретации исторического прошлого. Обращение к авторским суждениям об исторических фактах, к их интерпретации событий истории в текстах, с целью понимания авторского мировосприятия в определенные периоды истории предполагает обращение к ментальным структурам, к таким как М-модель, вернее к соположению М-моделей, использованных в рамках одного текста/сюжета и находящихся в смысловом «переплетении».

Глава 2. Исследование метафорического моделирования события на материале мемуаров У.Черчилля

История, как и любая другая наука, развивается с помощью определенной методологии, законов и принципов. Основным общенаучным принципом развития данной науки является принцип наблюдаемости, предполагающий последующее описание, анализ и оценку. Описание исторических событий осуществляется с помощью единиц языка, в число которых входит метафора.

Обратимся к исследованию метафоры, актуализирующей авторские познавательные возможности конкретного исторического события.

В число исследовательских задач входит разработка методики описания и последующего анализа процедуры индивидуального моделирования действительности с помощью метафоры.

Использование метафоры при описании исторических событий, казалось бы, очевидно. Вместе с тем, исторические события «привязаны» к определенному этапу в развитии той или иной страны, к личностям, причинам и другим факторам. Поэтому для лингвистики важно изучить, какие именно метафоры используются при описании различных событий, и в какой мере они могут служить средством описания, т.е. конструирования смысла исторического события. Эти задачи составляют основу исследования практического материала.

2.1. Методика моделирования историко-политического события

Задачи моделирования обусловлены рядом лингвистических и экстралингвистических причин. В рамках истории как науки чрезвычайно важно воссоздание обстановки дистантно удаленных событий, анализ которых предполагает применение различных средств, в частности, моделирование. В этом плане выявление и изучение метафор, используемых

автором при описании конкретного исторического события, способствует решению указанных задач.

Методика анализа практического материала разрабатывается с учетом следующего. В нашем исследовании мы пытаемся доказать, что метафоры отражают индивидуальное видение (индивидуальную картину мира) автора. Поскольку ментальные процессы скрыты от непосредственного наблюдения, то об их характере можно судить лишь по эксплицитно выраженным следам, оставленным в тексте. Следовательно, наиболее адекватным методом является воссоздание познавательной схемы, в основе которой лежат метафоры как конечные продукты мыслительного процесса, зафиксированные в тексте.

Учитывая это, в качестве теоретических основ методики анализа мы используем следующие положения:

- предметом анализа является не просто метафора в виде фигуры/тропа, а метафора как когнитивная категория, обладающая историографической функции в раскрытии смысла исторического события (см.: 1.3.3. гл.1);
- при описании конкретного события индивидуальное мышление репрезентируется в соответствующих метафорах; исследование индивидуальных метафор позволяет сконструировать мыслительные модели, соотносимые с конкретными историческими событиями (см.: 1.2.2. и 1.3.1. гл.1);
- реставрация авторского концептуального видения исторического события возможна с помощью фреймо-слотовых структур концептуальной метафоры, получивших описание в работах (Lakoff, Johnson 1980, Баранов 1991, Чудинов 2001, Будаев 2010).

Комплексный характер методики анализа метафорической картины исторического события соотносим со следующей поэтапной процедурой: моделирование смысловых структур авторской метафоры событийного плана (событийного сюжета), классификация выявленных фреймо-слотовых М-моделей, количественный подсчет результатов, семантический и

контекстуальный анализ изучаемых единиц, представленных фреймо-слотовым моделированием.

Методика анализа практического материала включает три этапа:

- выстраивание *событийного плана*, представляющего последовательность эпизодов исторической действительности;
- изучение и описание *языковой репрезентации*, отражающей авторское восприятие реальных событий с помощью метафорой;
- *фреймо-слотовое моделирование* авторской метафоры с ориентацией на исходную/сигнификативную понятийную область (сферу-источник) метафорического переноса.

Предлагаемая в работе комплексная методика ориентирована на исследование функций метафоры в аспекте историографии. Это, в свою очередь, предполагает решение следующих *задач*:

- построение событийного ряда с ориентацией на хронологию в мемуарах У. Черчилля «The Second World War»;
- формирование корпуса метафор по принципу ориентации на сферу-источник при метафорическом описании историко-политического события;
- описание и интерпретация смысловых структур М-моделей авторской метафоры событийного плана (событийного сюжета);
- обобщение полученных результатов путем статистической обработки.

Цель анализа практического материала – изучить возможность метафорического моделирования на материале описания конкретного историко-политического события и раскрыть историографический потенциал авторских метафор.

В методике анализа используются понятия:

1. *Модель метафорической проекции* понимаемая, вслед за А.Н.Барановым, как множество кортежей сигнификативных и денотативных дескрипторов, которые описывают область источника и область цели метафоризации. *Область источника*, и *область цели* понимаются как

структурированные области знаний, описываемые специальным метаязыком *семантических дескрипторов* – денотативных (для области цели) и сигнификативных (для области источника) [Баранов 2003: 78].

2. *Метафорическая модель* (М-модель) соотносима с областью источником [Баранов 2003: 79].

3. *Метафорическое моделирование* (М-моделирование) понимаемое, вслед за В.Н.Телия, как «человеческая *антропометричность*, или соизмеримость универсума с понятийными для человеческого восприятия образами и символами» [Телия 1988: 175]. Основы М-моделирования рассматриваются В.Н.Телия комплексно. Первый этап – это основание метафоры как мысль о мире (предмете, *событии* (курсив наш – Т.З.), свойстве и т.п.). Второй этап – это образное представление о сущности, которое актуализируется в метафоре в той части, которая соизмерима с формирующейся мыслью о мире, как по содержанию, так и по подобию, соответствующему антропометричности создаваемого представления. Третьим этапом, играющим роль посредника между первыми двумя, называется само значение переосмысляемого при посредстве метафоризации имени. Значение вводит в метафору само образное представление, которое соотносится с референтом данного значения и при этом действует, как фильтр, т.е. организует смысл нового понятия. *Метафорическое моделирование*, по В.Н.Телия, это – процесс взаимодействия указанных операций, «который приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению этого знания» [Телия 1988: 186].

4. *Историография* (*historical writing*) понимается нами, вслед за К. Фюреем и М.Салевурисом, как интерпретация этих событий [Furay and Salevouris 1988: 223]. *Историографическая функция* авторской метафоры проявляется в ее образной индивидуальной интерпретации исторического прошлого. Называя *историографию* игрой метафор, В.В.Жозек, заключает, что изучаемое историками прошлое «заколдовано человеческим видением мира», оно «становится объектом антропоморфизации, ибо исследуется

культурой» [Вжозек 1999: 60]. Антропоморфизация мира в историческом тексте проявляется в «человеческом насыщении его метафорами». Действительность фактографического прошлого у повествователя – это, прежде всего, рассказ личности о событиях.

5. *Сюжетирование (emplotment)* понимается нами, согласно Х.Уайту, как процесс построения сюжета. Он считает, что все исторические повествования содержат тот или иной элемент интерпретации для создания живого фрагмента образов, в котором должен зеркально отразиться отрезок исторического процесса [White 1978: 51]. Х.Уайт вводит понятие *сюжетирования (emplotment)*, полагая, что текст, являясь местом реализации работы метафоры, представляет особые вариации построения сюжета, как доказательства присутствующего в повествовании авторского скрытого смысла [White 1975: 29].

6. *Персонафицированная метафора*, относимая нами, вслед за авторами теории концептуальной метафоры Дж.Лакоффом и М.Джонсоном, к разряду онтологических метафор [Lakoff, Johnson 2003: 33], категоризирует абстрактные сущности и одушевляет предметные понятия. Развивая теорию концептуальной метафоры, А.Н. Баранов признает, что, реализуясь в комбинациях с М-моделью *персонафикации*, М-модели метафорического выражения даже в случае, когда «одна из метафорической проекции оказывается совершенно стёртой, «мёртвой» метафорой» [Баранов 2003: 93], привносят в сферу онтологической сочетаемости что-то свое.

По Н.Д.Арутюновой, событие обладает тройкой локализацией: оно локализовано в человеческой сфере, определяющей ту систему отношений, в которую оно входит, оно происходит в некоторое время и в некотором реальном пространстве [Арутюнова 1999: 507]. Свойство локализации события в человеческой сфере находит реализацию в антропоморфной метафоризации и прежде всего в *персонафицированной метафоре*.

7. *Фреймо-слововые структуры* соотносимы в исследовании, вслед за М.Минским и Ч.Филмором, со структурами данных или системами

концептов, представляющих ментально стереотипную ситуацию. Постулируя наличие индивидуального М-моделирования, исследователи предполагают существование у каждого человека собственного набора *фреймов*, формирующихся на протяжении всей жизни. Анализ индивидуального моделирования идет от выявления и интерпретации *фреймо-слововых структур* концептуальных метафор. М.Минский (1979) называет эти структуры, как и Ч.Филмор (1975) структурами данных, предназначенных для представления в мозгу человека определенной стереотипной ситуации [Минский 1988: 289]. *Фрейм*, по Ч.Филмору – система концептов, составленная таким образом, что для того чтобы понять один из них приходится понимать всю структуру, с которой он соотносится в целом [Fillmore 2006:373].

В определении фреймо-слововых разновидностей М-моделей исследователи (А.Н.Баранов, Э.В.Будаев; Ю.Н.Караулов; А.П. Чудинов и др.) разделяют «расширительную» интерпретацию концептуальной метафоры, исходя из представлений о языке когнитивного направления лингвистики, где язык – это «единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся естественным образом на лексикон, морфологию и синтаксис» [Чудинов 2001: 37]. Эти суждения выстроены на основе того, что под метафорой понимается только не собственно метафоры, но и сравнительные обороты, разнообразные перифразы, метонимия и иные образные средства. В настоящем исследовании метафора понимается в «расширительном» значении.

2.2. Моделирование историко-политического события с помощью метафоры

В данном параграфе представлены результаты изучения специфики авторской метафорической картины исторического события с учетом разработанной методики описания.

Сюжетирование событийного ряда осуществляется с ориентацией на его хронологию в 1-ом и 3-ем томах 6-томного издания У.Черчилля «The

Second World War». Анализ содержания хронологии событий позволил нам выстроить следующую последовательность событийных сюжетов:

«The Gathering Storm»

1. Поражение Германии в Первой мировой войне.
2. Зарождение фашизма, события в Германии (1933г.).
3. Появление союзника у Италии, возникновение «Оси Рим-Берлин» (1935–1936гг.).
4. «Мюнхенский сговор», падение Чехословакии (1938г.).
5. Захват Польши (1939г.).

«The Grand Alliance»

6. Восстание в Югославии (апрель 1941).
7. Нападение Германии на СССР (июнь 1941).
8. Нападение Японии на США и создание «Великого союза» (декабрь 1941).

В исследовании последовательно описываются 8 событийных сюжетов. Обратимся к первому сюжету *«Поражение Германии в Первой мировой войне»*.

2.2.1. Метафорическое моделирование событийного сюжета *«Поражение Германии в Первой мировой войне»*

Метафорическое моделирование исторического события и интерпретация М-моделей предполагает три компонента: рассмотрение событийного плана, описание языковой репрезентации авторской метафоры и фреймо-слотовое моделирование.

В соответствии с выработанной нами методикой анализа метафорической репрезентации исторического события рассмотрим последовательно событийный план первого сюжета, который включает исторический факт подписания Версальского мирного договора 1919 г., официально завершившего Первую мировую войну. В марте 1918 г. Россия заключила с Германией сепаратный мир и не участвовала в подписании

договора в Версале. Договор имел целью закрепление передела мира в пользу держав-победительниц: Великобритании и Франции. По условиям договора Германия возвращала Франции Эльзас-Лотарингию, признавала и обязывалась строго соблюдать независимость Австрии, Польши и Чехословакии. Вся германская часть левобережья Рейна и полоса правого берега шириной в 50 км подлежала демилитаризации. Германия лишалась всех колоний, которые позднее были поделены между главами державами-победительницами на основе мандатов Лиги Нации. Германии запрещалось иметь многие современные виды вооружения. Она должна была возмещать в форме репараций убытки, понесенные правительствами и отдельными гражданами стран Антанты в результате военных действий.

Данный сюжет представлен в мемуарах У.Черчилля с помощью восьми текстовых фрагментов. Отметим, что описание исторического сюжета автором с помощью метафор связано с индивидуальной характеристикой участниц события. Именно описание характера стран-участниц (Германии, Франции, Британии, России, США и Японии) составляет основу анализа событийного сюжета «*Поражение Германии в Первой мировой войне*». Рассмотрим текстовой фрагмент, связанный с первым событийным сюжетом:

(I) «In the summer 1919, the Allied armies *stood* (1. AM) along the Rhine, and their bridgeheads *bulged* into (2. CM) *deeply* (3. ПМ) into *defeated* (4. CM), *disarmed* (5. CM), and *hungry* (6. AM) Germany. The chiefs of the *victor* (7. CM) *Powers* (8.TH) debated and disputed the future in Paris. Before them lay the map of Europe to be redrawn almost as they might resolve. After fifty-two months of *agony* (9. AM) and *hazards* (10. CM) the Teutonic Coalition lay at *the mercy* (11. AM) and not one of its four members could *offer* (12. AM) the slighters *resistance* (13. TH) to their *will* (14. AM). Germany, *the head* (15. AM) and *front* of the *offence* (16. CM), regarded by all as the prime course of the *catastrophe* (17. CM) which had fallen upon world, was at the *mercy* (18. AM) of discretion of *conquerors* (19. CM),

themselves *reeling* from (20. AM) *the torment* (21. AM) they had *endured* (22. AM). Moreover, this had been a war, not of government, but of peoples. The whole *life* (23. AM) – *energy* (24. TH) of the greatest nations had been *poured out* (25. ПМ) in *wrath* (26. AM) and *slaughter* (27. CM). The war leaders assembled in Paris had been borne thither upon the strongest and most furious *tides* (28. ПМ) that have ever *flowed* (29. ПМ) in human history» (I p. 4).

Как видно из приведенного текста, основными моделями метафорической проекции, которые передают авторское восприятие стран-участниц событийного сюжета, являются модели: *Germany – a Person/A Victim*; *Germany - a Person/A Criminal*; *England and France – Persons/Conquerors*. Данные модели представляют собой метафоры персонификации. Германия, Англия и Франция осмысляются людьми, при этом в М-модели *Victim/ Жертва* сигнификативные дескрипторы *defeated* (4), *disarmed* (5) and *hungry* (6) изначально создают образ Германии «побежденной, обезоруженной и голодающей» персоны. С помощью следующей М-модели автор создает криминальный образ Германии. В М-модели *A Criminal/ Преступник* сигнификативный дескриптор *the offence* (18) способствует представлению Германии в качестве главаря и предводителя преступных сил. Метафорические образы Германии, Англии и Франции соотносимы с послевоенными событиями 1919 года. *England and France – Conquerors /Завоеватели*, которые сами еле *держались на ногах* (20) после *пережитых* (22) ими *мучений* (21). Автор создает образы персонифицированных участников и показывает, что они живут (23), проявляя свои чувства в *гневе* (26). Их жизненная энергия *изливается* (25) в этом гневе. Жестокость и ужас военных действий, в которых они принимают участие отражены с помощью метафоры *slaughter/избиение, резня*.

Как видим, дескрипторы *power, energy* сигнификативной понятийной сферы *Physics*, используемые автором, акцентируют мощь/силу участников и придают героический пафос историческому событию.

Автор описывает стихию войны с помощью динамики природоморфной М-модели *Воды*. Эта динамика движения репрезентируется в образах водной стихии сигнификативных дескрипторов *poured out* (25), *tides* (28), *flowed* (29). У.Черчилль использует данные образы с целью создания стихийной картины военного времени. Военных руководителей стран-участниц войны выносит на своём гребне самая мощная и самая яростная *волна* (28), когда-либо *вздымавшаяся* (29) в истории человечества. В авторской метафоре присутствует оценка событий Первой мировой войны.

Текстовой фрагмент описывает участников военного конфликта в качестве противоборствующих сторон. Историографическая функция метафоры проявляется в создании образов-участников событий Первой мировой войны после подписания ими Версальского договора 28 июня 1919 года через авторское восприятие исторических событий. Целевая установка автора, на наш взгляд, соотносима с характеристикой участников исторического события.

Осмысление текста и интерпретация авторской метафоры с позиции когнитивного анализа соотносится со смысловыми ассоциациями выделенных в тексте фреймо-слотовых разновидностей М-моделей 4-х сигнификативных понятийных сфер: антропоморфной, социоморфной, природоморфной и сферы точных наук (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): Personal action/ability (1), (12), (20), (23); Disease/ health (6), (9), (21), (22); Feelings/Emotions/Senses (11), (14), (18), (26); Body parts (15).

Социоморфные модели (СМ): Military action (2); Victim (4), (5); Victor (7); Criminal (10), (16), (27); Destruction (17); Conqueror (19).

Природоморфные модели (ПМ): Water (3), (25), (28), (29).

Модели точных наук (ТН): Physics (8), (13), (24).

Обратимся к анализу следующего события, где особый исследовательский интерес представляет описание У. Черчиллем образа

Германии с помощью употребления антропоморфной и социоморфной М-моделей:

(II) «But the future was *heavy* (1. TH) with foreboding. The population of France was less than two-thirds that of Germany. The French population was stationary, while the German grew. In a decade or less the annual *flood* (2. ПМ) of German youth *reaching* (3. CM) the military age must be double that of France. Germany had *fought* (4. CM) nearly the whole world. Almost *single-handed* (5. AM) and *she* had almost *conquered* (6. CM). Those who knew the most knew best the several occasions when the result of Great War had *trembled* (7. AM) in the *balance* (8. TH), and the accidents and chances which had turned the *fateful* (9. CM) *scale* (10. АФ)» (I p. 5).

Как видим из приведенного текста, основной моделью метафорической проекции в представлении автором Германии является модель: *Germany – a Person/a Conqueror*. Сигнификативные дескрипторы социоморфной М-модели *fought*, *conquered* семантически дополняются смыслами сигнификативного дескриптора *single-handed* антропоморфной морбиальной М-модели. Смысловое взаимодействие М-моделей этой метафоры не только способствует персонификации при создании образа Германии, но и передает авторское отношение. У.Черчилль отмечает недюжинную силу воевавшей на два фронта страны, которая лишилась после Версальского мирного договора армии, авиации и флота. Метафорически автор передает исторический факт возрождения нацистской Германии после поражения в Первой мировой войне, чем подтверждает историографический потенциал этой метафоры.

Первые две метафоры можно сопроводить информацией из “Encyclopedia Britannica”, подтверждающей историографическую корректность авторских метафор:

<http://www.britannica.com/EBchecked/topic/626485/Treaty-of-Versailles>

Выявленные нами М-модели, связанные с описанием исторической

ситуации после поражения Германии в Первой мировой войне можно отнести к 4-м сигнификативным областям: *Person, Society, Nature u Science*. Семантические поля сигнификативных дескрипторов из этих областей образуют соответственно Антропоморфные, Социоморфные, Природоморфные М-модели и М-модели точных наук (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): Disease/health (7); Body parts (5).

Социоморфные модели (СМ): Military action (4), (6); Myth/Faith (9); Travel/Roads (3).

Природоморфные модели (ПМ): Water (2).

Модели точных наук (ТН): Weight (1), (8), (10).

Остановимся на характеристике следующего фрагмента текста, который дополняет видение У.Черчиллем Германии после ее поражения в Первой мировой войне, когда автор выражает свою оценку, представляя Германию *жертвой/a prey*:

(III) «On Armistice Day, the German armies had marched homeward in good order. “They fought well”, said Marshal Foch, Generalissimo of the Allies, with the *laurels* (1. ПМ) bright upon his *brow* (2. АМ), speaking in soldierly mood: “let them keep their weapons”. But he demanded that the French frontier should henceforth be the Rhine. Germany might be *disarmed* (3. СМ); *her* military *system* (4. АФ) *shivered* (4. АМ) in *fragments* (5. АФ); *her* fortresses dismantled: Germany might be *impoverished* (6. СМ); *she* might be *loaded* (7. СМ) with measureless indemnities; *she* might become *a prey* (8. СМ) to internal feuds; but all this would *pass* (9. СМ) in ten years or in twenty» (I p. 6).

Историографическая функция метафоры позволяет автору описать событийную действительность с помощью метафор в индивидуальных вербальных репрезентаций образа основной участницы события.

Основная модель метафорической проекции *Germany – a Person/a Prey* объединяет фреймо-слотовые разновидности М-моделей: М-модели

персонификации и социоморфной М-модели. Новый смысловой акцент в историко-политическом портрете Германии ставят М-модели этой авторской метафоры. Индивидуальное видение автором основного участника сюжета Германии в образе возможной *жертвы* (8) репрезентируется в ментальных связях, закрепленных в метафоре. Персонификация Германии усложняется социоморфной М-моделью (3). Образ Германии воспринимается персоной, которую можно не только *разоружить/to disarm* (3), но и *разорить/to impoverish* (6) и *обложить* неограниченной контрибуцией/ *to load* (7).

Сигнификативные дескрипторы *system* и *fragment* добавляют некую структурность в представление образа страны. Дескрипторы *disarmed* и *shivered* размещают метафорический образ в повествовательную рамку военного периода, периода разрушения. Историкографическая функция метафоры проявляется в создании автором смысловых представлений с помощью сигнификативных дескрипторов *disarmed* (3), *impoverished* (6), *a prey* (8) образа Германии после ее поражения в Первой мировой войне.

Интерпретация авторской метафоры (I р. 6) соотносится с выделенными в тексте фреймо-слотовыми разновидностями М-моделей 4-х сигнификативных понятийных сфер: Человек, Общество, Природа, Артефакт. Семантические поля сигнификативных дескрипторов этих областей образуют соответственно Антропоморфные, Социоморфные, Природоморфные и Артефактные М-модели (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): Face/Appearance (2); Human Action (4).

Социоморфные модели (СМ): Economy (6), (7); Military action (3); Victim (8); Travel/Roads (9).

Природоморфные модели (ПМ): Plants (1).

Артефактные модели (АФ): System/Construction (4).

В языковой репрезентации (I р. 9) событийного сюжета «Поражение Германии в Первой мировой войне» основной ее участник Germany представлен автором как должник/*a debtor*:

(IV) «Germany only *paid* (1. AM), or was only *able* (2. AM) *to pay*, the indemnities later *extorted* (3. CM) because the United States was profusely *lending* (4. CM) money to Europe and especially to *her*. In fact, during the three years 1926 to 1929 the United States was *receiving back* (5. CM) in the form of debt-installment indemnities from all quarters about one-fifth of the money which *she* was *lending* (6. CM) to Germany with no chance of *repayment* (7. CM). However, everybody seemed *pleased* (8. AM) and appeared *to think* (9. AM) this might go on forever» (I p. 9).

Основные модели метафорической проекции: German – *a Person/a Debtor*. В языковой репрезентации (I p. 9) Германия, Европа и Соединенные Штаты персонифицируются системой сигнификативных дескрипторов. В моделях метафорической проекции Germany/Europe – *a Person/a Debtor* и the United States – *a Person/a Lender* образы стран описывается средствами сигнификативных дескрипторов *to pay; lending money*, предлагая осмысливать картину в экономических понятиях. Действие, которое метафорически представляет образ Германии и ориентирует нас увидеть его в исходном понятийном пространстве *Crime*. Контрибуция, которую уплатила Германия, *добыта вымогательством/extorted* (3). При этом создатель метафоры представляет США как щедрую персону, которая ссужает деньги Европе. Метафорическое осмысление военной действительности мудрым политиком в понятиях слота *Crime activity* и *Money* социоморфных М-моделей предполагает историко-политическую осведомленность автора сложной метафоры. Справка из “Encyclopedia Britannica” дает подтверждение цифрами этой образной картине события. (<http://www.britannica.com/EBchecked/topic/626485/Treaty-of-Versailles>)

Из энциклопедической справки следует, что невозможно подсчитать точную сумму, которую необходимо было уплатить в качестве репараций за тот ущерб, который нанесла Германия, особенно во Франции и в Бельгии ко времени подписания) Версальского договора, но назначенная в 1921 году комиссия, подсчитала потери, нанесённые гражданскому населению в

размере 33 миллиарда долларов. Несмотря на то, что экономисты в то время утверждали, что такая огромная сумма денег никогда не сможет быть собранной без расстройтва международных финансов, союзники настаивали на том, чтобы заставить Германию платить и договор позволял применить к Германии санкции, если она задержит свои платежи.

Фреймо-слотовые разновидности М-моделей этого фрагмента событийного сюжета представлены в Антропоморфных и Социоморфных видах (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (AM): Human Action/Ability (1), (2), (9); Feelings/Emotions/Senses (8).

Социоморфные модели (CM): Money/Finance (3), (4), (5), (6), (7); Crime (3).

У.Черчилль описывает Британию и французскую нацию с помощью метафоры в следующем текстовом фрагменте (I p. 6):

(V) «When again would *peaceful* (1. AM), *careless* (2. AM), *anti-militarist* (3. AM) Britain *tramp* (4. CM) the plains of Artois and Picardy with armies of two million men? When again would the ocean *bear* (5. AM) two millions of the splendid manhood of America to Champagne and the Argonne? *Worn down* (6. AM), *doubly decimated* (7. TH), but undisputed *masters* (8. CM) of the *hour* (9. TH) the French nation *peered* (10. AM) *into* the future in *thankful* (11. AM) *wonder* (12. AM) and *hunting* (13. CM) *dread* (14. AM). Where then was that Security without which all that had been gained seemed *valueless* (15. CM), and life itself, even amid the rejoicings of victory, was almost unendurable? The mortal need was security at all *costs* (16. CM) and by all methods, however *stern* (17. AM) or even *harsh* (18. AM)» (I p. 6).

Основные модели метафорической проекции: Britain – *a Peaceful Person*; the French nation – *a Frightened Person*.

Модель метафорической проекции Britain – *a Peaceful Person* представляет образ Британии мирной и беззаботной особой, которая не любит воевать и бродит по равнинам Франции, при этом читателем может

ощущаться озабоченность, тревога и досада автора. Персонафикация осуществляется рядом антропоморфных сигнификативных дескрипторов *peaceful (1), careless (2), anti-militarist (3)*.

Следующая модель метафорической проекции *the French nation – a Frightened Person* представляет образ французской нации/ *the French nation* в авторской симпатии и сопереживании. Персонафикация осуществляется большинством антропоморфных сигнификативных дескрипторов *worn down; undisputed; thankful; wonder; dread*. Это образ госпожи момента, которая истощена, но при этом вглядывается в будущее со смешанным чувством благодарного удивления и гнетущего страха. Сигнификативные дескрипторы фреймов М-моделей точных наук и природоморфной М-модели вносят детальность. Историографичность метафоры в образной корректности исторической действительности. Британский экспедиционный корпус действительно вел военные действия во французских провинциях Artois and Picardy и военные операции Антанты унесли жизни сотен тысяч солдат с обеих сторон. Франция же несла основное бремя ответственности на западном театре военных действий в течение Первой мировой войны и имела значительные людские потери, что подтверждается цитатой из “Encyclopedia Britannica”:

<http://www.britannica.com/EBchecked/topic/215768/France/40454/World-War-I>

Информация из энциклопедии дает подтверждение тому, что победа была достигнута огромной ценой для Франции. Из 8 миллионов мобилизованных французов, 1,3 миллиона человек были убиты и почти один миллион покалечены. Обширные площади северо-восточной Франции, наиболее развитые в индустриальном и сельскохозяйственном плане были разорены. Промышленное производство упало до 60% к довоенному уровню, экономический рост стал невозможен в течение десяти лет. Огромная цена военных действий серьезно подорвала франк и предопределила его неустойчивость на многие годы.

Осмысление текста и интерпретация авторской метафоры (I p. 6) с позиции когнитивного анализа соотносится с выделенными в тексте фреймослововыми разновидностями 3-х М-моделей: Антропоморфной, Социоморфной и М-модели точных наук (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (AM): Character traits (1), (2), (3), (17), (18); Personal Action (5), (10); Disease/health (6); Feelings/Emotions/Senses (11), (12), (14).

Социоморфные модели (CM): Travel/ Roads (4); Social classes (8); Hunting (13); Money/Finance (15), (16).

Модели точных наук (TH): Mathematics (7); Physics (9).

Особый интерес в описании исторического сюжета «Поражение Германии в Первой мировой войне» в языковой репрезентации (I p. 6-7) представляет метафорическое представление Франции в образе воина/a warrior:

(VI) «The *indestructible* (1. CM) *might* (2. TH) “of all the German tribes” would rise once more and the unquenched *fires* (3. ПМ) of warrior (4. CM) Prussia *glow* (5. ПМ) and *burn* (6. ПМ) again. But the Rhine, the broad, deep, *swift-flowing* (7. CM) Rhine, once held and *fortified* (8. CM) by the French Army, would be a *barrier* (9. CM) and a *shield* (10. CM) behind which France could *dwell* (11. AM) and *breathe* (12. AM) for generations. Very different were the *sentiments* (13. AM) and *views* (14. AM) of *the* English-speaking world , without whose *aid* (15. AM) France must have *succumbed* (16. AM)» (I p. 6-7).

Исходя из понимания смысла текста, основными моделями метафорической проекции авторской метафоры (I p. 6–7) являются следующие модели: Prussia – *A Person/a Warrior*; France – *A Person/ a Warrior*; Rhine – *a France shield*; the English-speaking world – *A Person*.

Первая модель метафорической проекции Prussia – *A Person /a Warrior* репрезентирована с помощью дескриптора warrior (4) Prussia и

представляет метафорический образ воинственной Пруссии в совокупности с М-моделью *Fire* во фреймо-слотовом наборе сигнификативных дескрипторов *fires* (3), *glow* (5) и *burn* (6).

Исходя из уже построенной модели метафорической проекции *Prussia – A Person/a Warrior* и сигнификативного дескриптора *a shield* (10) выстраивается персонифицированная социоморфная М-модель *France – A Person/a Warrior*. Щит – это доспехи воина, отсюда образ Франции воспринимается тоже как образ воина. У. Черчилль стремится создать образ Франции в образе былинного героя.

Франция персонифицируется с помощью сигнификативных дескрипторов фреймов *Person actions* и *Human ability* антропоморфных М-моделей. Возможность Франции спокойно *жить* и *дышать/dwell* (11), *breathe* (12) концептуализируется в совокупности с восприятием в этой метафоре образа *the Rhine*. Рейн М-моделируется набором сигнификативных дескрипторов (9); (10). Рейн – *барьер/a barrier* и *щит/a shield*, он защищает фигуру Франции на этом картографированном фрагменте военно-исторической картины. Выгодное историческое месторасположение в военных действиях – стратегический объективный фактор, который передан У.Черчиллем средствами метафоры (I р. 7). В метафорической репрезентации этого фактора проявляется историографический потенциал метафоры.

Осмысление текста и интерпретация авторской метафоры с позиции когнитивного анализа соотносится с анализом функционирования выделенных в тексте фреймо-слотовых разновидностей М-моделей 4-х сигнификативных понятийных сфер: антропоморфной, социоморфной, природоморфной и сферы точных наук (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): *Character traits* (1), (2), (3), (17), (18); *Person Action* (5), (10), (15), (16); *Disease/health* (6); *Feelings/Emotions/Senses* (13); *Human ability* (11), (12), (14).

Социоморфные модели (СМ): Destruction (1); Victor/Hero (4); Travel/Movement (7); Military building (8), (9); Weapons (10).

Природоморфные модели (ПМ): Fire (3), (5), (6).

Модели точных наук (ТН): Physics (2).

В сюжете текстового фрагмента (I p. 14) находим метафорическое описание отношений между США, Британией и Японией в исследуемый нами событийный период.

(VII) «The United States *made* (1. AM) it clear to Britain that the continuance of *her alliance* (2. CM) with Japan , to which the Japanese had *punctiliously* (3. AM) conformed, would *constitute* (4. AM) a *barrier* (5. АФ) in Anglo-American relations. Accordingly this alliance was brought to *an end* (6. CM). This annulment caused a profound expression in Japan , and was *viewed* (7. AM) as *the spurning* (8. AM) of an Asiatic *Power* (9. ТН) by the Western world. Many links were sundered which might afterwards have proved of decisive value to peace. At the same time, Japan could *console* (10. AM) *herself* with the fact that the *downfall* (11. AM) of Germany and Russia had, for a time, raised *her* to the third place among the world's naval *Powers* (12. ТН), and certainly to the highest rank» (I p. 14).

Основные модели метафорической проекции, представляющие образы стран: Britain/the United States/Japan – *Persons /new (old) allies*.

В сюжетной линии метафоры (I p. 14) присутствуют три основных образа: Великобритания, Соединенные Штаты Америки и Япония. Персонифицированные М-модели переносят международные отношения в плоскость человеческих отношений. Отношения в этом «треугольнике» определены благодаря антропоморфным М-моделям: (1), (3), (4), (7), (8), (10), (11). Поскольку Соединенные Штаты против сохранения союза Britain - Japan, союз аннулируется. Дескриптор *пунк/ the spurning* (8) может быть осмыслен в области-источнике *Person action*. Причем, смысловая составляющая лексем *the spurning* не нейтральна в восприятии, она – и

агрессивна, и унизительна в смысловой совокупности взаимодействия М-моделей, передающих историко-политическую ситуацию. Образная индивидуальность метафоры отражает авторское восприятие военной действительности и демонстрирует ее историографическую функцию.

Реставрация авторского концептуального моделирования события и отношений стран в этот период оказалась возможной с помощью интерпретации семантики фреймо-слотовых структур авторской метафоры. Фреймо-слотовые разновидности М-моделей метафоры (I p. 14) следующие (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (AM): Character traits (3); Person Action (1), (4), (8), (10) (11); Person Ability (7).

Социоморфные модели (CM): Social classes/groups (2); Travel/Movement (6); Military building (5).

Модели точных наук (TN): Physics (9), (12).

В текстовом фрагменте (I p. 6) событийного сюжета «Поражение Германии в Первой мировой войне» У.Черчиллем метафорически осмысливается образ России:

(VIII) «What prospect was there in the future that the Great Allies would once again appear in their millions upon the battlefields of France or in the East? *Russia* was in *ruin* (1.CM) and *convulsion* (2. AM), *transformed* beyond (3. АФ) all semblance of the past. Italy might be upon the opposite side. Great Britain and the United States were separated by the seas or oceans from Europe. The British Empire itself seemed *knit* (4. АФ) together by ties which none but its citizens could understand» (I p. 6).

Из содержания текста следует, что основной моделью метафорической проекции, представляющей Россию, является модель: *Russia – a Diseased Person*.

Фреймо-слотовое моделирование отражает авторское метафорическое видение историко-политической картины. Смысловая нагрузка слотовой

разновидности М-модели *Destruction* соотносится с потрясениями и разорениями переживаемыми Россией после Первой мировой войны. Образ умирающей России *в конвульсиях/in convulsion* (2), созданный автором средствами персонифицированной морбиальной М-модели представлен в начале главы «The Follies of the Victors» и изменяется в динамике исторических событий текста У. Черчилля. Историографичность авторской метафоры в индивидуальном образном отражении послевоенной ситуации в России. Первая мировая война действительно ослабила страну и понизила престиж России. Справка из энциклопедии “Encyclopedia Britannica” подтверждает это: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/614785/Union-of-Soviet-Socialist-Republics/42039/The-February-Revolution>

Из энциклопедического фрагмента следует, что Первая мировая война ослабила царизм. Унизительные поражения, которые потерпела Россия от Германии, которая выдавила её из Польши, еще более понизили престиж монархии. Хотя Россия производила продовольствия более, чем достаточно, чтобы прокормить себя, плохое экономическое управление вкупе с развалом перевозок привели на третий год войны к резкому повышению цен и нехватке продуктов в городах.

Описание индивидуального концептуального моделирования У. Черчиллем исторической ситуации в России в этот период оказалась возможной с помощью интерпретации смысловых взаимодействий фреймо-слотовых структур авторской концептуальной метафоры. Фреймо-слотовые разновидности М-моделей метафоры (I p. 6) следующие (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): Disease (2); Person Ability (7).

Социоморфные модели (СМ): Distruction (1).

Артефактные модели (АФ): Mechanism (3); Crafts (4).

Моделирование историко-политического события *Поражение Германии в Первой мировой войне* с помощью авторской метафоры

выявило ряд моделей метафоризации в событийном сюжетировании: *Germany – A Criminal/Conqueror/a Debtor/a Victim*; *Britain – a Peaceful Person*; *Russia – a Diseased Person*; *the United States – a Lender*; *France – a Warrior/Frightened Person*; *England and France – Conquerors*. Интерпретация основных М-моделей позволяет увидеть отношение У.Черчилля к странам-участницам историко-политического события. Историкографическая функция метафоры проявляется в ее образной индивидуальной интерпретации исторического прошлого. Историкографический потенциал метафор в данном событийном сюжетировании проявляется в создании метафорического образа поверженной Германии после ее поражения в Первой мировой войне, а также образов стран, участвующих в этом историко-политическом событии. Победившая преступную Германию Антанта, представлена У. Черчиллем метафорическими образами миролюбивой Англии, заболевшей революцией и большевизмом России, трусливой, но сражающейся Франции, далекой и богатой Америки – союзника Антанты репрезентированы в историческом развитии.

Например, исходя из текстового постраничного продвижения от языковой репрезентации I до языковой репрезентации IV, образ Германии метафорически представляется автором и дополняется новыми смысловыми ассоциациями.

В языковой репрезентации I Германия представляется метафорическими проекциями побежденной, разоруженной и голодающей жертвой, при этом в прошлом это – главарь и предводитель преступных сил:

- *Germany – a Person/a Victim* с помощью следующих авторских метафорических моделей *defeated* (CM), *disarmed* (CM), and *hungry* (AM) *Germany*;
- *Germany – a Person/a Criminal* в таких М-моделях, как *Germany, the head* (AM) and *front of the offence* (CM).

Во фрагменте II образ Германии детализируется автором метафоры и

обретает новые характеристики ее военного превосходства в мире с помощью следующей метафорической проекции:

- Germany – *a Person/a Conqueror* при анализе трех М-моделей: Germany had *fought* (СМ) nearly the whole world. Almost *single-handed* (АМ) and *she* had almost *conquered* (СМ).

У.Черчилль, представляя Германию в образе жертвы в языковой репрезентации III с основной моделью метафорической проекции Germany – *a Person/a Victim*, дополняет описание разоруженной по окончании Первой мировой войны Германии, указывая на факт полностью разбитой военной системы страны: Германия *разоружена/disarmed* (СМ); ее военная *система полностью разбита/her military system* (АФ) *shivered* (АМ) in *fragments* (АФ).

В языковой репрезентации IV Германия представляется автором в метафорической проекции German – *a Person/a Debtor* не просто должником, а человеком способным уплатить контрибуцию: «Germany only *paid* (АМ), or was only *able* (АМ) to pay».

Таким образом, историографический потенциал авторской метафоры помогает читателю определить неоднозначность и динамику авторского отношения к основному участнику историко-политического события *Поражение Германии в Первой мировой войне*: от неприятия и осуждения преступной сути политики Германии до признания ее силы как экономической, так и военной.

Образ Британии в первых событийных сюжетах представлен автором в 2-х метафорических проекциях:

- Britain – *a Peaceful Person* (в языковой репрезентации V);
- Britain/the United States/Japan – *Persons/new (old) allies* (в языковой репрезентации VII).

Отметим, что к авторскому образу «миролюбивой» Англии/*peaceful* (АМ), *careless* (АМ), *anti-militarist* (АМ), хотя исторические факты свидетельствуют об обратном, У.Черчилль добавляет наполненную уже

неприкрытой иронией метафору, касающуюся двухмиллионной британской армии, которая бродит (а не сражается) во время Первой мировой войны по равнинам Артуа и Пикардии во Франции/(Britain *tramp* the plains of Artois and Picardy).

Что касается треугольника союзников: США, Великобритании и Японии, то историографическая функция метафоры передает озабоченность У.Черчилля, которому неприемлемы как неравноправие внутри этого треугольника, так и гегемонизм США в этом союзе. Доказательством такого суждения может служить авторская антропоморфная М-модель *пинок/the spurning* (AM) своему союзнику – Японии.

В сюжете «Поражение Германии в Первой мировой войне» репрезентированы авторские метафорические проекции, помогающие представить видение У. Черчиллем другого участника этого события в историческом развитии – Францию.

Союзник по Антанте представлен У. Черчиллем в I языковом фрагменте как держава-победитель/*victor* (CM) *Powers* (TH). В V текстовом фрагменте Франция предстаёт в образе истощённой, с поредевшим вдвое населением/*worn down* (AM), *doubly decimated* (TH). В этом же событийном сюжете У. Черчилль с помощью метафоры и ее историографической возможности завуалировано упрёкает в трусости французских солдат, т.к. термин «децимация» (казнь каждого десятого по жребию в римской армии) к храбрым солдатам не относится. При этом Франция чувствует себя госпожой момента/*masters* (CM) of the *hour*. Таким образом, противоречивый образ Франции, представленный автором историографическими средствами метафоры в качестве трусливого союзника-победителя, воспринимается читателем не схематично, а убедительно.

Бывший союзник по Антанте – Россия, подписавшая с Германией сепаратный мир в марте 1918 года, в VII языковой репрезентации У. Черчилля предстаёт как потерпевшая наряду с Германией *поражение в войне/ downfall* (AM) of Germany and Russia, а в VIII текстовом фрагменте –

больным человеком *в конвульсиях/in convulsion* (AM).

Итак, проанализированные фрагменты исторического описания события подтверждают выдвинутое нами предположение об историографической функции метафор с позиций когнитивного анализа. В сюжете «*Поражение Германии в Первой мировой войне*» репрезентированы авторские модели метафорических проекций, помогающие представить видение У. Черчиллем участников этого события в историческом развитии.

2.2.2. Метафорическое моделирование событийного сюжета «*Зарождение фашизма*»

Историографическая функция метафоры позволяет автору текста изначально смоделировать действительность в вербальных репрезентациях образных представлений исторических событий, а затем предоставить возможность читателю опознавать образы, закрепленные в авторских М-моделях и интерпретировать историческое прошлое исходя из понятийной области метафоризации.

Начнем с анализа историко-политического событийного плана произведения. Он соотносится с историко-политическим контекстом зарождения фашизма и появления Гитлера. Фашистские движения и режимы возникли после Первой мировой войны в 20-е и 30-е гг. в тех странах, где кризисные явления и противоречия в экономике были наиболее сильными. Первой страной, где появилась фашистская диктатура была Италия, которая вышла из Первой мировой войны ослабленной. Настроения реванша и ущемленного национального самолюбия стали важным фактором развития политической жизни в стране. В этих условиях лидер итальянских фашистов Муссолини осуществил государственный переворот 28 октября 1922 года и пришёл к власти.

Обстановка, в которой оказалась Германия после Первой мировой войны, была во многом сходной с условиями, сложившимися в Италии. В Германии, как и в Италии, имелись те же достаточно большие социальные

слои, которые легко могли поддаться демагогии фашистов. Это слои мелкой буржуазии, деклассированные элементы, офицерство, демобилизованное из армии в связи с окончанием Первой мировой войны и не приспособившееся к жизни в условиях мира. В феврале 1920 г. появилась программа «Национал-социалистской германской рабочей партии». Она носила националистический, расистский и реваншистский характер. Программа призывала к созданию «Великой Германии» путем захвата земель и колоний, аннулированию Версальского и Сен-Жерменского договоров, которые лишили Германию территорий на востоке и западе, колоний и воспретили объединение ее с Австрией. 28 января 1933 г. президент П. фон Гинденбург поручил Гитлеру сформировать новое правительство. Так 30 января фашистская партия овладела государственной властью.

В соответствии с предложенной методикой (см. 2.1) проанализируем корпус практического материала. В событийном сюжете «*Зарождение фашизма*» присутствуют следующие участники: Hitler; the MacDonald-Baldwin Government; the League of Nations; Germany; Great Britain; Europe, the United States. Анализ характерных черт участников с помощью метафор позволил выявить специфику их функционирования.

Рассмотрим следующий фрагмент текста:

(I) « In August, 1932, Hitler came to Berlin on private summons from the President. The moment for a *forward step* (1. CM) seemed at *hand* (2. AM). Thirteen million German voters *stood behind* (3. AM) the Fuehrer. A *vital* (4. AM) share of office must be his for the asking. He was now in somewhat the position of Mussolini on the eve of the march on Rome. But Papen did not care about recent Italian history. He had the support of Hindenburg and had no intention of resigning. The old Marshal saw Hitler. He was not impressed. ‘*That* (курсив У. Черчилля) man for chancellor? I’ll make him a *postmaster* (5. CM) and he can lick stamps with *my head* (6. AM) on them. In palace *circles* (7. TH) Hitler had not the influence of his competitors» (I p. 69).

Как видно из контекста, основной моделью метафорической проекции в представлении Гитлера является модель *Hitler – a Postmaster*.

Образ Гитлера в восприятии его президентом Германии П. фон Гиндербургом передается автором социоморфной М-моделью. Смысловое «переплетение» понятийных линий сигнификативных дескрипторов М-моделей (5) и (6) передает пренебрежительное отношение маршала к ефрейтору. С помощью метафоры *Hitler – a Postmaster* автор формирует образ Гитлера как *Почтмейстера* в начале его политической карьеры. В 1932 г. он мог восприниматься элитой германского общества как «выскочка». Отсутствие политического опыта у Гитлера летом 1932 года компенсировалось поддержкой 13 миллионов избирателей, что передано ориентационной метафорой *stood behind the Fuehrer*. Сигнификативный дескриптор *stood behind* (3) в языковой репрезентации обозначает поддержку избирателей Гитлеру. 85-летний Президент Германии П. фон Гинденбург через полгода передал власть в руки фашистов, поручив Гитлеру формирование правительства. Историкографическая потенция авторской метафоры реализуется в образе будущего военного диктатора.

Изучение историкографической функции метафоры осуществлялось с помощью метафорического моделирования исторического фрагмента текста и интерпретации смысловых взаимодействий фреймо-слотовых структур авторской концептуальной метафоры. Фреймо-слотовые разновидности М-моделей метафоры (I p. 69) следующие (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (AM): Person Action (3); Human anatomy/Body parts (2), (6); Healthy conditions (4).

Социоморфные модели (CM): Travel/Movement (1), (3); Social classes/Professions (5).

Модели точных наук (TN): Mathematics/Geometry (7).

Остановимся на характеристике следующего фрагмента языковой репрезентации:

(II) «Amid the *excitement* (1. AM) of the election the *exultant* (2. AM) *columns* (3. АФ) of the National Socialist Party field past their leader in *the pagan* (4. CM) homage of torchlight procession through the streets of Berlin. It had been a long struggle, difficult for foreigners, especially those who had not known *the pangs* (5. AM) of defeat, to comprehend. Adolf Hitler had at last arrived. But he was not alone. He had called from *the depths* (6. ПМ) of defeat *the dark* (7. ПМ) and savage furies latent in the most numerous, most *serviceable* (8. AM), *ruthless* (9. AM), *contradictory* (10. AM), and *ill-starred* (11. AM) race in Europe. He had *conjured up* (12. АФ) the fearful *idol* (13. CM) of an *all-devouring* (14. ПМ) Moloch of which he was *the priest* (15. CM) and *incarnation* (16. CM)» (I p. 70).

Основная модель метафорической проекции Hitler – a Priest выстраивает логику восприятия события. Повествование образно передает атмосферу прихода Адольфа Гитлера к власти. Образ Германии в этом сюжетном фрагменте персонифицируется сигнификативными дескрипторами *pangs* (5); *serviceable* (11); *ruthless* (12); *contradictory* (13); *ill-starred* (14). Исходя из понимания подтекста метафоризации автора, читателю становится ясно, что Гитлер пришел к власти, когда страна/нация испытывала боль поражения, при этом нация отличается крепким, жестоким, противоречивым и злополучным нравом в метафорической событийной картине. Следуя логике интерпретации и анализа смыслового переплетения тематических линий М-моделей авторской метафоры, мы выявляем доминантность модели метафорической проекции Hitler – a Priest в восприятии образа Гитлера.

Образ диктатора сформирован с помощью сигнификативных дескрипторов М-модели *Belief/Myth: the pagan; conjured up; idol; Moloch; the priest; incarnation*. Мимо вождя идет языческое факельное шествие/*pagan* (4). Гитлер магически воскресил/*conjured up* (12) страшного идола/*the idol* (13), всепожирающего/*an all-devouring* (14) Молоха, став одновременно его

жрецом/*the priest* (15) и воплощением/*incarnation* (16). Сигнификативные дескрипторы М-моделей фрейма Вера/Миф показывают взаимосвязь вербальных структур и образных мифических ассоциаций, с помощью которых выстраивается восприятие атмосферы поклонения, подчинения и веры в Гитлера в этот период истории Германии.

Историографичность авторской метафоры проявилась в образном метафорическом описании У. Черчиллем открытия первого рейхстага третьего рейха 21 марта 1933 г., предоставившего канцлеру Гитлеру чрезвычайные полномочия сроком на четыре года.

Анализ индивидуального концептуального моделирования У. Черчиллем исторической ситуации зарождения фашизма в Германии, когда Гитлер становится идиологом, осуществлялся с помощью интерпретации смысловых взаимодействий фреймо-слотовых структур авторской концептуальной метафоры. Фреймо-слотовые разновидности М-моделей метафоры (I p. 6) следующие (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (AM): Feelings/Emotions/Senses (1), (2); Disease/Health (5); Personality/Character traits (8), (9), (10), (11).

Социоморфные модели (CM): Myth/Faith (4), (12), (13), (14), (15), (16).

Природоморфные модели (PM): Water (6); Darkness (7).

Артефактные модели (AF): Buildings (3).

Контекст языковых репрезентаций (III) и (IV) дает авторское метафорическое описание возможных причин зарождения фашизма:

(III) «While these *deadly* (1. AM) changes were taking place in Germany, the MacDonald-Baldwin Government *felt* (2. AM) bound to enforce for some time the severe reductions and restrictions which the financial crisis had imposed upon our already modest armaments, and steadfastly *closed* (3. AM) their *eyes* (4. AM) and *ears* (5. AM) to the *disquieting* (6. AM) *symptoms* (7. AM) in Europe. In vehement efforts to procure a disarmament of the *victors* (8. CM) equal to that which had been enforced upon the vanquished by the Treaty of Versailles, Mr. MacDonald and his

Conservative and Liberal colleagues *pressed* (9. TH) a series of proposals *forward* (10. CM) in the League of Nations and through every other *channel* (11. ПМ) that was open» (I p. 71).

Понимание репрезентированного автором исторического прошлого происходит в соответствии с основной моделью метафорической проекции British Government – *an Inert Person*.

Смысловые линии антропоморфных понятийных полей моделей метафорических проекций British Government – *an Inert Person* и Europe – *a Diseased Person* переплетаются. М-модели персонификации реализованы во фреймо-слотовом разнообразии Person action/ability (2), (3); Human organs (4), (5); Disease/ unhealthy conditions (1), (7); Feelings/Emotions/Senses (6) и представляют тревожную военно-политическую ситуацию в Европе. Историографичность этой метафоры заключается в авторской интерпретации событий этого периода. Возрождение милитаризма в Германии происходило на глазах у всего мира, при этом У. Черчилль значительную часть ответственности за усиление Германии возлагает на лейбориста Макдональда и консерватора Болдуина, возглавлявших правительство Великобритании в этот период времени. Историографическая убедительность метафоры повышается присутствием собственных имен в названии исполнительного органа государственной власти.

Интерпретация авторской метафоры с позиции описания историографического потенциала метафоры соотносится с анализом смысловых ассоциаций фреймо-слотовых разновидностей М-моделей 4-х сигнификативных понятийных сфер: антропоморфной, социоморфной, природоморфной и сферы точных наук (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): Person action/ability (2), (3); Disease/health (1), (7); Body parts/organs (4), (5); Feelings/Emotions/Senses (6).

Социоморфные модели (СМ): Victor/Hero (8); Travel/Movement (10).

Природоморфные модели (ПМ): Water (11).

Модели точных наук (ТН): Physics (9).

Обратимся к характеристике следующего фрагмента текста, который дополняет авторское метафорическое описание возможных причин зарождения фашизма:

(IV) «In February, 1933, the League of Nations *declared* (1. AM) that the State of Manchukuo could not be *recognized* (2. AM). Although no sanctions were imposed upon Japan, nor any other action taken, Japan, on March 27, 1933, *withdrew* (3. CM) from the League of Nations. German and Japan had been on *opposite* (4. TH) *sides* (5. TH) in the war; they now *looked* (6. AM) towards each other in a different *mood* (7. AM). The moral *authority* (8. AM) of the League was *shown* (9. АФ) to be devoid of any physical *support* (10. TH) at a time when its *activity* (11. AM) and *strength* (12. TH) were most needed» (I p.88).

Основная модель метафорической проекции языковой репрезентации метафоры (I p.88) the League – a Person without support, activity, strength отражает авторское понимание причин возникновения фашистских диктатур.

Лига Наций метафорически описывается как персона, чей моральный *авторитет/authority* (8) надо поддерживать, а она лишена этой поддержки. Именно в этот период, по мнению У. Черчилля, для стабильности в мире были необходимы *сила и активность/strength* (11) *activity* (12) этой международной организации. Антропоморфность в представлении метафорических образов Лиги Наций и других участников сюжета (German; Japan) обозначается рядом сигнификативных дескрипторов: *declared* (1. AM); *recognized* (2. AM); *looked* (6. AM); *mood* (7. AM); *authority* (8. AM); *activity* (11. AM). Понимание отдельно взятого исторического эпизода соотносится со «считыванием» и интерпретацией смыслового переплетения антропоморфных М-моделей, что соответствует М-моделированию события в понятийном пространстве *Человек*. Действия Лиги Наций сводится к декларациям и признанию фактов непослушания участников события в исторический период февраля-марта 1933 г.

Появление фашистских диктатур осуществлялось при слабой позиции международной организации. Образное подтверждение этого историко-политического факта в метафоре демонстрирует ее историографический потенциал.

Основание для констатации авторской оценки обусловливается описанием и интерпретацией метафорической языковой репрезентации (I p.88) сюжета «*Зарождение фашизма*» исходя из понятийной области источников метафоризации. Семантика сигнификативных дескрипторов текстового фрагмента соответствует следующим фреймо-слотовым разновидностям М-моделей метафоры (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (AM): Person action/ability (1), (2), (6); Person characteristics (8), (11); Feelings/Emotions/Senses (7).

Социоморфные модели (CM): Travel/Movement (3);

Модели точных наук (TN): Mathematics/Geometry (4), (5); Physics (12).

Артефактные модели (AF): Theatre (9).

Историографический потенциал авторской концептуальной метафоры при сюжетировании периода *Зарождения фашизма* проявился в образном представлении участников историко-политического события и обозначении автором возможных причин возникновения фашизма.

Основным участником сюжета языковой репрезентации (I p. 69) является Гитлер, который метафорически оценивается и репрезентируется в тексте У. Черчиллем *выскачкой/почтмейстером/a Postmaster*. Историографическая функция авторской метафоры проявилась в умении автора передать с помощью концептуальной метафоры *a Postmaster* оценку Гитлера в августе 1932 г. другим участником исторического эпизода Президентом Германии П. фон Гинденбургом. Его предложение сделать Гитлера почтмейстером, предполагая, что тот способен лишь наклеивать марки, можно рассматривать как авторскую критическую оценку

недальновидности П. фон Гинденбурга и его неумение предвидеть опасность действий будущего лидера фашизма.

В контрасте с первым контекстом воспринимается авторское описание образа Гитлера в языковой репрезентации (I p. 70-71) события конкретной даты – 21 марта 1933 г., где основной моделью метафорической проекции является модель *Hitler – a Priest*. Метафорическое описание образа будущего диктатора рядом сигнификативных дескрипторов фрейма *Belief/Myth* ассоциируется автором с силами тьмы, именно Гитлер вызвал из глубин поражения тёмные первобытные страсти народа и стал объектом поклонения.

Мы можем заключить, что историографический потенциал авторской метафоры помогает читателю определить несовместимость 2-х метафорических описаний образа Гитлера социоморфными М-моделями за временной промежуток в 7 месяцев:

- *Hitler – a Postmaster* (согласно языковой репрезентации I в августе 1932 г. П. Гиндербургом);
- *Hitler – a Priest* (согласно языковой репрезентации II в марте 1933 г. У.Черчиллем).

Историография авторской метафоры языкового фрагмента I заключается в корректном описании У.Черчиллем уничижительного отношения военной и политической элиты страны к амбициям ефрейтора Гитлера стать рейхсканцлером Германии осенью 1932 г.

Корректность историографического функционирования авторской метафоры языковой репрезентации (I p. 70-71) соотносима с описанием преданности нацистов идеям фюрера весной 1933 г.

Историографическое функционирование авторских метафор, представленное в III и IV фрагментах текстов событийного сюжета «*Зарождение фашизма*», позволяет читателям понять причины возникновения фашизма именно в этот период истории исходя из интерпретации персонифицированных М-моделей:

- *British Government – an Inert Person* (в языковой репрезентации III);

- the League of Nations – *a Person* without support, activity, strength (в языковой репрезентации IV).

При интерпретации авторского М-моделирования с помощью анализа семантики сигнификативных дескрипторов антропоморфных М-моделей текстового фрагмента III (I p.71) можно воссоздать оценку У. Черчилля, согласно которой усиление Германии произошло из-за недальновидной политики британского правительства, которое делало вид, что *не замечает* изменений, происходящих в Германии/ *closed their eyes* (AM) and *ears* (AM). Безучастная позиция правительства Великобритании под руководством лейбориста Макдональда и консерватора Болдуина, по мнению У.Черчилля, привела к появлению фашизма и к началу Второй мировой войны.

В текстовом фрагменте IV (I p. 88) репрезентирована основная модель метафорической проекции the League – *a Person* without support, activity, strength, помогающая представить видение У.Черчиллем вины другого участника событийного сюжета «*Зарождение фашизма*» – Лиги Наций. Автор критически относится к этой международной организации, влияние которой на политические события в мире в этот исторический период было невелико.

Таким образом, моделирование историко-политического события *Зарождение фашизма* авторской метафорой воссоздает не только ментальное представление У.Черчилля об участниках события, но и позволяет в доминантных моделях метафорической проекции: Hitler – *a Priest*; British Government – *an Inert Person*; the League – *a Person* without support, activity, strength усмотреть причины возможности возникновения фашизма. Унижение Германии после Версальского мирного договора, популярность Гитлера внутри страны, инертность британского правительства на фоне тревожной и болезненной политической ситуации в Европе, пассивность Лиги Наций в авторской метафоре представляются возможными первопричинами появления фашистского режима в Германии.

2.2.3 Метафорическое моделирование событийного сюжета «*Возникновение «Оси Рим – Берлин»*»

Событийный план соотносится с историко-политическим фактом появления союзника у Италии и возникновением «Оси Рим – Берлин». После прихода к власти Гитлера Германия начала сближение с Италией. Германия и Италия подписали серию соглашений. Дата создания германо-итальянской коалиции – 25 октября 1936 г. Союз стран «Оси» первоначально опирался на Антикоминтерновский пакт Германии, Японии, Италии и Испании и германо-итальянский «Стальной пакт», а полностью оформился 27 сентября 1940 года, когда Германия, Италия и Япония подписали Тройственный пакт о разграничении зон влияния при установлении «нового порядка» и военной взаимопомощи.

Языковые метафорические репрезентации событийного сюжета «*Возникновение «Оси Рим – Берлин»*» соотносимы с историческим сюжетом с помощью характеристик ее участников: Britain; Europe; The Germany – Italy Union; France; the United States; the League of Nations.

Так в языковой репрезентации I (I p. 189) проанализированы авторские характеристики 4-х стран-участниц данного сюжета: Германии, Британии, Европы и Америки, которые персонифицированы в антропоморфных M-моделях авторской метафоры.

(I) «In the summer of 1935, Germany had *reinstated* (1. AM) conscription in breach of the Treaties. Great Britain had *condoned* (2. AM) this, and by a separate agreement her *rebuilding* (3. АФ) of a navy, if desired, with U-boats on the British *scale* (4. TH). Nazi Germany had secretly and *unlawfully* (5. CM) *created* (6. AM) a military air *force* (7. TH) which, by the spring of 1935, openly *claimed* (8. AM) to be equal to the British. *She* was now in the second year of *active* (9. AM) munitions production after long *covert* (10. AM) preparations. Great Britain and all Europe, and what was then thought *distant* (11. CM) America, were faced with (12. AM) the *organized* (13. AM) *might* (14. TH) and will-to-war

(15. AM) of seventy millions of the most *efficient* (16. AM) race in Europe, *longing* (17. AM) to regain their national glory, and *driven* (18. CM) – in case they faltered – by a *merciless* (19. AM) military, social, and party régime» (I p. 189).

Основные модели метафорической проекции текстового фрагмента: Germany/Great Britain, America – *Persons/ Enemies*, реализованные во фрейм-слотовом разнообразии *Person action/ability, Personality/Character traits, Feelings/Emotions/Senses* персонифицируют образы стран, представляя их отношения в конкретный временной период 1935 года. Так, образ Германии персонифицируется в авторской вербальной репрезентации сигнификативными дескрипторами: *восстановила/reinstituted* (1), *создала/created* (6). Ассоциации, которые создаются авторской метафорой смысловым переплетением М-моделей, наделяют Германию *организованной мощью/organized* (13)/*might* (14) , *волей к победе/will-to-war* (15). Великобритания у У.Черчилля в этом фрагменте – персона, которая *прощает/condoned* (2) и позволяет Германии усиленно восстанавливать свои силы. В авторской метафоре образ Германии представляется сигнификативными дескрипторами более детально, чем другие участники событийного фрагмента. В «групповом портрете», созданного средствами М-моделей, образ Соединенных Штатов Америки практически лишен автором метафорической окраски, кроме сигнификативного дескриптора *faced* (12), который персонифицирует участницу, а единственная пространственная деталь – дескриптор *distant* (11), удаляет представляемую фигуру.

Историографическая корректность авторской метафоры в представлении стран-участниц событийного сюжета подтверждается энциклопедической справкой, которая свидетельствует, что Германия стала к началу 30-х ведущей силой в Европе:
<http://www.britannica.com/EBchecked/topic/267992/Adolf-Hitler/10116/Dictator-1933-39>

Анализ индивидуального концептуального моделирования У. Черчиллем исторической ситуации 1935 г., когда Европа и США оказались перед фактом военно-воздушного и морского могущества нацистской Германии, осуществлялся с помощью интерпретации смысловых взаимодействий фреймо-слотовых структур авторской концептуальной метафоры. Характеристики стран-участниц событийного сюжета описывались через интерпретацию фреймо-слотовых разновидностей М-моделей (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): Person action/ability (1), (2), (6), (8); Personality/ Character traits (9), (13), (15), (16), (19); Feelings/Emotions/Senses (17).

Социоморфные модели (СМ): Crime (5); Travel/Movement (11), (18).

Артефактные модели (АФ): Building (3).

Модели точных наук (ТН): Physics (4), (7), (14).

В текстовом фрагменте II (I p. 190) репрезентирован метафорический образ «Оси Рим – Берлин»:

(II) «The *battle* (1. СМ) for peace which could, during 1935, have been won, was now almost lost. Mussolini had triumphed in Abyssinia, and had successfully *defied* (2.АМ) the League of Nations and especially Great Britain. He was now bitterly estranged from *us*, and had joined *hands* (3. АМ) with Hitler. The Berlin-Rome *Axis* (4. ТН) was in being. There was now, as it turned out, little hope of averting war or of postponing it by a trial of *strength* (5. ТН) *equivalent* (6. ТН) to war. Almost all that remained open to France and Britain was to *await* (7. АМ) the *moment* (8. ТН) of the challenge and *do* (9. АМ) the best they *could* (10. АМ)» (I p. 190).

Основная модель метафорической проекции языковой репрезентации (I p. 190): The Germany-Italy Union – *The Berlin-Rome Axis*, сюжетно выстраивает и обуславливает смысловое переплетение тематических линий М-моделей. Появление на страницах авторского повествования

сигнификативного дескриптора *axis* (4) фиксирует в историко-политической картине военного мира пространственную расстановку сил противника. Образы правителей *Hitler* и *Mussolini* замещают образы государств *Germany* и *Italy*. По Лакоффу «существует метонимия близкая метафоре «ГОСУДАРСТВО КАК ИНДИВИД» ПРАВИТЕЛЬ ВМЕСТО ГОСУДАРСТВА. С помощью этой метонимии мы можем... тем самым получить одного человека вместо аморфного государства для исполнения роли злодея в сценарии справедливой войны» [Лакофф 2008: 103]. В нашем сценарии присутствуют не только «правители-государства», которые соединили *руки* в рукопожатии/ *had joined hands* (3), но и столицы этих государств, которые выстраивают одну из самых частотных моделей метафорической проекции У.Черчилля *The Germany- Italy Union –The Berlin -Rome Axis* (4). Эта М-модель *Точных наук* в своей исходной смысловой составляющей предполагает некое движение, которое происходит вокруг или по оси. В авторской историко-политической картине М-модель (4) несет не столько динамизм, сколько соотносится с фактом единения сил противника. Осмысление исторического факта с помощью образных ассоциаций и тематических взаимодействий М-моделей демонстрирует историографическую нагрузку метафоры в сюжетировании событийного прошлого.

М-моделирование метафоры и интерпретация индивидуального восприятия события в этом фрагменте осуществлялись в соответствии с методикой выявления фреймо-слотовых структур М-моделей (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): *Person action/ability* (2), (7), (9), (10); *Body parts* (3).

Социоморфные модели (СМ): *Military action* (1).

Модели точных наук (ТН): *Physics* (4), (5), (8); *Mathematics* (6).

Метафорическое описание У.Черчиллем Франции и Британии в период возникновения «Оси Рим – Берлин» представляет исследовательский интерес в языковой репрезентации (I p. 195):

(III) «It must be remembered that France alone was at this time quite *strong* (1. AM) enough *to drive* (2. CM) the Germans out of the Rhineland, even without the aid which *her* own action, once begun, and the invocation of the Locarno Treaty would certainly have drawn from Great Britain. In fact *she* remained completely *inert* (3. TH) and *paralyzed* (4. AM), and thus *lost* (5. AM) irretrievably the last *chance* of *arresting* (6. CM) Hitler's ambitions without a *serious* (7. AM) war. Instead, the French Government were *urged* (8. AM) by *Britain* to *cast* (9. AM) their burden (10. АФ) upon the League of Nations, already *weakened* (11. AM) and *disheartened* (12. AM) by the fiasco of sanctions and the Anglo-German Naval Agreement of the previous year» (I p. 195).

Следующие модели метафорической проекции формируют основные образы участниц событийного сюжета: France – *an Inert and Paralyzed Person*; the League of Nations – *a Disheartened and Weakened Person*.

Авторская метафора (I p. 195) концептуализирует Францию, Французское правительство, Великобританию и Лигу Наций в одном антропоморфном понятийном пространстве. Страны метафорически персонифицированы с помощью сигнификативных дескрипторов (3), (4), (5)/ *inert*, *paralyzed*, *lost the last chance* и представляют образ Франции бездеятельной, парализованной и потерявшей последний шанс дамы. Лига Наций к тому времени – особа, которая *ослаблена/weakened* (12) и приведена в *уныние/disheartened*» (13) провалом санкций. При этом, Британия *убеждает/urged* французское правительство *переложить/to cast* (9) свое *бремя/burden* (10) на эту ослабленную и унылую даму.

Историографическая функция метафоры проявляется в представлении метафорических образов стран в исторический период возникновения коалиции Италии и Германии. Система сигнификативных дескрипторов М-

моделей персонифицирует восприятие исторической ситуации и обуславливает антропоморфную доминанту в этом восприятии. Фрейм-слотовые структуры М-моделей фрагмента (I p. 195) следующие (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (AM): Person action (5), (9); Disease/health (4); Person characteristics (1), (7), (11), (12).

Социоморфные модели (CM): Travel/Movement (2).

Модели точных наук (TH): Physics (3).

Артефактные модели (АФ): Housekeeping (10).

В текстовом фрагменте IV (I p. 204) понимание территориальных преимуществ Германии после оккупации Рейнской области излагается У.Черчиллем метафорически:

(IV) «The violation of the Rhineland is a *serious* (1. AM) because of the *menace* (2. CM) to which it exposes Holland, Belgium, and France. I listened with apprehension to what the Secretary of State *said* (3. AM) about the Germans declining even to refrain from entrenching themselves during the period of negotiations. When there is a *line* (4. TH) of *fortifications* (5. CM) as I suppose there will be in a very short time, it will produce *reactions* (6. TH) on the European situation. It will be a *barrier* (7. CM) across *Germany's front door* (8. АФ) which will have free to *sally out* (9. ПМ) eastwards and southwards by the other *doors* (10. АФ)» (I p. 204).

Основная модель метафорической проекции приведенного фрагмента текста (I p. 204) Rhineland – *a Germany's Building* помогает читателям образно представить место военных событий. Артефактная М-модель *Building* логически выстраивает смысловое переплетение тематических линий модели метафорической проекции Rhineland – *a Germany's Building*. Артефактная М-модель со сферой-источником *Buildings/Houses* и сигнификативными дескрипторами *front door* (8) и *other doors* (10) размещает Германию в некое строение. Итак, это строение с несколькими

дверями, выходящее на Восток и на Юг. Сигнификативный дескриптор *вылазить/sally out* (9) обозначает действие субъекта событийного сюжета, прежде всего в исходной природоморфной области. Дескрипторы М-модели *fortifications* (5), *barrier* (7) указывают не столько на место события, сколько на военное время события. У.Черчилль метафорически обозначил стратегические преимущества Германии после построения линии Зигфрида в ее дальнейших продвижениях на Восток (на Россию) и на Юг (на Югославию). Здание, обращенное парадной дверью к Франции, будет защищено этой укрепленной линией. В образном метафорическом обозначении стратегических преимуществ Германии проявляется историографическая «нагрузка» авторской метафоры (I p. 204).

Нами выявлены 5 сигнификативных понятийных сфер: антропоморфная, социоморфная, природоморфная, артефактная и сфера точных наук (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): Person characteristics (1); Person action/ability (3).

Социоморфные модели (СМ): Military action (2); Military building (5), (7).

Модели точных наук (ТН): Mathematics/Geometry (1); Chemistry (6).

Артефактные модели (АФ): Buildings/Houses (8), (10).

Природоморфные модели (ПМ): Animal action (9).

В следующем фрагменте (I p. 211–212) У. Черчилль продолжает выстраивать собственную метафорическую картину события, участницами которого становятся Германия, Франция, Англия и США.

(V) «Up till the middle of 1936 Hitler's *aggressive* (1. АМ) policy and treaty-breaking had *rested* (2. АМ), not upon Germany's *strength* (3. ТН), but upon the *disunion* (4. СМ) and *timidity* (5. АМ) of France and Britain and the *isolation* (6. ТН) of the United States . Each of his preliminary *steps* (7. СМ) had been *gambles* (8. СМ) in which he knew he could not afford to be seriously challenged. The seizure of the Rhineland and its subsequent *fortification* (9. СМ) was the greatest *gamble* (10. СМ) of all.

It had succeeded *brilliantly* (11. ПМ). His *opponents* (12. СМ) were too *irresolute* (13. АМ) to call his *bluff* (14. СМ). When next he *moved* (15. СМ) in 1938 his *bluff* (16. СМ) was bluff no more. Aggression was backed by *force* (17. ТН), and it might well be by superior *force* (18. ТН). When the Government of France and Britain *realized* (19. АМ) the terrible transformation which had taken place, it was too late» (I p. 211-212).

Основная модель метафорической проекции приведенного фрагмента текста (I p. 211-212): Britain/France/the USA – *irresolute* Germany *opponents*.

В системе М-моделей метафоры персонифицированы 4 государства. Модель метафорической проекции Британия, Франция, Соединенные Штаты Америки и Германия – оппоненты/противники/*opponents* выстраивается с помощью сигнификативного дескриптора *азартная игра/gamble* (10). Сигнификативный дескриптор *bluff* (14), трижды встречаемый в тексте привносит ощущения игры. Игроки/оппоненты Германии слишком *нерешительны/too irresolute* (13). Британия и Франция отличаются своей *разобщенностью/disunion* (4) и *робостью/timidity* (5), Соединенные Штаты – изолированы (6). Германия в игре *сильна/strength* (3). В создании образа Германии участвуют сигнификативные дескрипторы фрейма *Travel/Movement: steps* (7), *moved* (15), что добавляет еще и мобильность этому образу. Агрессивная политика Германии до середины 1936 г. в большей степени опиралась на разобщенность Франции и Англии и изоляцию США. Историкографичность метафоры в образной убедительности этого событийного факта. Воспринимая метафорические образы, мы соотносим их с историческим фактом, что противники Германии и Италии были действительно слишком нерешительны, что привело в итоге к возникновению «Оси Рим – Берлин» в 1936 г.

В качестве комментария можно отметить факт военной истории – США объявили войну Японии на следующий день, после её нападения на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года, в то время, когда начался разгром фашистских

войск под Москвой. Примечательно, что Соединённые Штаты не объявили войну Германии. Первой это сделала сама Германия 11 декабря 1941 года, верная союзническому долгу перед Японией.

Описание индивидуального метафорического моделирования исторической ситуации 1936г. осуществлялась с помощью интерпретации смысловых взаимодействий фреймо-слотовых структур авторской концептуальной метафоры. Фреймо-слотовые разновидности М-моделей следующие (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении): Антропоморфные модели (AM): Person characteristics (1), (5), (13); Person action/ability (2), (19).

Социоморфные модели (CM): Society (4); Military building (9), Games (8), (10), (12), (14), (16); Travel/Movement (7), (15).

Модели точных наук (TH): Physics (3), (6), (18).

Природоморфные модели (PM): Mineral (11).

В языковом фрагменте VI репрезентирован образ следующего участника событийного сюжета – США, в чьей поддержке была заинтересована Британия:

(VI) «It was plain that no resignation by the Foreign Secretary could be founded upon the rebuff administered by Mr. Chamberlain to the President's overture. Mr. Roosevelt was indeed *running* (1. CM) great risks in his own *domestic* (2. AM) politics by deliberately involving *the United States* in the *darkening* (3. PM) European *scene* (4. АФ). All the *forces* (5. TH) of isolationism would have been *aroused* (6. AM) if any part of these interchanges had transpired. On the other hand, no event could have been more likely to stave off, or even prevent, war than the *arrival* (7. CM) of the *United States* in the *circle* (8. TH) of European *hates* (9. AM) and *fears* (10. AM). To *Britain* it was a matter almost of life (11. AM) and death (12. AM). No one can *measure* (13. TH) in retrospect its effect upon the *course* (14. CM) of events in Austria and later at Munich. We must regard its rejection – for such it was – as the

loss of the last frail chance to *save* (15.AM) the world from tyranny otherwise than by war» (I p.254–255).

Основная модель метафорической проекции языковой репрезентации авторской метафоры: the United States – *an Actor/a Hero*. Образ Соединенных Штатов предопределен сигнификативным дескриптором *scene* (4) артефактной М-модели слотовой разновидности *Theatre*. Отсюда, вырисовывается логическая модель метафорической проекции the United States – *an actor/a hero*. Сигнификативный дескриптор *darkening* (3) предполагает событийный сюжет начала спектакля, когда гаснет свет в зале театра. Действие, представляемое автором метафоры лексемой *involving*, указывает, что *актер/герой* на сцене не по зову сердца, его впутывают/вовлекают в действие спектакля. Рузвельт действительно шел на большой риск, вовлекая США в европейский театр военных действий. Авторская оценка действий президента носит субъективный характер, и историографичность метафоры в индивидуальном представлении исторического момента и роли личности в историко-политическом процессе.

Основная модель метафорической проекции the United States – *an Actor* выстраивает метафорическую историко-политическую картину. Место действия метафоры – *the circle*, где присутствуют *ненависть/hates* (9) и *страх/fears* (10). Эти чувства стран Европы, которые раздирают эту арену.

Образ же Соединенных Штатов Америки персонифицирован сигнификативным дескриптором *the arrival* (7). Выступление США на этой арене могло бы, по мнению автора метафоры, *отдалить/to stave off* или *предотвратить/ to prevent* войну. Историографическая функция метафоры проявляется в создании образного представления враждебного военного духа времени смысловым взаимодействием ментальных структур. В период создания «Оси Рим – Берлин» и враждебной дуполярности военной действительности позиция нейтралитета была неприемлема для стран-участниц военного конфликта. Рузвельт принимал законы нейтралитета, но, в то же время, выступая с речью в Чикаго в октябре 1937 г., он предложил,

чтобы миролюбивые нации прилагали согласованные усилия для изоляции агрессоров. Несмотря на то, что Рузвельт имел в виду не более, чем разрыв дипломатических отношений, это предложение ошеломило американцев.

Описание индивидуального метафорического моделирования исторического периода объединения сил стран-агрессоров в союз происходило с помощью интерпретации смысловых взаимодействий фреймо-слотовых структур вербальной репрезентации авторской концептуальной метафоры. Фреймо-слотовые разновидности М-моделей метафоры следующие (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (AM): Home (2); Person action/ability (6), (15); Feelings/ Emotions/ Senses (9), (10); Disease/health (11), (12).

Социоморфные модели (CM): Travel/Movement (1), (7), (14).

Модели точных наук (TN): Mathematics/Geometry(8), (13); Physics (5).

Природоморфные модели (PM): Darkness (3).

Артефактные модели (AF): Theatre (4).

Моделирование историко-политического события «*Возникновение “Оси Рим – Берлин”*» с помощью авторской метафоры выявило ряд доминантных моделей метафорической проекции событийного сюжетирования: Germany/ Great Britain, Europe, America – *Enemies*; The Germany-Italy Union – *The Berlin-Rome Axis*; France – *an Inert and Paralyzed Person*; the League of Nations – *a Disheartened and Weakened Person*; Rhineland – *a Germany’s Building*; Britain, France, the USA/Germany – *opponents*; the United States – *an Actor/a Hero*.

Интерпретация основных моделей метафорической проекции Germany/ Great Britain, Europe, America – *Enemies* и Britain/France/the USA/Germany – *opponents* позволяет увидеть с помощью авторского М-моделирования не только разделение мира на врагов или оппонентов в исторический период создания германо-итальянской коалиции, но и будущую возможность единения сил в борьбе против этой коалиции. Возникновение «Оси Рим – Берлин» происходит, когда Лига Наций была не способна выполнять

возложенные на нее функции стабилизации в мире и модель метафорической проекции *the League of Nations – a Disheartened and Weakened Person* историографически фиксирует этот факт. Персонифицированная М-модель, представляющая Францию в метафорической проекции *France – an Inert and Paralyzed Person*, наглядно отражает состояние стран, которые противостояли «Оси Рим – Берлин». Образ США передает картину враждебного напряженного «круга/окружения», происходящего в Европе в период этого историко-политического события.

Историографический потенциал метафор событийного сюжета «Возникновение “Оси Рим – Берлин”» проявляется в представлении средствами М-моделей и смысловым взаимодействием этих ментальных структур враждебного военного духа времени и метафорическим представлением авторской оценки возникающей враждебной двуполярности этого военного периода.

В языковой репрезентации (I p. 189) У.Черчилля основные фрейм-слововые разновидности метафоры находят подтверждение в модели метафорической проекции *Germany/Great Britain, Europe, America – Persons/Enemies*. М-моделирование индивидуальной концептуальной метафоры этого событийного сюжета показывают враждебность и милитаризм возрожденной Германии, опасной для всего мира. Ассоциации, которые создаются смысловым переплетением М-моделей авторской метафоры, позволяют увидеть в Германии *организованную мощь/organized might* и *волю к победе/will-to-war*.

В следующем текстовом фрагменте (I p. 190), где основной моделью метафорической проекции авторской метафоры является *The Germany-Italy Union – The Berlin-Rome Axis*, историографическое функционирование метафоры связано с авторской оценкой событийного сюжета, согласно которой создание «Оси Берлин – Рим» изменило баланс сил не только в Европе, но и в мире. Авторская метафора (I p. 190) историографически фиксирует, что Франции и Англии отводилась роль пассивных

наблюдателей, которым оставалось только одно в этой исторической ситуации: ждать развития событий.

В языковой репрезентации (I p. 195) с помощью основной модели метафорической проекции *France – an Inert and Paralyzed Person* У.Черчилль также оценивает действия Франции. Историкографические возможности метафоры передают индивидуальную событийную оценку, по которой читатель может присоединиться к оценке бездействия французского правительства.

Историкографическая функция метафоры (I p. 204) проявляется прежде всего в том, что она образно передает идею автора: закрыть для Германии дверь во Францию через демилитаризованную Рейнскую область, линию Мажино и Арденны, что неминуемо вело к поискам новых дверей и в результате к германской экспансии на восточном (СССР и Польша) и южном (Балканские страны) направлениях, где двери были открыты. Политическое предвидение У.Черчилля о ближайшем нападении Гитлера на Балканы и СССР оценивается при анализе ассоциативных линий сюжетного метафорического фрагмента.

В языковой репрезентации (I p. 211–212) основная модель метафорической проекции *Britain/France/the USA – irresolute Germany opponents* реализуется изначально через Социоморфную, Антропоморфную М-модели и М-модель Точных наук: *the disunion (CM) and timidity (AM) of France and Britain and the isolation (TH) of the United States*. Историкографическая ценность авторской метафоры в созданных ею ассоциациях при описании исторически сложившихся причин события. Исходя из анализа семантики М-моделей вербальной репрезентации метафоры, мы предполагаем авторскую оценку события: нерешительность и слабость Англии и Франции, а также изоляционизм США в период создания «Оси Рим – Берлин» привели к тяжелым потерям и испытаниям во время Второй мировой войны.

Основная модель метафорической проекции: *the United States – an Actor/a Hero* в языковой репрезентации (I p. 254–255) репрезентируют мысли политика о важности участия в военном конфликте США, понимая всю сложность этого участия. Европа в этот период времени – это клубок *ненависти и страха*. Автор передает метафорически это ощущение М-моделями: *arrival* (CM) of the *United States* in the *circle* (TH) of European *hates* (AM) and *fears* (AM). В метафорическом фрагменте (I p. 254–255) У. Черчилль персонифицированными М-моделями доносит до читателя свой эмоциональный вывод, что участие США в будущем европейском конфликте было вопросом жизни и смерти Великобритании.

М-моделирование историко-политического события *Возникновение “Оси Рим – Берлин”*» позволяет воссоздать в моделях метафорической проекции (Germany/Great Britain, Europe, America – *Enemies*; The Germany-Italy Union – *The Berlin-Rome Axis*; Britain/France/the USA/Germany – *opponents*) авторский метафорический образ расстановки сил, участвующих в военном конфликте, а также представить индивидуальную оценку действий стран-участниц события (France – *an Inert and Paralyzed Person*; the League of Nations – *a Disheartened and Weakened Person*; the United States – *an Actor/a Hero*).

2.2.4. Метафорическое моделирование событийного сюжета «*Падение Чехословакии в 1938 г.*»

Событийный план метафорического осмысления историко-политической ситуации 1938 г. соотносится с историческим фактом «Мюнхенского сговора» и падения Чехословакии. Мюнхенское соглашение о передаче Чехословакией Германии Судетской области было подписано в Мюнхене 30.09.38 премьер-министрами Великобритании, Франции и Италии: Чемберленом, Даладьё и Муссолини, а также рейхсканцлером

Германии Гитлером. Это соглашение стало кульминационной точкой «политики умиротворения».

Языковой план представлен 4-мя метафорами сюжета «*Падение Чехословакии в 1938 г.*» и включает метафорическое описание события, участниками которого были The British and French Cabinets, the Czechs, the Germans, The Hungarians, Czechoslovakia. Рассмотрим последовательно эти языковые метафорические репрезентации.

Особый интерес в описании исторического сюжета «*Падение Чехословакии в 1938*» в языковой репрезентации (I p. 301–302) представляет метафорическое представление У.Черчиллем кабинетов министров Британии и Франции в образах *перезрелых дынь/overripped melons*:

(I) «The British and French Cabinets at this time presented a front of two *overripped* (1. ПМ) *melons* (2. ПМ) crushed together; whereas what was needed was a *gleam* (3. ПМ) of *steel* (4. АФ). On one thing they were all *agreed* (5. АМ): there should be no consultation with the Czechs. These should be confronted with the decision of their *guardians* (6. СМ). The *Babes* (7. АМ) in the Wood had no worse treatment» (I p. 301–302).

Образы кабинетов министров Британии и Франции описываются сигнификативными дескрипторами модели метафорической проекции The British and French Cabinets – *Overripped Melons*, а нация чехов представлена сигнификативным дескриптором антропоморфной М-модели *The Babes* (7) . Сигнификативный дескриптор природоморфной М-модели *overripped* (1) создает увядающие/дряхлающие, не зрелые, а перезрелые образы британских и французских кабинетов. Семантика сигнификативных дескрипторов этой природоморфной М-модели наделяет исполнительные органы государственной власти обеих стран такими природными качествами как пассивность, безучастность и дряхлость, в то время как метафорический смысл, который передают сигнификативные дескрипторы *gleam* (3) и *steel* (4) предполагает присутствие прочности, надежности и новизны. По мнению У.Черчилля обеим странам нужны именно такие государственные органы.

Антропоморфные М-модель (5), реализованная в языковой репрезентации сигнификативным дескриптором *agreed*, персонифицирует и образы кабинетов обеих стран и нацию чехов. Социоморфная М-модель с дескриптором *guardians* (6), наделяет функцией «опекунов» уже, по всей вероятности, сами государства. Чехи представляются У.Черчиллем в метафорической событийной картине просто младенцами, оставленными в лесу своими опекунами/*The Babes (8) in the Wood*. Мы можем продолжить сюжет этой сложной метафоры – на съедение волкам. Историко-политический контекст метафоры соотносится с индивидуальной образной оценкой деятельности исполнительных органов власти Британии и Франции в период ослабления Чехословакии. Историографическая функция метафоры реализуется в образной метафорической авторской презентации этого контекста.

Захват Чехословакии Германией происходил при бездействии кабинетов министров Франции и Британии. Образное подтверждение этого историко-политического факта в авторской метафоре демонстрирует ее историографический потенциал. Основание для констатации авторской оценки осуждения действий англо-французского руководства обуславливается описанием и интерпретацией М-моделей языковой репрезентации (I p. 301-302) сюжета «*Падение Чехословакии в 1938*» исходя из понятийной области источников метафоризации. Семантика сигнификативных дескрипторов текстового фрагмента соответствует следующим фреймо-слотовым разновидностям М-моделей 4-х сигнификативных понятийных сфер: антропоморфной, социоморфной, природоморфной и артефактной (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении, с. 223–230):

Антропоморфные модели (АМ): Person action/ability (5); Family (7).

Социоморфные модели (СМ): Social classes/groups (6).

Природоморфные модели (ПМ): Plants (1), (2); Sun/Light (3).

Артефактные модели (АФ): Machinery (4).

В следующем фрагменте текста (I p. 322) У. Черчилль продолжает выстраивать свою языковую метафорическую картину события и описывает Чехословакию и Германию в день подписания Мюнхенского соглашения в образах мертвеца и стервятника.

(II) «On September 30, Czechoslovakia *bowed* (1. AM) to the *decisions* (2. AM) of Munich. “ They wished,” they said, “to register their protest before the world against a decision in which they had no part.” President Benes resigned because “he might now prove a *hindrance* (3. CM) to the developments to which our new State must adapt itself.” He departed from Czechoslovakia and found *shelter* (4. АФ) in England. The *dismemberment* (5. ПМ) of the Czechoslovak State proceeded in accordance with Munich Agreement. But the Germans were not the only *vultures* (6. ПМ) upon the *carcass* (7. ПМ)» (I p. 322).

Моделями метафорической проекции, формирующими основные образы участниц событийного сюжета «*Падение Чехословакии*», являются две модели: Czechoslovakia – *a Person*; the Germans – *Vultures*. Модель метафорической проекции the Germans – *Vultures* выстраивает метафорическую историко-политическую картину события в природоморфном понятийном поле. Понятийные поля сигнификативных дескрипторов М-моделей *расчленение/dismemberment* (5) и *туша/carcass* (7) рисуют образ Чехословакии после принятия Мюнхенского соглашения в мрачных красках смерти. Автор метафоры называет нацию немцев *стервятникам*/*vultures* (6), при этом констатирует, что они не единственные, кто терзал труп Чехословакии. Метафорический смысл сигнификативных дескрипторов фреймо-слотовой системы М-моделей помещает образы государств в понятийное пространство жестокого мира животных. Историкографический потенциал концептуальной метафоры реализуется автором в образном представлении условий жестокости Мюнхенского договора для Чехословакии.

Описание индивидуального метафорического моделирования исторической ситуации 30 сентября 1938г., когда Чехословакия склонилась перед мюнхенскими решениями, осуществлялось с помощью интерпретации смысловых взаимодействий фреймо-слотовых структур авторской концептуальной метафоры (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): Person action/ability (1), (2).

Социоморфные модели (СМ): Travel/Movement (3).

Природоморфные модели (ПМ): Animals/Birds/Insects (5), (6), (7).

Артефактные модели (АФ): Houses (4).

В языковой репрезентации (I p. 323-324) метафоры автор метафорически осмысливает Венгрию еще одним участником пиршества, поедающим «труп» Чехословакии:

(III) «The Hungarians had also been on the *fringe* (1. АФ) of the Munich discussions. Horthy had visited Germany...but Hitler had been very reserved in his attitude, he did not reveal to him the date of the intended *move* (2. СМ) against Czechoslovakia. “He himself did not know the time. Whoever *wanted to join* (3. АМ) the *meal* (4. АФ) would *have to share* (5. АМ) in the *cooking* (6. АФ) as well”. But *the hour* (7. ТН) of *the meal* (8. АФ) had not been disclosed. Now, however, the Hungarians *arrived* (9. СМ) with their *claims* (10. АМ)» (I p. 323–324).

Метафорические ассоциации, возникающие при знакомстве с авторской метафорой, находят отражение в основной модели метафорической проекции: The Hungarians – *a Person/an Eater*. Персонификация нации венгров достигается присутствием сигнификативных дескрипторов антропоморфных М-моделей, выражающих действия человека *wanted to join* (3) *to share* (5). Метафорический смысл которых предполагает желание Венгрии участвовать в пиршестве, в поедании Чехословакии. Однако тот, кто захочет участвовать в застолье, должен помочь в его приготовлении. Венгры были *на краю, на кайме/on the fringe* (1), но были причастны к

Мюнхенскому совещанию. По образному представлению У.Черчиллем событийной картины, Гитлер не сообщил *час пиршества/the hour* (7) of the *meal* (8), он не сообщил срок намеченных действий. Дескриптор *move* (2) against обозначает военные действия против Чехословакии, вернее, военное продвижение на ее территорию. Историография метафоры заключается в образном метафорическом контексте исторического факта территориальных претензий Венгрии к Чехословакии. В итоге, согласно историческим данным, решениями Первого Венского Арбитража, Венгрии был передан край южной Словакии, населенный этническими венграми.

Разновидности фреймо-слотовых типов М-моделей в своем смысловом взаимодействии создают авторскую картину сюжета, где образ Венгрии проявляется в метафорических ассоциациях участника пиршества, готового к поеданию Чехословакии. Перечислим указанные в цитируемом фрагменте метафорические модели (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): Person action/ability (3), (5), (10).

Социоморфные модели (СМ): Travel/Movement (2), (9).

Модели точных наук (ТН): Physics (7).

Артефактные модели (АФ): Crafts (1); Cooking (4), (6), (8).

В следующем текстовом отрывке (I p. 327) метафорически репрезентирован центральный образ трагического финала сюжетного эпизода – Чехословакия:

(IV) «And I will say this, that I believe the Czechs left to themselves and *told* (1.АМ) they were going to get no *help* (2. АМ) from the Western *Powers* (3.ТН) , would have been *able to make* (4. АМ) better terms than they have got after all this *perturbation* (5. АМ). They could hardly have had worse. All is over. *Silent* (6. АМ), *mournful* (7. АМ) *abandoned* (8. АМ), *broken* (9.СМ) Czechoslovakia *recedes* (10. СМ) into *darkness* (11. ПМ)» (I p. 327).

Основная модель метафорической проекции, которая выстраивает

центральный образ фрагмента историко-политического события *Падение Чехословакии в 1938 г.*: *Czechoslovakia – a Dead Person*, определена сигнификативными дескрипторами М-моделей метафоры. Авторский образ Чехословакии создается в семантике антропоморфных М-моделей. Сигнификативные дескрипторы *молчаливая/silent* (6), *скорбная/mournful* (7), *покинутая/abandoned* (8) создают трагический портрет женщины. Метафорический смысл лексемы *recedes* (10) усиливает акцент драматической ситуации: скорбная фигура *удаляется/скрывается*. В метафоре природоморфная М-модель *темнота/darkness* (11) может ассоциироваться с гибелью, смертью, исчезновением. Это – финал, это – конец, все кончено для Чехословакии. Можно констатировать историографичность авторской метафоры в образной передаче трагической фазы исторического события.

Описание индивидуального метафорического моделирования трагического периода покорения Чехословакии и поглощения ее территории захватчиками реализовывалось с помощью интерпретации смысловых взаимодействий фреймо-слотовых структур вербальной репрезентации авторской концептуальной метафоры. Фреймо-слотовые разновидности М-моделей метафоры (I p. 327) следующие (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (AM): Person action/inaction/ability (1), (2), (4); Feelings/ Emotions/Senses (5); Personality/Character traits (6), (7), (8).

Социоморфные модели (CM): Travel/Movement (10); Destruction (9).

Модели точных наук (TN): Physics (3).

Природоморфные модели (PM): Darkness (11).

Итак, моделирование историко-политического события *Падение Чехословакии в 1938 г.* авторской метафорой воссоздает не только представление У.Черчилля об участниках события, но и позволяет в основных моделях метафорической проекции усмотреть:

– осуждение бездействию и пассивности кабинетов министров Франции и

Британии (The British and French Cabinets – *Overripped Melons*);

– сочувствие нации, «оставленной на съедение волкам» (the Czechs – *The Babes in the Wood*);

– ненависть к Германии в образе «стервятника, терзающего труп Чехословакии» (Czechoslovakia – *a Dead Person*, the Germans – *Vultures*).

Историографический потенциал авторских метафор проявился в образном представлении участников историко-политического события и в обозначении авторского отношения к этим участникам в М-моделировании события 1938 г. *Падение Чехословакии*.

В языковой репрезентации (I p. 301–302) правительства Англии и Франции представляются У.Черчиллем природоморфными М-моделями в образах перезрелых дынь: *overripped melons* (ПМ), отсюда авторский вывод, что они уже никому не нужны. Историкографическая корректность авторского сравнения подтверждалась ходом истории: вялость и инертность этих правительств в итоге привела их самих к скорой отставке (Даладье – в марте 1940 г., до начала активных военных действий в Норвегии и Дании, а Чемберлен – в мае 1940 г., после вторжения германских войск в Бельгию).

В цитируемом фрагменте языковой репрезентации (I p. 322) основная модель метафорической проекции: *Czechoslovakia – a Person*. В авторском образе: Чехословакия *склонилась/подчинилась* мюнхенским *решениям/* *Czechoslovakia bowed* (AM) *to the decisions* (AM) *of Munich*. Вторая модель метафорической проекции: *the Germans – Vultures/the Germans were not the only vultures* (ПМ) *upon the carcass* (ПМ). Историкографичность метафоры в образном представлении следующей фазы события, как итога действий/бездействий государств в этот исторический период. Стая хищников во главе с Германией растерзала свою жертву, Чехословакию, при полном бездействии Англии и Франции.

Авторская метафора (I p. 323–324) событийного сюжета «*Падение Чехословакии*» передает оценку действий Венгрии в модели метафорической проекции: *the Hungarians – a Person/an Eater*. Авторский

образ нации воплощен фреймо-слотовыми разновидностями М-моделей: *wanted to join the meal* (АФ); *would have to share* (АМ) in the *cooking* (АФ); *the Hungarians arrived* (СМ) with their *claims* (АМ). Историкографический потенциал авторской метафоры реализуется в ее возможности образно передать факты того времени. Метафорическая картина автора передает исторический факт: воспользовавшись слабостью Чехословакии, Венгрия решила свой территориальный спор с ней, приняв участие в её разделе и получив в итоге южные районы Словакии, Закарпатскую и Карпатскую Украину. Чехословацкие события 1938 года представлены метафорой У. Черчилля в динамике, в виде продолжительного пиршества.

Основная модель метафорической проекции событийного сюжета «Падение Чехословакии»: *Czechoslovakia – a Dead Person* реализована автором в языковой репрезентации (I p. 327) с помощью ряда метафорических фреймо-слотовых структур/М-моделей: *silent* (АМ), *mournful* (АМ), *abandoned* (АМ), *broken* (СМ) *Czechoslovakia recedes* (СМ) into *darkness* (ПМ). М-моделирование позволяет интерпретировать авторскую оценку к участникам реального события Падение Чехословакии в результате Мюнхенского сговора: сочувствие чехам, а также горечь и осуждение в бездействии западных держав.

Историкографический потенциал индивидуального М-моделирования дает возможность проследить этапность развития события при построении автором событийного сюжета «Падение Чехословакии в 1938 г.»: сначала – бездействие Англии и Франции (согласно М-моделям языковой репрезентации I p. 301–302), затем – подчинение Чехословакии условиям Мюнхенского сговора (I p. 322), и в итоге – захват территории Чехословакии Германией, Венгрией (I p. 322; I p. 323–324; I p. 327).

Мы можем заключить, что каждый из проанализированных фрагментов метафорического описания историко-политического события является доказательством выдвинутого нами предположения об историкографической функции авторской метафоры с позиций индивидуального М-моделирования

событийной действительности. В итоге, репрезентация исторического события соответствует языковому воплощению сюжета, который отражает закрепленные в сознании автора метафорические структуры, позволяющие проследить этапность развития события.

2.2.5. Метафорическое моделирование событийного сюжета «*Захват Польши*»

Событийный план метафорического осмысления историко-политической ситуации 1939 г. соотносится с историческим фактом захвата Польши. 1 сентября 1939 года пятьдесят шесть немецких дивизий пересекли польскую границу. Германские бомбардировщики нанесли удар по штабу польской армии, по основным коммуникациям страны и, ради устрашения, по польским городам. Через неделю боев немецкие танки вышли к Варшаве. Тридцать пять польских дивизий продержались неделю. Поляки не могли противостоять танковым частям Гудериана и Клейста, их стратегии и тактике, боевым качествам немецких солдат.

В языковых репрезентациях авторских метафор событийного сюжета «*Захват Польши*» германские и польские армии получают персонифицированные характеристики:

(I) «Within a week the German armies had *bitten* (1. AM) deep into Poland. *Resistance* (2. TH) everywhere was *brave* (3. AM) but vain. All the Polish armies on the frontiers, except the Posen group, whose flanks were *deeply* (4. ПМ) turned, were *driven* (5. CM) backward. The Lodz group was *split* (6. TH) in twain by the main thrust of the German Tenth Army; one half *withdrew* (7. CM) eastward to Radom, the other was *forced* (8. TH) northwestward; and through this *gap* (9. TH) *darted* (10. CM) two Panzer divisions *making* (11. AM) straight for Warsaw» (I p. 444).

В анализируемом описании событийного сюжета основной моделью метафорической проекции является *German/Polish Armies – Moving Persons*. Историко-политическая ситуация – захвата германскими армиями Польши образно представляется У.Черчиллем в динамике военного продвижения. Образное персонифицированное представление германских и польских армий средствами сигнификативных дескрипторов *turned, driven, withdrew* выстраивает метафорическую модель *Movement* в восприятии военной ситуации вторжения/отступления. Метафорический образ польских армий в авторской метафоре представлен сигнификативным дескриптором *brave* (3) и отнесен к слотовой разновидности М-модели *Positive character traits*. Дескрипторы исходной понятийной области *Physics: resistance* (2), *forced* (10) приносят смысловой акцент усилий и сопротивления противнику в создании автором метафорического образа Польских армий/*Polish Armies* системой М-моделей метафоры (I p. 444).

Выявленные нами М-модели, связанные с метафорическим описанием исторической ситуации вторжения немецких захватчиков в Польшу и тщетного сопротивления им польских армий, можно отнести к 4-м сигнификативным областям: *Person, Society, Nature, Science*. Семантические поля сигнификативных дескрипторов из этих областей образуют соответственно антропоморфные, социоморфные, природоморфные М-модели и М-модели точных наук (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): *Person action/ability* (1), (11); *Personality/Character Traits* (3).

Социоморфные модели (СМ): *Travel/Movement* (5), (7); *Sport* (10).

Модели точных наук (ТН): *Physics* (6), (8), (9).

Природоморфные модели (ПМ): *Water* (4).

Во втором фрагменте языковой репрезентации (I p. 447) событийного сюжета «*Захват Польши*» автор продолжает наделять метафорическими характеристиками военные действия на территории Польши:

(II) «We had seen a perfect *specimen* (1. АФ) of the modern Blitzkrieg; the close *interaction* (2. АМ) on the *battlefield* (3. ПМ) of army and air *force* (4. ТН); the *violent* (5. АМ) bombardment of all communications and of any town that seemed an *attractive* (6. АМ) target; the arming of an *active* (9. АМ) Fifth *column* (10. АФ); the *free* (11. АМ) use of spies and parachutists; and above all, the *irresistible* (12. АМ) forward *thrusts* (13. СМ) of great *masses* (14. ТН) of armour. The Poles were not to be the last to endure this *ordeal* (15. АМ)» (I p. 447).

Фреймо-слотовое моделирование анализируемого фрагмента языковой репрезентации позволяет выстроить событийный сюжет с основной моделью метафорической проекции: Blitzkrieg actions – *Human actions*. Событийное сюжетирование исторического эпизода происходит в активном антропоморфном понятийном пространстве. Персонафикация военных действий сигнификативными дескрипторами М-моделей (2), (5), (6), (9), (11), (15) очеловечивает образную событийную картину авторской метафоры. Армия и авиация врага у У.Черчилля тесно *взаимодействуют*/the close *interaction* (2); бомбардировка – *яростная*/the *violent* (6); цель бомбардировки – *заманчива*/an *attractive* (6); «Пятая колонна» – *активна*/active (9); использование шпионов и парашютистов – *свободное*/free (11); натиск танков – *безудержный*/irresistible (12). Сигнификативный дескриптор *мука/ordeal* (15) антропоморфной М-модели персонафицирует нацию Польши, на долю которой выпало это тяжелое испытание. Историкографическое функционирование метафоры репрезентирует событие в образном персонафицированном мире, где присутствует авторская оценка и вражеских военных действий и действий поляков. У.Черчиллю удается в одном сюжете метафорически характеризовать врагов как опасную, хорошо подготовленную и вооружённую силу, способную одерживать победы, а также поляков, побеждённых германской военной машиной, принесшей им неисчислимы бедствия.

Анализ индивидуального концептуального моделирования У. Черчиллем исторической ситуации активного продвижения фашистов, когда армия и авиация Германии усиливали свой натиск по захвату Польши, осуществлялся с помощью интерпретации смысловых взаимодействий фреймо-слотовых структур авторской концептуальной метафоры. Фреймо-слотовые разновидности М-моделей метафоры (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): Person action/ability (2); Personality/Character traits (5), (6), (9), (11), (12); Disease/health (15).

Социоморфные модели (СМ): Travel/Movement (13).

Модели точных наук (ТН): Physics (4).

Природоморфные модели (ПМ): Landscapes (3).

Артефактные модели (АФ): Art (1).

Особый интерес в описании исторического сюжета «*Захват Польши*» в языковой репрезентации (I p. 448) представляет метафорическое представление основного участника исторического события Польши У.Черчиллем в образе *скалы/ a rock* в радиовыступлении 1 октября 1939 г. :

(III) «In a broadcast on October 1, 1939 I said: Poland has again been overrun by two of the Great Powers (1.ТН) which held *her* in *bondage* (2. СМ) for a hundred and fifty years, but were unable to quench the *spirit* (3.СМ) of the Polish nation. The *heroic* (4. СМ) defense of Warsaw shows that the *soul* (5. СМ) of Poland is *indestructible* (6. СМ), and that she will rise again like a *rock* (7. ПМ), which may for a time be *submerged* (8. ПМ) by a *tidal* (9. ПМ) *wave* (10. ПМ), but which remains a *rock* (11. ПМ)» (I p. 448).

М-моделирование событийного сюжета «*Захват Польши*» в третьей языковой репрезентации осуществляется автором с помощью основной модели метафорической проекции: Poland – *a Rock*. Модель метафорической проекции Poland – *a Rock* выстраивает метафорическую историко-политическую картину события в природоморфном понятийном

поле. Образ Польши одушевляется семантикой сигнификативных дескрипторов *дух/spirit* (3) и *душа/the soul* (5). У.Черчилль наделяет образ героической страны бессмертной душой. Социоморфные М-модели (3) и (5) авторской метафоры отнесены нами к фрейму *Belief/Myth*. У.Черчилль создает авторскую персонифицированную метафору, соотнося Польшу с героической личностью. Дух нации не был подавлен годами ее *неволи/bondage* (2). Образ Польши создается героико-балладным сюжетом метафоры. Природоморфные М-модели (6); (11) наделяют воспринимаемый образ стойкостью и твердостью. *Poland – a Rock*, временно оказалась захлестнутой сильной волной войны, но все же осталась *скалой*.

<http://www.britannica.com/EBchecked/topic/648813/World-War-II/53534/Technology-of-war-1918-39>

“Encyclopedia Britannica” подтверждает историографическую корректность метафоры У. Черчилля в том, что Варшавский гарнизон выдержал натиск немцев до 28 сентября, подвергнувшись ужасающей бомбардировке и артиллерийскому огневому валу, превративших районы города в развалины, невзирая на его мирное население.

Реставрация авторского концептуального моделирования события и оценки действий его основного участника – Польши в этот период оказалась возможной с помощью интерпретации семантики фреймо-слотовых структур авторской метафоры. Фреймо-слотовые разновидности М-моделей метафоры (I p. 448) следующие (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Социоморфные модели (СМ): War (4); Crime (2); Myth/Faith (3), (5).

Модели точных наук (ТН): Physics (1).

Природоморфные модели (ПМ): Water (8), (9), (10); Landscapes (7), (11).

Моделирование историко-политического события *Захват Польши* с помощью авторской метафоры выявило ряд основных моделей метафорической проекции событийного сюжетирования: *German/Polish Armies – Moving Persons*; *Blitzkrieg actions – Human actions*; *Poland – a*

Rock.

Персонификация военных действий сигнификативными дескрипторами слотовых видов *Person actions; Character traits* «очеловечивает» социоморфную понятийную область «War». Фрейм «Movement» социоморфной М-модели делает образы армий динамичными и передает быстротечность военного времени. Образ Польши сначала персонифицирован семантикой сигнификативных дескрипторов *the soul* и *spirit*, а далее также возвеличен, но уже средствами природоморфной М-модели *a Rock*, придавая образу Польши непоколебимость, стойкость и бессмертие.

Историографичность авторской метафоры достигается смысловым взаимодействием антропоморфных, природоморфных и социоморфных М-моделей при антропоморфной метафорической доминанте в языковой репрезентации событийного сюжетирования *Захвата Польши*.

В языковой репрезентации (I p. 444) с основной моделью метафорической проекции *German/Polish Armies – Moving Persons*, антропоморфные и социоморфные М-модели создают динамику и активность метафорической картины события: *the German armies had bitten (AM) deep into Poland. All the Polish armies ... were driven (CM) backward. ...one half withdrew (CM) eastward to Radom, ...two Panzer divisions making (AM) straight for Warsaw*». Историографическая функция метафоры в этом событийном сюжете реализована У. Черчиллем в детальном метафорическом описании военных действий. В метафоре подробно и динамично описываются направления ударов германских армий, которые, невзирая на сопротивление польских армий, продвигались к Варшаве.

Смысловое фреймо-слотовое взаимодействие при антропоморфной метафорической доминанте очевидно и в следующих языковых репрезентациях (I p. 447), (I p. 448). Основная модель метафорической проекции событийного фрагмента (I p. 447): *Blitzkrieg actions – Human actions* поддерживается антропоморфными М-моделями: *the violent (AM)*

bombardment; of an *active* (AM) *Fifth column*; the *free* (AM) use of spies and parachutists и др. Историографичность авторского метафорического представления события достигается достоверностью метафорических образов воюющих сторон. Противник описывается У.Черчиллем как сильный и опасный враг.

В языковой репрезентации (I p. 448) У. Черчилль дает характеристику Польше как основной участнице событийного сюжета в модели метафорической проекции: *Poland – a Rock*. Историографический потенциал метафоры реализуется автором в возможности образно передать оценку и участникам события и самим историческим фактам. Героический образ нации в событийном сюжете воплощен M-моделями: *the heroic* (CM) *defense*; *the soul* (CM) *of Poland*; *she will rise ... like a rock* (ПМ). В созданной метафорической событийной картине присутствует авторское видение события и его оценка. Сопrotивление и мужество поляков вызывают восхищение У. Черчилля.

Можно сделать вывод, что историографическое функционирование авторских метафор, репрезентированное во фрагментах текстов событийного сюжета «*Захват Польши*», позволяет читателям представить и понять авторское видение динамики события и оценку героическим действиям Польши.

2.2.6. Метафорическое моделирование событийного сюжета «*Восстание в Югославии*»

Событийный план метафорического осмысления сюжета соотносится с историческим фактом восстания в Югославии. В мемуарах присутствует информация о том, что в условиях вновь разгоравшейся в Европе войны, югославские политики лавировали между державами Запада, СССР и Германией, однако последняя сумела добиться присоединения Югославии к державам «Оси». Договор был подписан 24 марта 1941 года, но

уже на следующий день в Белграде произошел военный переворот и договор с Третьим рейхом был разорван. Это заставило Гитлера пересмотреть планы начала кампании на Востоке и обрушиться на Югославию и Грецию, которые могли стать плацдармом для вторжения английских войск. 6 апреля 1941 года Вермахт начал военную операцию «Марита» – вторжение в Югославию. Вскоре к немцам присоединились Италия, Венгрия и Болгария. Подразделения королевской армии, укомплектованные хорватами, словенцами и боснийскими мусульманами переходили на сторону захватчиков.

По личному приказу Гитлера Белград подвергся беспощадной бомбардировке, осуществлялась операция «Кара». Несмотря на отдельные очаги героического сопротивления, за 11 дней югославская армия была полностью разбита и капитулировала.

В текстовом фрагменте (III р. 172-173) понимание неизбежности поражения в Белграде передается У.Черчиллем метафорически как неотвратимая надвигающаяся *катастрофа*:

(I) «A variety of details *shows* (1. АФ) rapid regrouping against Yugoslavia. To gain time against Germans is to lose it against Italians. Nothing should Yugo developing full *strength* (2. TH) against latter at earliest. By this alone can they gain *far-reaching* (3. CM) initial success and masses of equipment in good time. The *mistakes* (4. CM) of years cannot be *remedied* (5. CM) in hours. When the general excitement had subsided , everyone in Belgrade realized that *disaster* (6. ПМ) and *death* (7. AM) *approached* (8. CM) them and that there was little they could do to avert their *fate* (9. CM). The *High* (10. TH) Command thought themselves *forced* (11. TH) to garrison Slovenia and Croatia, to maintain a fictitious internal cohesion. They could now at last mobilize their armies. But there was no strategic plan. Dill found only *confusion* (12. AM) and *paralysis* (13. AM) in Belgrade» (III р. 172–173).

Фреймо-слотовые структуры метафоры (III р. 172–173) создают

авторскую метафорическую картину военных действий на территории Югославии с основной моделью метафорической проекции: а *German War Operation – a Disaster*, которая сюжетно организует систему сигнификативных дескрипторов М-моделей. М-моделирование метафорой историко-политической ситуации в Белграде понятийно выстраивает неотвратимость *бедствия/disaster* (6) и *смерти/death* (7), которые произойдут из-за *невозможности исправить/remedied* (5) *ошибки/mistakes* (4). Понятийные поля сигнификативных дескрипторов М-моделей (4), (5) фрейма *Education* предполагают персонификацию Югославии в метафорическом осмыслении периода затишья перед приближающимся для нее бедствием. Семантика сигнификативных дескрипторов *fate* (9) и *death* (7) создает метафорическое осмысление события в социоморфном понятийном пространстве фрейма *Belief/Religion*.

Историографическое функционирование метафоры проявляется в образном описании реальных военных действий на территории Югославии и фиксирует индивидуальное восприятие У.Черчиллем ситуации в Белграде. Антропоморфные М-модели *confusion* (12); *paralysis* (13) передают в метафорическом описании события настроение замешательства и безучастности в столице Югославии, которые становятся вполне понятны читателю с помощью образной авторской метафоры.

Анализ индивидуального концептуального моделирования У. Черчиллем исторической ситуации 1941 г., когда Югославия оказалась перед фактом нацистского вторжения, осуществлялся с помощью интерпретации смысловых взаимодействий фреймо-слотовых структур авторской концептуальной метафоры (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (AM): *Feelings/Emotions/Senses* (12); *Disease/ health* (7), (13).

Социоморфные модели (CM): *Travel/Movement* (3), (8); *Education* (4), (5); *Myth/ Faith* (9).

Модели точных наук (ТН): Mathematics/Geometry (10); Physics (2), (11).

Природоморфные модели (ПМ): Natural Phenomena (6).

Артефактные модели (АФ): Theatre (1).

В языковой репрезентации (II) событийного сюжета «*Восстание в Югославии*» У.Черчиллем метафорически осмысливаются результаты фашистской военной операции «Кара» в Белграде. Восприятие ужаса и страха, которые царили в мертвой столице Югославии, автору удается передать в метафорическом описании безумия зверей:

(II) «When silence *came* (1. CM) at last on April 8 over seventeen thousand citizens of Belgrade lay dead in the streets or under the debris. Out of the nightmare of *smoke* (2. ПМ) and *fire* (3. ПМ) *came* (4. CM) the *maddened* (5. AM) animals released from their shattered cages in the zoological gardens. A stricken stork *hobbled* (6. CM) past the main hotel, which was a mass of *flames* (7. ПМ). A bear, *dazed* (8. AM) and *uncomprehending* (9. AM), *shuffled* (10. CM) through the *inferno* (11. CM) with slow and awkward *gait* (11. CM) down towards the Danube. He was not the only bear who did not *understand* (12. AM). Operation “Punishment” had been *performed* (13. АФ)» (III p. 175).

Моделью метафорической проекции, формирующей основные образы участников событийного сюжета, является модель *Animals – Persons*, которая выстраивает метафорическую историко-политическую картину события в антропоморфном понятийном поле.

Антропоморфное М-моделирование «очеловечивает» мир животных на фоне мертвого города Белграда. *Аист/a stork* и *медведь/a bear* являются участниками событийной картины, которые подобно людям *ошеломлены/dazed* (8), потеряли способность понимать/*uncomprehending* (9). Метафорическая событийная картина, создаваемая автором не статична, она в движении. *Аист ковыляет/hobbled* (6)», а медведь *пробирается /shuffled* (10) своей медленной и неуклюжей *походкой/gait* (11)». Исходя из персонифицированной образной картины, созданной У.Черчиллем,

интерпретируя М-модель *Myth/Faith* в смысловых ассоциациях сигнификативного дескриптора *the inferno* (11), мы определяем место происходящего события – *ад*. Так метафорически автор представляет результат военной операции “Punishment”. Смысловое взаимодействие М-моделей этой метафоры не только способствует персонификации участников событийной, но и передает авторское отношение к бесчеловечным действиям противника.

Метафорическое описание военной операции с помощью сигнификативного дескриптора *performed* (13) репрезентируется в артефактной понятийной сфере. Операция «Кара», подобно театральному представлению, поставлена и сыграна.

Мы можем предположить, что У.Черчилль в данной концептуальной метафоре, говоря о том, что медведь из зоопарка не является единственным, вероятно, представляет еще одного, невидимого «медведя» – Россию, которая потеряла способность соображать и ощущать опасность, исходящую от Германии, которая через два с половиной месяца нападёт на Советский Союз.

Историографическая функция метафоры проявляется в метафорическом описании конкретно датированной военной операции (8 апреля 1941г.) в конкретном городе Белграде. Система сигнификативных дескрипторов М-моделей персонифицирует восприятие исторической ситуации и обуславливает антропоморфную доминанту в этом восприятии. Фреймо-слотовые структуры М-моделей фрагмента (III р. 175) следующие (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): Person action/ability (9), (12); Feelings/Emotions/Senses (8); Disease/health (5).

Социоморфные модели (СМ): Travel/Movement (1), (4), (6), (10), (11); Myth/Faith (11).

Природоморфные модели (ПМ): Fire (2), (3), (7).

Артефактные модели (АФ): Theatre (13).

Итак, моделирование историко-политического события *Восстание в Югославии* авторской метафорой позволяет увидеть в сочетаемости моделей метафорических проекций *German War Operation – a Disaster*; а *German War Operation – an animal Performance* взаимодействие ментальных представлений природоморфной и театральной М-моделей. Мир военного события образно представлен У. Черчиллем в текстовом фрагменте (III р. 172-173) в понятийном пространстве «Природа» безысходностью надвигающегося бедствия, результат которого метафорически осмысляется в следующей языковой репрезентации (III р. 175) персонификацией беззащитного мира животных.

2.2.7. Метафорическое моделирование событийного сюжета «*Нападение Германии на СССР*»

Анализ авторского метафорического описания каждого событийного сюжета позволяет нам моделировать событийную военную действительность и интерпретировать индивидуальное видение исторического события. Для воссоздания индивидуальной картины события, в этом описании событийного сюжета «*Нападение Германии на СССР*» мы, как и в прежних параграфах, анализируем корпус авторских метафор в трех планах: событийном, языковой репрезентации и фреймо-слотовом моделировании. Описание и интерпретация М-моделей авторских метафор в соответствии с разработанной методикой анализа практического материала начинается с представления историко-политического событийного плана.

Событийный план метафорического осмысления сюжета «*Нападение Германии на СССР*» включает исторический факт военных событий июня 1941 года. 22 июня 1941 года Германия внезапно и без предупреждения напала на СССР. Немецкие войска нанесли мощный внезапный удар по всей западной советской границе тремя группами армий. Историко-политический факт нападения Германии на СССР в июне 1941 г является событийной основой сюжета.

Языковые метафорические репрезентации событийного сюжета «*Нападение Германии на СССР*» дают описание исторического события с помощью характеристик ее участников: Russia, Soviet Government, Hitler, Britain.

В языковой репрезентации I (III p. 353) мы анализируем авторские характеристики участников данного сюжета: России и её руководителей.

(I) «War is mainly a *catalogue* (1. АФ) of blunders , but it may be doubted whether any *mistake* (2. СМ) in history has *equaled* (3. ТН) that of which Stalin and the Communist chiefs were *guilty* (3. СМ) when they cast away all possibilities in the Balkans and *supinely* (4. АМ) awaited , or were incapable of realizing , the *fearful* (5. АМ) onslaught which *impended* (6. СМ) upon Russia . We have hitherto rated them as selfish *calculators* (7. АМ). In this period they were proved *simpletons* (8.АМ) as well. The *force* (9. ТН), the *mass* (10. ТН), the *bravery* (11. АМ) and *endurance* (12. АМ) of *Mother* (13. АМ) *Russia* had still to be thrown into the *scales* (14.АФ). But so far as strategy, policy, foresight, competence are *arbiters* (15. СМ), Stalin and his commissars showed themselves at this moment the most completely *outwitted* (16. АМ) *bunglers* (17. АМ) of the Second World War» (III p. 353).

Модель метафорической проекции Russia – *Mother* направляет смысловые вектора сигнификативных дескрипторов метафоры в антропоморфное понятийное поле. Участниками исторических событий 1941 года этой метафоры выступают Россия и ее руководство. Образы Сталина и коммунистического руководства страны создаются сочетанием смыслов сигнификативных дескрипторов слота *Negative personality traits* антропоморфной М-модели. Прежде они воспринимались автором расчетливыми эгоистами /*selfish calculators* (7), затем простаками/*simpletons* (8), и наконец, недальновидными/*outwitted* (16), при этом они – неумехи/*bunglers* (17). Словарь “Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English” под редакцией A.S. Hornby так толкует смысл этой лексемы «а

person who does (a piece of work) badly and clumsily; spoils (a task of work) by lack of skill». *Арбитрами/Arbiters* (15), в таком вердикте являются *стратегия, политика, близорукость и компетенция/strategy, policy, foresight, competence*. Образ России персонифицирован М-моделями (11); (12); (13). Этот образ создается антропоморфной М-моделью *Mother* (13). Сигнификативные дескрипторы фрейма *Positive personality traits* антропоморфной М-модели *the bravery* (11) и *endurance* (12) представляют образ России уважительно. Концепты *the force* (9); *the mass* (10) вместе с динамичным понятием *the scales* могут быть осмыслены в слотах фрейма *World of Physics* М-моделей мира точных наук. Итак, у Черчилля, Россия – сильная, мощная, мужественная и выносливая. Сила, мужество и выносливость матушки России должны были быть брошены на весы руководством России. Насколько почтительно представлен автором образ России, настолько же уничижительно образы Сталина и руководства коммунистической партии.

Моделирование языковой репрезентации I (III р. 353) позволяет в основных моделях метафорической проекции усмотреть авторскую оценку участникам событийного сюжета. Уважительное отношение к стране, на которую нападает Германия и отношение осуждения к коммунистическому руководству этой страны. Историкографический потенциал авторских метафор проявился в образном представлении участников историко-политического события и в обозначении авторского отношения к этим участникам. Фреймо-слотовые разновидности М-моделей метафоры следующие (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): Human Relationships (13); Personality/Character traits (4), (5), (7), (8), (11), (12), (16), (17).

Социоморфные модели (СМ): Education (2); Crime (3); Travel/Movement (6); Sport (15);

Модели точных наук (ТН): Mathematics/Geometry (3); Physics (9), (10).

Артефактные модели (АФ): Housekeeping (14).

Следующий фрагмент текста (III p.368–369) подтверждает отрицательную оценку У. Черчиллем действий правительства СССР на 20 июня 1941 г.:

(II) «On the evening of Friday, June 20, I drove down to Chequers alone. I knew that the German onslaught upon Russia was a *matter* (1. TH) of days, or it might be hours. I had arranged to deliver a broadcast on Saturday night dealing with this event. I would, of course, have to be in *guarded* (2. AM) terms. Moreover, at this time the Soviet Government at once *haughty* (3. AM) and *purblind* (4. AM), regarded (5. AM) every warning we gave as a mere attempt of *beaten* (6. AM) *men* to drag others into *ruin* (7. CM). As the result of my reflection in the car, I put off the broadcast till Sunday night, when I thought all would be clear» (III p.368–369).

Как видим из приведенного текста, основной моделью метафорической проекции в представлении автором советского правительства является персонифицированная модель: the Soviet Government – *a haughty and purblind Person*. Образ правительства СССР представлен сигнификативными дескрипторами антропоморфной М-модели *высокомерный/haughty* (3) и *недальновидный/purblind* (4). В метафоре присутствует и образ Британии, которая неоднократно посылала предостережение советскому правительству. Автор наделяет метафорический образ правительства СССР таким качеством человека, который принимает предостережение Британии как попытку потерпевшего увлечь за собой к гибели, к *разрушению/ruin* (6). В восприятии правительства Советского Союза Британия предстает в образе *побитых/beaten* (5) людей.

Историографическая функция метафоры У.Черчилля проявляется в создании персонифицированной метафорической картины события, где один участник ведет себя благородно, а другой недоверчив и высокомерен.

Концептуальное моделирование исторической ситуации за 2 дня до нападения на СССР с авторской оценкой действий его основного участника –

Советского правительства в этот период оказалось возможным с помощью интерпретации семантики фреймо-слотовых структур авторской метафоры. Фреймо-слотовые разновидности М-моделей метафоры (III p.368-369) следующие (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (AM): Person action/ability (5); Personality/Character traits (2), (3), (4).

Социоморфные модели (CM): Destruction (7).

Модели точных наук (TH): Physics (1).

У.Черчилль выражает в метафорах отрицательное отношение к коммунистическим и фашистским режимам, в следующей языковой репрезентации автор описывает захватчиков как злодеев, которые планируют и организуют бедствия:

(III) «The Nazi regime is indistinguishable from the worst *features* (1. AM) of Communism. It is devoid of all theme and *principle* (2. CM) except *appetite* (3. AM) and *racial* (4. CM) *domination* (5. CM). It excels all forms of human *wickedness* (6. CM) in the *efficiency* (7. CH) of its *cruelty* (8. AM) and *ferocious* (9. AM) *aggression* (10. CM). No one has been a more *consistent* (11. TH) opponent of Communism than I have for the last twenty-five years. I will unsay no word that I have spoken about it. But all this faded away before the *spectacle* (12. АФ) which is now unfolding. The past, with its crimes, its follies, and its tragedies, flashes away. I see the Russian soldiers standing on the threshold of their native land, guarding the fields which their fathers have tilled from time immemorial. I see them guarding their homes where mothers and wives pray – ah, yes, for there are times when all pray – for the safety of their loved ones, the return of the bread-winner (13. CM), of their *champion* (14. CM) , of their *protector* (15. CM). I see the ten thousand villages of Russia where the means of existence is wrung so hardly from *the soil* (16. ПМ) but where there are still primordial human joys, where maidens laugh and children play. I see advancing upon all this in hideous onslaught

the Nazi war *machine* (17. АФ), with its clanking, heel-clicking, dandified Prussian officers, its crafty expert agents fresh from the *cowing* (18. ПМ) and *tying-down* (19. ПМ) of a dozen countries. I see also *the dull* (20. АМ) , *drilled* (21. АМ) , *docile* (22. АМ), *brutish* (23. АМ) *masses* (24. ТН) of the Hun soldiery *plodding* (25. СМ) on like a *swarm* (26. ПМ) of *crawling* (27. ПМ) *locusts* (28. ПМ). I see also the German bombers and fighters in the sky, still *smarting* (29. АМ) from many a British *whipping* (30. АМ), *delighted* (31.АМ) to find what they *believe* (32. АМ) is an easier and a safer *prey* (33. ПМ). Behind this entire glare, behind this *storm* (34. ПМ), I see that small group of villainous men who plan, organize, and launch this *cataract* (35. ПМ) of horrors upon mankind» (III p. 371).

В модели метафорической проекции *War – a Spectacle* присутствует авторское восприятие событий июня 1941 г., которое проявляется в совокупности с пониманием сигнификативных дескрипторов М-моделей метафоры. Повтор «I see» – постоянное напоминание читателю о том, что автор текста является, прежде всего, зрителем этого спектакля. Действующими лицами выступают русские солдаты/*the Russian soldiers*, которые с помощью сигнификативных дескрипторов *bread-winner* (13); *champion* (14); *protector* (15) предстают в метафорическом образе «кормильца, борца и защитника русских земель». Солдаты Германии названы автором в метафоре *гуннской солдатней/Hun soldiery* и представлены средствами сигнификативных дескрипторов природоморфной М-модели: *туча/a swarm* (26); *ползущая/crawling* (27); *саранча/locusts* (28). Действующими лицами выступают не только солдаты Германии и России, но и германские бомбардировщики и истребители, которые персонифицированы сигнификативными дескрипторами антропоморфной М-модели. На них незаживающие *раны/smarting* (29) от *плетей/whipping* (30), нанесенных Британией. Авторский образ России представлен с помощью сигнификативного дескриптора *добыча/prey* (33). Можно предположить, что

Германия ассоциируется У.Черчиллем с охотником и это его очередная добыча, более легкая и верная/easier and safer. Германия – охотник, *усмиряющий/cowing* (18) и *вяжущий по рукам и ногам/tying-down* (19) десятки стран.

Сигнификативные дескрипторы природоморфной М-модели *буря/storm* (34) и *водопад/cataract* (35) позволяют выстроить следующую метафорическую проекцию: a War – a Storm/a Cataract. Война осмысливается автором в природоморфном понятийном пространстве.

Понимание репрезентированного автором исторического события *Нападение Германии на СССР* происходит в соответствии с анализом М-моделирования и интерпретируется в соответствии с разработанной методикой анализа практического материала (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): Feelings/Emotions/Senses (3), (31); Personality/Character traits (8), (9), (20), (21), (22), (23); Disease/health (29); Person action/ability (30), (32).

Социоморфные модели (СМ): Ideology (2), (4), (5); Myth/ Faith (6); Economy (7); Military action (10); Victor/Hero (13), (15); Sport (14); Travel/Movement (25).

Модели точных наук (ТН): Mathematics/Geometry (8); Physics (24).

Природоморфные модели (ПМ): Ground (16); Animals/ Birds/Insects (18), (19), (27), (28), (33); Natural Phenomenon (34), (35).

Артефактные модели (АФ): Theatre (12); Machinery (17).

Остановимся на характеристике следующего фрагмента текста (III р. 372), где У.Черчилль выражает готовность оказать помощь России и выражает свою непримиримость к нацистскому режиму, представляя Гитлера и его окружение *бандой/шайкой*:

(IV) «We have but one aim and one single, irrevocable purpose. We are resolved to *destroy* (1. СМ) Hitler and every *vestige* (2. СМ) of the Nazi regime. From this nothing will turn us – nothing. We will never

parley, we will never negotiate with Hitler or any of his *gang* (3. CM). We shall fight him by *land* (4. ПМ), we shall fight him by *sea* (5. ПМ), we shall fight him on the *air* (6. ПМ), until, with God's *help* (7. АМ), we have rid of the earth of his *shadow* (8. ПМ) and liberated its people from his *yoke* (9. АФ). Any man or state who fights on against Nazidom will have our aid. Any man or state who *marches* (10. CM) with Hitler is our *foe* (11. CM)... That is our policy and that is our declaration. It follows, therefore, that we shall give whatever help we can to Russia and the Russian people. We shall appeal to all our *friends* (12. CM) and *allies* (13. CM) in every part of the world to take the same *course* (14. CM) and pursue it, as we shall faithfully and steadfastly to the end...» (III p. 372).

Как мы видим, в языковой репрезентации (IV) модели метафорической проекции Hitler – *a Criminal*; Britain – *a Hero* в их образной и историографической потенции подчиняют смысловые восприятия М-моделей авторской метафоры. Языковая метафорическая картина отражает образы Гитлера, нацистского режима и Британии. Сигнификативный дескриптор *банда, шайка/gang* (3) социоморфной М-модели размещает образ Гитлера в сигнификативную область *Crime*. С помощью М-модели *gang* (3) автор создает криминальный образ Гитлера и его окружения. Гитлер осмысляется автором как главарь преступных сил. Нацистский режим/Nazi regime персонифицирован сигнификативным дескриптором *след/vestige* (2).

Модель метафорической проекции Britain – *a Hero* выстроена ассоциациями, создаваемыми лексемой *fight*. Сигнификативные дескрипторы природоморфной М-модели создают масштабность восприятия образной картины. Решимость нации/государства подтверждается ее намерениями сражаться с ним на *суше/land* (4), в *воздухе/air* (6) и на *море/sea* (5). Британия полна решимости и в тексте присутствуют значимые повторы, трехкратно как заклинание повторяется «we shall fight». В метафоре обозначается тот, к кому могут быть адресованы эти заклинания. С божьей помощью Британия

избавит землю от тени поработителя. Сигнификативный дескриптор *shadow* (8) дает возможность осмыслить это в данном событийном сюжете как *воспоминание*. Стереть даже воспоминания о Гитлере и освободить людей от его *ига, ярма/yoke* (9). В решительности намерений Британия предстает в сюжете у У.Черчилля в метафорическом образе героя. Британия намерена помогать России. Сигнификативные дескрипторы *foe* (11) *friends* (12) *allies* (13) социоморфной М-модели поддерживают уже созданное автором метафор разделение участников событий на *друзей, союзников и врагов*.

Социоморфная М-модель фрейма *Travel/Movement* репрезентирована в текстовом фрагменте дескрипторами *vestige* (2), *marches* (10) и *course* (14). Любое государство, которое *идет/marches* (10) с Гитлером это – враг Британии. Автор обращается к странам – друзьям и союзникам *придерживаться одного курса/to take the same course* (14) – поддержать Россию.

Интерпретация реализована в широком контексте смыслового взаимодействия фреймо-слотовых разновидностей М-моделей *Hitler – a Criminal; Britain – a Hero* при описании исторического периода нападения Германии на СССР. Фреймо-слотовые разновидности М-моделей метафоры (III р. 372) следующие (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении, с. 223-230):

Антропоморфные модели (АМ): *Person action/ability* (7).

Социоморфные модели (СМ): *Destruction* (1); *Crime* (3); *Travel/ Movement* (2), (10), (14); *Social relationships* (11), (12), (13).

Природоморфные модели (ПМ): *Ground* (4); *Water* (5); *Air* (6); *Natural Phenomenon* (8).

Артефактные модели (АФ): *Housekeeping* (9).

В языковой репрезентации V (III р. 372–373) событийного сюжета «*Нападение Германии на СССР*» авторское восприятие события может быть интерпретировано как персонифицированная метафорическая картина, где страны и их правительства – глупы, они позволили преступнику – Гитлеру

разбить себя поодиночке. Авторская М-модель *Преступник* получает свое дальнейшее развитие в метафорическом описании У. Черчиллем действий Гитлера в этот период военных событий:

(V) «This is no time to moralize on the follies (1. AM) of countries and Governments which have *allowed* (2. AM) themselves to be struck down one by one, when by united action they could have *saved* (3. AM) themselves and saved the world from this *catastrophe* (4. ПМ). But when I spoke a few minutes ago of Hitler's *blood-lust* (5. ПМ) and the *hateful* (6. AM) *appetites* (7. AM) which have impelled or lured him on his Russian *adventure* (8. АФ), I said there was one *deeper* (9. ПМ) motive behind his *outrage* (10. AM). He wishes to *destroy* (11. CM) the Russian *power* (12. TH) because he hopes that if he succeeds in this he will be able to bring back the main *strength* (13. TH) of his army and air *force* (14. TH) from the East and hurl it upon this *island* (15. ПМ), which he knows he must *conquer* (16. CM) or suffer the *penalty* (17. CM) of his *crimes* (18. CM). His invasion of Russia is no more than a *prelude* (19. АФ) to an attempted invasion of the British Isles. He hopes, no doubt, that all this may be accomplished before the winter *comes* (20. CM), and that he can overwhelm Great Britain before the Fleet and air *power* (21. TH) of the United States may intervene. He hopes that he may once again repeat, upon a greater *scale* (22. АФ) than ever before, that process of *destroying* (23. CM) his *enemies* (24. CM) one by one by which he has so long thrived and prospered, and then the *scene* (25. АФ) will be clear for the final *act* (26. АФ), without which all his conquests would be in vain – namely, the subjugation of the Western Hemisphere to his will and to his *system* (27. АФ)» (III p. 372–373).

Основные модели метафорической проекции: The Nation/State – *A Person*; Hitler – *a Criminal*; War – *a Catastrophe/a Performance*.

Модели метафорической проекции The Nations/States – *Persons*, Hitler – *a Conquerer/a Criminal* выстраивают образную метафорическую картину

события при сюжетировании исторической действительности, при этом М-модели в их «переплетении» смысловых линий сигнификативных дескрипторов дополняют и развивают антропоморфную понятийную доминанту. Персонификация стран и правительств осуществляется сигнификативным дескриптором *глупости/follies* (1) фрейма *Personality/Character traits*, а также дескрипторами *allowed* (2) *saved* (3) фрейма *Person action/ability*. У.Черчилль осмысливает действия стран – жертв фашистского нашествия в антропоморфной понятийной сфере. Авторская оценка военных действий передаётся в образном метафорическом событийном описании, согласно которой к лету 1941г. глупые страны позволили преступнику Гитлеру себя разбить поодиночке, хотя могли бы спасти себя и мир совместно.

Образ Гитлера представлен природоморфной и социоморфной М-моделями: *Hitler – an Animal*, которым руководит *жажда крови/blood-lust* (6) и *Hitler – a Criminal*», которому придется нести *наказание/the penalty* (17) за свои *преступления/crimes* (18). Сигнификативные дескрипторы *the penalty*, *crimes* ориентирует нас увидеть образ Гитлера в исходном понятийном пространстве *Crime*. В своих действиях против России У.Черчилль видит в образе Гитлера прежде всего его животные инстинкты *кровожадности /blood-lust* (5). В предполагаемых захватнических действиях против Британии проявляется его преступные замыслы.

Изначально модель метафоризации представляет войну как катастрофу *War – a Catastrophe*, которую можно было бы избежать, если бы страны и правительства не позволили себя разбить поодиночке. Затем мы осмысливаем военные действия в сигнификативной артефактной понятийной области *Theatre*. В финале событийного сюжета модель метафорической проекции *War – a Performance* выстраивает взаимосвязь понятийных полей сигнификативных дескрипторов слота *Theater*, где захват России – *прелюдия/a prelude* (19)», перед захватом Британских островов. И мир как *сцена/a scene*» (20), будет расчищен для последнего *акта/act* (22)

мировой трагедии. Историография метафоры в образном метафорическом представлении исторического факта. Метафорическая образность позволяет читателю осознать катастрофу, понять опасность кровожадного и алчного захватчика, который является преступником и которого, исходя из контекста метафоры, ждет неотвратимое наказание.

“Encyclopedia Britannica” дает информацию по этому периоду военной истории: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/648813/World-War-II/53552/Invasion-of-the-Soviet-Union-1941>

Строки энциклопедии подтверждают, что нападение Германии на Советский Союз должно было оказать немедленный и благотворный эффект на положение Великобритании. До этого нападения британские перспективы казались безнадежными для большинства людей. Гитлер облегчил участь Великобритании, повернув на восток и напав на Советский Союз как раз в то время, когда давление на Великобританию было сильным.

Интерпретация авторской метафоры (III р. 372–373) соотносится с осмыслением выделенных в тексте фреймо-слотовых разновидностей М-моделей 5-ти сигнификативных понятийных сфер: Человек, Общество, Наука, Природа, Артефакт. Семантические поля сигнификативных дескрипторов этих областей образуют соответственно антропоморфные, социоморфные, природоморфные, артефактные М-модели и М-модели точных наук. Фреймо-слотовые разновидности этих М-моделей следующие (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): Personality/Character traits (1), (6), (7), (10); Person action/ability (2), (3).

Социоморфные модели (СМ): War (11), (16), (23); Crime (17), (18); Travel/Movement (20).

Модели точных наук (ТН): Physics (12), (13), (14).

Природоморфные модели (ПМ): Natural Phenomenon (4); Animals/Birds/Insects (5); Water (9).

Артефактные модели (АФ): Literature (8); Theatre (19), (25), (26); Housekeeping (22); Mechanism (27).

Языковые метафорические репрезентации событийного сюжета «*Нападение Германии на СССР*» дают описание исторического сюжета с помощью характеристик ее участников. В языковой репрезентации VI (III p.378–379) мы анализируем авторские характеристики 2-х участников данного сюжета: Британии и правительства Советского Союза, которые персонифицированы в антропоморфных М-моделях авторской метафоры.

(VI) «Up to the moment when the Soviet Government was set upon by Hitler they seemed to *care for* (1. AM) no one but themselves. Afterwards this mood naturally became more marked. Hitherto they had *watched* (2. AM) with *stony* (3. ПМ) composure the *destruction* (4. CM) of the front in France in 1940, and our vain efforts in 1941 to create a front in the Balkans. They had *given* (5. AM) important economic *aid* to Nazi Germany and *helped* (6. AM) them in more minor ways. Now, having been *deceived* (7. AM) and *taken* by surprise (8. AM), they were themselves under the *flaming* (9. ПМ) German *sword* (10. CM). Their first *impulse* (11. TH) and lasting policy was to demand all possible succour from Great Britain and her Empire, the possible partition of which between Stalin and Hitler had for the last eight months beguiled Soviet minds from the progress of German *concentration* (12. TH) in the East. They did not *hesitate* (13. AM) to appeal in urgent and strident terms to *harassed* (14. AM) and *struggling* (15. CM) Britain to send them the munitions of which her armies were so short. They *urged* (16. AM) the United States to divert to them the largest quantities of the supplies on which we were counting, and above all, even in the summer of 1941 they *clamoured* (17. AM) for British landing in Europe, regardless of risk and cost, to establish *a second* (18. TH) front» (III p.378–379).

Модели метафорической проекции the Soviet Government – *a Person*, Britain – *a Struggling Person* представляют межгосударственные

взаимоотношения в антропоморфном понятийном пространстве и структурируют военную ситуацию с антропоморфной доминантой. Авторская метафора позволяет понять читателю напряженность военного периода 1941 года, когда обеим странам, Великобритании и Советскому Союзу, не хватало вооружения в борьбе с фашистской Германией. Этот фрагмент исторической картины мира метафорически моделируется средствами антропоморфных М-моделей. В персонифицированном понятийном пространстве *The Soviet Government* и, соответственно, *the British Government* находятся в не простых человеческих отношениях. В языковой репрезентации сложной метафоры понятийно присутствует авторское осуждение действий советского правительства, передаваемое набором сигнификативных дескрипторов слота *Personal action*. Мы воспринимаем авторский образ советского правительства с помощью сигнификативных дескрипторов *care for* (1), *watched* (2), *given* (5) *aid*, *helped* (6), *hesitate* (13), *clamoured* (17). У создателя метафоры правительство СССР – это персона, которая *заботится* (1) только о себе; со спокойствием *наблюдала* (2) крушение фронта во Франции; *оказывала помощь* (5), (6) нацистской Германии; не *колебалась* (13) в требованиях к Британии в поставках военных материалов; *требовала* (17) высадки англичан в Европе. Дескрипторы исходной персонифицированной понятийной сферы метафорической проекции передают авторское отношение о той событийной ситуации, когда для советского правительства было не важно, что вооружение было необходимо тому, к кому оно обращалось за помощью. Сигнификативные дескрипторы *harassed* (14), *struggling* (15) создают образ Британии. В авторской метафорической событийной картине это – образ измученного военными действиями человека.

Отметим исторический факт, что 12 месяцев (с 22 июня 1940 г., когда Франция капитулировала до 22 июня 1941 г., когда началась Великая Отечественная война) Великобритания была в одна в своей борьбе против

Германии. СССР в это время поставлял в Германию сырье для военного производства.

Осмысление текста и интерпретация авторской метафоры с позиции описания историографического потенциала метафоры соотносится с анализом смысловых ассоциаций выделенных в тексте фреймо-слотовых разновидностей М-моделей 4-х сигнификативных понятийных сфер: антропоморфной, социоморфной, природоморфной и сферы точных наук (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (AM): Person action/ability (1), (2), (5), (6), (7), (8), (9), (16), (17).

Социоморфные модели (CM): War (4), (10), (15).

Модели точных наук (TN): Physics (12); Mathematics/Geometry (18).

Природоморфные модели (PM): Ground (3); Air (9).

Текстовой фрагмент VII (III p. 452) дополняет понимание событийной картины предыдущей языковой репрезентации (III p. 378-379) и передает напряженный «нерв» отношений между Великобританией и Советским Союзом. У.Черчилль метафорически осмысливает СССР безразличным союзником Британии, наделяя Советский Союз характеристиками ворчливого, угрюмого и жадного человека:

(VII) «We endured the unpleasant process of exposing our own vital security and projects to failure for the sake of our new *ally* (1. CM) – *surlly* (2. AM), *snarly* (3. AM), *grasping* (4. AM), and so lately *indifferent* (5. AM) to our *survival* (6. AM)» (III p. 452).

Историографическая функция метафоры позволяет автору моделировать событийную действительность в индивидуальных вербальных репрезентациях образных представлений основного участника события – Советского Союза. Основная модель метафорической проекции: the USSR - *an indifferent Ally*. Индивидуальное видение автором основного участника сюжета СССР в образе *безразличного союзника* Британии находит отражение в семантике сигнификативных дескрипторов антропоморфной

М-модели (*хмурый/surly* (2), *ворчливый/snarly* (3), *жадный/grasping* (4), *безразличный/indifferent* (5)). Образ Советского Союза репрезентирован М-моделями слота *Negative personality traits* и воспринимается читателями отрицательной персоной, который вряд ли может быть надежным *союзником*.

Персонификация СССР выстраивает отношения между странами в антропоморфном понятийном пространстве. Британия характеризуется автором благородными действиями: она идет на риск и ставит под удар свою собственную безопасность ради нового союзника. Ради СССР, которому, по мнению Черчилля, было безразлично выживет ли Британия в одиночной схватке с врагом. Дескриптор *выживание/survival* (6) размещает метафорический образ Британии в повествовательную рамку военного периода, периода смерти и разрушений. Историографическая функция метафоры проявляется в создании автором смысловых представлений с помощью антропоморфных и социоморфных сигнификативных дескрипторов образа Советского Союза после вторжения Германии на его территорию в 1941 г.

Образ СССР субъективен в сравнении с исторической действительностью, бесстрастно отображённой “Encyclopedia Britannica”:

<http://www.britannica.com/EBchecked/topic/648813/World-War-II/53552/Invasion-of-the-Soviet-Union-1941>

Согласно данным энциклопедических ресурсов результатом первых трёх месяцев войны между Германией и Советским Союзом стало осторожное восстановление дружественных отношений между СССР и Великобританией, СССР и США. Англо-советское соглашение от 12 июля 1941 года связало обещанием подписавшие его стороны помогать друг другу и воздерживаться от заключения сепаратного мира с Германией в какой-либо форме. В пункте о сепаратном мире с Германией английская сторона видела определенного вида гарантию участия СССР в войне, а не выход из нее путем подписания сепаратного мира с Германией, как это было в марте 1918 года.

Интерпретация авторской метафоры (III р. 452) соотносится с выделенными в тексте фреймо-слотовыми разновидностями М-моделей 2-х сигнификативных понятийных сфер: Человек и Общество. Семантические поля сигнификативных дескрипторов этих областей образуют соответственно антропоморфные и социоморфные М-модели (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении, с. 223–230):

Антропоморфные модели (AM): Personality/Character traits (2), (3), (4), (5); Disease/health (6).

Социоморфные модели (CM): Social relationships (1).

Моделирование историко-политического события *Нанадение Германии на СССР* с помощью метафоры выявило ряд моделей метафорической проекции событийного сюжетирования: *Russia – Mother; the Soviet Government – a purblind Person; War – a Spectacle; Britain – a Hero ; Hitler – an Animal/a Criminal; War – a Performance; Britain – a Struggling Person; the USSR – an indifferent Ally*. Историкографическая функция метафор событийного сюжета проявляется в создании М-моделями смысловых ассоциаций и образных представлений событий периода вторжения немецких войск на территорию Советского Союза и авторской оценки действий участников этих событий.

Основными участниками сюжета языковых репрезентаций является Россия/Советский Союз и правительство страны. Образ правительства СССР персонифицирован в авторской метафоре и осмысливается через отрицательные характеристики при интерпретации моделей метафорических проекций. В языковой репрезентации I (III р. 353) коммунистическое руководство страны во главе со Сталиным описывается У.Черчиллем с помощью таких антропоморфных М-моделей как *расчетливые эгоисты /selfish calculators* (7), *простакну/simpletons* (8), *недальновидные/outwitted* (16), *неумеху/bunglers* (17).

В текстовом фрагменте II (III р.368–369) при описании образа советского правительства семантика сигнификативных дескрипторов

антропоморфной М-модели *высокомерный/haughty* (3) и *недалековидный/purblind* (4) передавала авторское осуждение действий и поведения советского руководства, как до нападения, так и в момент нападения на СССР.

Мы воспринимаем авторский образ советского правительства в языковой репрезентации VI (III р.378–379) с помощью антропоморфных сигнификативных дескрипторов. У создателя метафоры правительство Советского Союза – это человек, который *заботится/care for* только о себе; со спокойствием *наблюдал/watched* крушение фронта во Франции; *оказывал помощь/given aid* нацистской Германии; не *колебался/hesitate* в требованиях к Британии в поставках военных материалов; *требовал/clamoured* высадки англичан в Европе. Отрицательное отношение к такой позиции правительства СССР находит отражение в авторском метафорическом моделировании событийной картины.

Интерпретация модели метафорической проекции *Russia – Mother* в языковой репрезентации I (III р. 353) предполагает добрые и уважительные характеристики авторского образа России. Однако модель метафорической проекции *the USSR – an indifferent Ally* текстового фрагмента VII (III р. 452) репрезентирует образ Советского Союза как *безразличного союзника* Британии. Можно предположить, что авторский образ правительства СССР в его отрицательном метафорическом осмыслении в языковых репрезентациях (III р.368–369), (III р.378–379) и образ государства в финальном текстовом фрагменте (III р. 452) событийного сюжета сливаются.

Образ Великобритании, представленный М-моделями *a Hero; a Struggling Person* отражает авторский патриотизм, его веру в свой народ и гордость за мужество соотечественников.

Модель метафорической проекции *Hitler – an Animal/a Criminal* историографически фиксирует ненависть и уверенность в осуждении и наказании Гитлера. Уверенность в человеческой и божьей каре передается средствами М-модели *Myth/Faith* в ряде событийных сюжетов историко-

политического текста.

2.2.8. Метафорическое моделирование событийного сюжета «Создание «Великого союза»»

Событийный план сюжета включает исторические факты: нападение Японии на США и создание Великого Союза (декабрь 1941 г.). 7 декабря 1941 года Япония развязала войну на Тихом океане, напав на военно-морскую базу США Пёрл-Харбор. Это событие положило конец американскому изоляционизму во II-ой мировой войне и привело к созданию антигитлеровской коалиции трех стран: СССР, Великобритании и США.

Описание исторического сюжета автором с помощью метафор связано с индивидуальной характеристикой стран-участниц события. Отметим, что исследование метафор позволяет выявить мыслительные модели, с помощью которых У.Черчилль осмысливал действия стран/правительств в отдельно взятый период войны. Интерпретация ментальных структур метафоры является попыткой воссоздать авторское концептуальное моделирование исторического периода создания антигитлеровской коалиции в декабре 1941 года.

Обратимся к характеристике языковой репрезентации I (III p. 605), где участники сюжета «Создание «Великого союза»» Британия и США персонифицированы У.Черчиллем в метафорическом описании события.

(I) « “Mr. President, what’s this about Japan?” “It’s quite true,” he replied. “They have attacked us at Pearl Harbour. We are all in the same *boat* (1. АФ) now.” I put Winant onto the *line* (2. ТН) and some interchanges took place, The Ambassador at first saying, “Good,” “Good” – and then, apparently graver, “Ah!” I got on again and said, “This certainly *simplifies* (3. ТН) things. God be with you,” or words to that effect. We then went back into the hall and tried to adjust our thoughts to the supreme world event which had occurred, which was so startling a *nature* (5. ПМ) as to

make even those who were near the *centre* (6. TH) *gasp* (7. AM). My two American friends took the shock with *admirable* (8. AM) fortitude. We had no idea that any *serious* (9. AM) losses had been inflicted on the United States Navy. They did not wail or lament that their country *was at war* (10. CM). They wasted no words in reproach or sorrow. In fact, one might almost have thought they had been delivered from a long *pain* (11. AM) » (III p. 605).

Отрывок текста включает диалог У. Черчилля с Ф. Рузвельтом в день нападения Японии на военно-морскую базу Пёрл-Харбор. Модель метафорической проекции *The Grand Alliance – a boat* выстраивается из восприятия возникшей военной ситуации. Говоря, что мы в одной лодке, Президент Америки выражает момент единения стран в борьбе против Германии. США и Англия – морские державы, и модель метафорической проекции *The Grand Alliance – a boat* предполагает восприятие сигнификативного дескриптора *the boat* (1) прежде всего в понятийном пространстве артефактной М-модели *Housekeeping*. Страны персонифицируются автором метафоры своей возможностью совместного передвижения на одном плавучем средстве. Осмысление событийной ситуации реализуется в понятийном пространстве *Travel/Movement*. Создание *The Grand Alliance* – это создание союза государств,двигающихся к одной цели – победе над фашистской Германией. М-модель реализуется в смысловом переплетении понятийных линий сигнификативного дескриптора *a boat*. Целостность восприятия метафоры предполагает природоморфную водную составляющую и социоморфную разновидность М-модели фрейма *Travel/Movement*.

При М-моделировании исторического события «Создание “Великого союза”» важно персонифицированное восприятие участников. Страны – люди, находящиеся в одной лодке, могут передвигаться в одном направлении.

Антропоморфная М-модель (11) метафорически представляет состояние государственных деятелей США до принятия решения вступления США в военные действия против Гитлера. В авторском образном описании это состояние подобно длительной *боли/pain* (11). М-моделирование ситуации представляется как «Вступление США в войну – Избавление от давно мучившей боли». Смысловые составляющие сигнификативного дескриптора *was at war* (10) социоморфной М-модели *Military action* и сигнификативного дескриптора *pain* (11) морбиальной М-модели сюжетно взаимосвязаны метафорой и создают образное восприятие историко-политического события.

Выявленные нами М-модели, связанные с описанием исторической ситуации объединения 2-х стран США и Британии в антигитлеровский союз можно отнести к 5-м сигнификативным областям: *Person, Society, Nature, Science, Artifact*. Семантические поля сигнификативных дескрипторов из этих областей образуют соответственно антропоморфные, социоморфные, природоморфные, артефактные модели и М-модели точных наук (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): *Person action/ability* (4); *Human anatomy* (7); *Feelings/Emotions/Senses* (8); *Personality/Character traits* (9); *Disease/health* (11).

Социоморфные модели (СМ): *Military action* (10).

Модели точных наук (ТН): *Mathematics/Geometry* (2), (3), (6).

Природоморфные модели (ПМ): *Nature* (5).

Артефактные модели (АФ): *Housekeeping* (1).

Текстовой фрагмент II (III р. 606–607) дополняет понимание событийной картины предыдущей языковой репрезентации (III р. 605), представляя метафорические образы участниц событийного сюжета: Великобритании, США и Японии.

(II) «No American will think it wrong of me if I proclaim that to have the United States at our *side* (1.ТН) was to me the greatest joy. I could not foretell the *course* (2. СМ) of events. I do not pretend to have *measured*

(3. TH) accurately the martial *might* (4. TH) of Japan, but now at this very moment I knew the United States was in war, up to the *neck* (5. AM) and in to the *death* (6. AM). So we had won after all! Yes, after Dunkirk; after *fall* (7. AM) of France; after the horrible episode of Oran; after the threat of invasion, when, apart from the Air (8. ПМ) and the Navy, we were an almost unarmed people; after the deadly struggle of the U-boat war – the first Battle of Atlantic, gained by *hand's-breadth* (9. AM); after seventeen months of lonely fighting and nineteen months of my responsibility in dire stress, we had won the war. England would *live* (10. AM); Britain would *live* (11. AM). The Commonwealth of Nations and the Empire would *live* (12. AM). How long the war would last or in what fashion it would end, no man could tell, nor did I at this moment care. Once again in our long *Island* (13. ПМ) history we should emerge, however *mauled* (14. AM) or *mutilated* (15. AM), safe or *victorious* (16. CM). We should not be *wiped* (17. AM) out. Our history would not *come* (18. CM) to the *end*. We might not even have to die as individuals. Hitler's fate was sealed. Mussolini's fate was sealed. As for the Japanese, they would be *ground* (19. ПМ) to powder» (III p. 606–607).

Сигнификативные дескрипторы *neck* (5), *death* (6) персонифицируют образ Соединенных Штатов и представляют его участником будущих военных баталий, готовым вкладывать в эту борьбу *все свои силы/up to the neck*. Сигнификативный дескриптор *neck* (5) антропоморфной М-модели передает ассоциацию понятия степени преданности, которая метафорически может быть представлена как, например, «до кончиков пальцев» или как в данном метафорическом контексте *до краев/до шеи*. В авторской метафорической картине события участник военных действий, США, готов бороться *на смерть/to the death* (6).

Образ Британской Империи, начиная с Англии, затем укрупняясь в образ Британии, далее в Содружество Нации представляется сигнификативным дескриптором *live* антропоморфной М-модели. Смысловое

переплетение понятийных линий сигнификативных дескрипторов (*жизнь/live, смерть/death*) в метафоре У.Черчилля предполагает соположение антропоморфной М-модели *Человек* и социоморфной М-модели *Война*. В метафорической картине У.Черчилля Великобритания – участник военных событий выйдет из войны, хотя *истерзанной/mauled* (14) и *покалеченной/mutilated* (15), но *победительницей/victorious* (16).

Авторский образ Японии в начале текстового фрагмента представлен сигнификативным дескриптором *might* (4) и читатель воспринимает ее как участника военных событий, о военно-морской мощи которого у У.Черчилля нет точной оценки. Отношение автора к захватчику отражено в природоморфной М-модели (19) в конце метафорической языковой репрезентации. Автор выражает уверенность в возмездии и что захватчик будет *перетёрт в землю* или *стёрт в порошок/ground* (19) to powder.

Историографическая ценность вербальных репрезентаций образных представлений исторического события в авторском М-моделировании событийной ситуации. Попытка интерпретации семантики М-моделей дает возможность восстановить авторские характеристики стран-участниц событийного сюжета исходя из понятийной области источника метафоризации. Фреймо-слотовые разновидности М-моделей метафоры (III р. 606–607) следующие (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): Human anatomy (5), (9); Disease/health (6), (10), (11), (12), (14), (15); Person action/ability (7), (17).

Социоморфные модели (СМ): Travel/Movement (2), (18); Victor/Hero (16).

Модели точных наук (ТН): Mathematics/Geometry (1), (3); Physics (4).

Природоморфные модели (ПМ): Air (8); Landscapes (13); Ground (19).

У.Черчиллю в текстовом фрагменте III (III р. 607) удастся метафорически описать исторический факт объединения/единения усилий трех стран Британии, СССР и США в борьбе с фашизмом.

(III) «The British Empire, the Soviet Union, and now the United States, *bound* (1. АФ) together with every *scrap* (2. АФ) of their *life* (3. АМ) and *strength* (4. ТН), were, according to my *lights* (5. ПМ), twice or even thrice the *force* (6. ТН) of their *antagonists* (7. СМ)... United we could *subdue* (8. СМ) everybody else in the world. Many *disasters* (9. ПМ), immeasurable *cost* (10. СМ) and *tribulation* (11. АМ) lay *ahead* (12. СМ), but there was no more about the *end* (13. СМ)» (III p. 607).

Модель метафорической проекции the Alliance of The British Empire, the Soviet Union, the United States – *the Union of Strong Persons* предполагает осмысление метафорических образов стран-участниц событий декабря 1941 года в антропоморфном понятийном поле. Историографическое функционирование метафоры в образном представлении событийной картины происходит в результате смыслового «переплетения» линий/полей дескрипторов социоморфной и антропоморфных М-моделей. Образы стран-участниц Великого союза: *The British Empire; the Soviet Union* и *the United States* представлены в языковой метафорической картине не в аббревиатурном варианте, а в величии смысловых значений денотативных дескрипторов социоморфной понятийной сферы *Empire; Union* и *United*. Альянс Британской *Империи*, Советского *Союза* и *Соединенных Штатов*, предполагает изначальную силу каждого участника Великого союза. В метафоре концептуализируются отношения стран подобные отношениям между людьми. У. Черчилль образно представляет альянс стран сообществом людей. Эти люди связывают свою жизнь *life* (3) тесными узлами. Словарь “Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English” под редакцией A.S. Hornby так толкует смысл лексемы «scrap» (2) – «a small piece; a small amount». Отсюда может следовать толкование, что союзники «связаны каждым моментом их жизни» в борьбе с противниками.

Объединившись, они могут *одолевать/subdue* (8) кого угодно в мире. Неразрывно связанные вместе их силы превосходили силы противников вдвое или даже втрое. Образ Антагонистов/*Antagonists* создаваемого

Великого союза/*The Grand Alliance* – образ стран *Ocu/Axis*, а именно, существующий союз Germany, Italy и Japan.

Присутствие в языковой метафоре сигнификативных дескрипторов *ahead* (12); *the end* (13) понятийно предполагает наличие социоморфной М-модели Travel/Movement. На дорогах к победе путников ожидают бедствия/*disasters* (9), неизмеримые *notepu/immeasurable cost* (10) и страдания/*tribulation* (11). Созданный метафорический событийный сюжет вселяет уверенность в том, что в конце этих опасных дорог войны, стран – участниц Великого союза ждет победа над их противниками.

Мы интерпретировали ментальные метафорические структуры с целью воссоздания авторского концептуального моделирования исторического периода *Создание «Великого союза»* в анализе семантики следующих фреймо-слотовых разновидностей М-моделей (полная выборка единиц анализа представлена в Приложении):

Антропоморфные модели (АМ): Disease/health (3); Feelings/Emotions/Senses (11).

Социоморфные модели (СМ): Society (7); Military actions (8); Economy (10); Travel/ Movement (12), (13).

Модели точных наук (ТН): Physics (4), (6).

Природоморфные модели (ПМ): Light (5).

Артефактные модели (АФ): Housekeeping (1), (2).

“Encyclopedia Britannica” дает информацию об атаке японцев на Пёрл-Харбор и последующее вступление США во Вторую мировую войну, в союзе с Великобританией и Советским Союзом:

<http://www.britannica.com/EBchecked/topic/448010/Pearl-Harbor-attack/448010suppinfo/Supplemental-Information>)

Практически единогласное объявление Конгрессом США войны Японии положило конец американскому изоляционизму во Второй мировой войне и привело к созданию Великого союза антигитлеровских сил, невзирая на противоречия между западными союзниками и СССР, которые кратко

сформулировала “Encyclopedia Britannica”:

<http://www.britannica.com/EBchecked/topic/648813/World-War-II/53581/The-western-Allies-and-Stalin-Cairo-and-Tehran-1943>)

Исторические факты подтверждают, что различие политических систем государств не явилось препятствием для создания антигитлеровской коалиции.

Моделирование историко-политического события *Создание «Великого союза»* авторской метафорой воссоздает не только ментальное представление У.Черчилля об участниках события, но и позволяет в моделях метафорической проекции *The Grand Alliance – a boat; the Alliance of The British Empire, the Soviet Union, the United States – the Union of Strong Persons* усмотреть выражения оптимизма и уверенности в победе стран-союзниц над фашизмом. В метафорах событийного сюжета *«Создание “Великого союза”»* концептуализируются отношения между государствами подобно отношениям между людьми, которые объединяют свои усилия в борьбе против общего врага. Сигнификативные дескрипторы М-моделей *Travel/Movement* выстраивают сюжет продвижения в «одной лодке», в одном союзе через тяготы войны к общей победе.

Историографический потенциал метафоры проявился в образном представлении участников историко-политического события и в обозначении авторского оптимизма в победном исходе Второй мировой войны в период *создания «Великого союза»*.

2.3. Обобщение результатов М-моделирования историко-политических событийных сюжетов в мемуарах У.Черчилля

Отметим, что корпус М-моделей авторских метафор сформирован по принципу ориентации на сферу-источник использованных У. Черчиллем метафор. Обобщение полученных результатов путем статистической обработки нашло отражение в содержании таблиц и диаграмм.

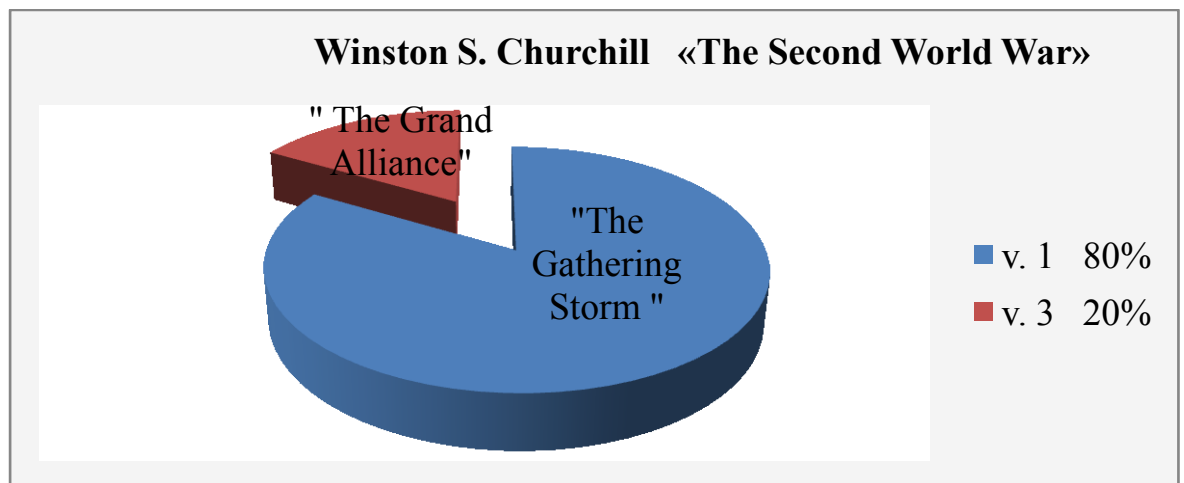
Таблица 1

Название	Период времени	Кол-во страниц	Количество М-моделей
The Gathering Storm (v.1)	1919-39	763	1603
The Grand Alliance (v. 3)	1941	852	409
Total		1615	2012

М-модели в мемуарах «The Second World War»

Высокая частотность употребления метафор характерна для текста «Gathering Storm» (v.1). Диаграмма 1 иллюстрирует частотность М-моделей в текстах У. Черчилля.

Диаграмма 1

Частотность М-моделей в мемуарах «The Second World War»

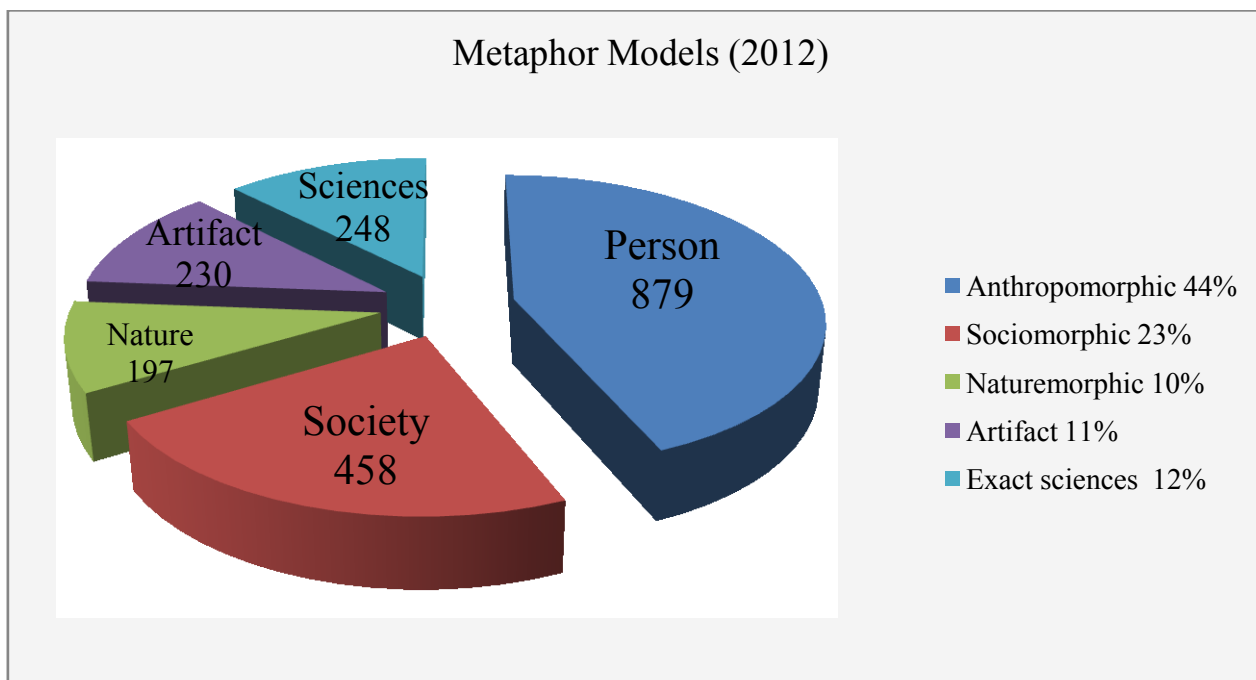
По данным диаграммы 1, частотность М-моделей в тексте «The Gathering Storm» (v. 1) достигает 80%. Текст назван «The Gathering Storm» и в этом названии метафорически обозначается факт приближения новой мировой войны. Том (v.1) отражает события в мире между I-ой и II-ой мировыми войнами: послевоенная Европа двадцатых и тридцатых годов двадцатого века, зарождение фашизма и гражданская война в Испании, аншлюс Австрии, Мюнхенский сговор и надвигающаяся Вторая мировая

война, падение Польши и Норвегии. «The Gathering Storm» (v. 1) отличается присутствием образных рассуждений автора об этих событиях.

События одного 1941 г., отраженные в тексте «The Grand Alliance» (v. 3), эксплицированы в 20% М-моделей. Автор описывает балканские операции фашистских войск, битву за Атлантику, нападение фашистской Германии на Советский Союз, нападение японцев на Пёрл Харбор, вступление в войну США и создание антигитлеровской коалиции. В названии «The Grand Alliance» метафорически подчеркнута значимость единения великих государств – стран антигитлеровской коалиции Великобритании, Советского Союза и США (в хронологическом порядке объявления ими войны Германии). В историко-политическом тексте «The Grand Alliance» (v. 3) содержится большое количество военных сводок и документов, поэтому образности отводится второстепенная роль.

Таблица 2 (см. приложение) демонстрирует количественные показатели встречаемости М-моделей, подразделенных на 5 видов по сигнификативной области: *Person, Society, Nature, Artifact u Science*. Семантические поля концептов из этих областей образуют соответственно *антропоморфные/Anthropomorphic, социоморфные/Sociomorphic, природоморфные/Naturemorphic, артефактные/Artifact М-модели и М-модели точных наук/Exact sciences metaphor models*. Общее количество антропоморфных и социоморфных М-моделей составляет 1337 М-моделей (879 и 458). Это – самые частотные М-модели, далее идут М-модели точных наук (248), затем – артефактные (230), и, наконец, природоморфные (197).

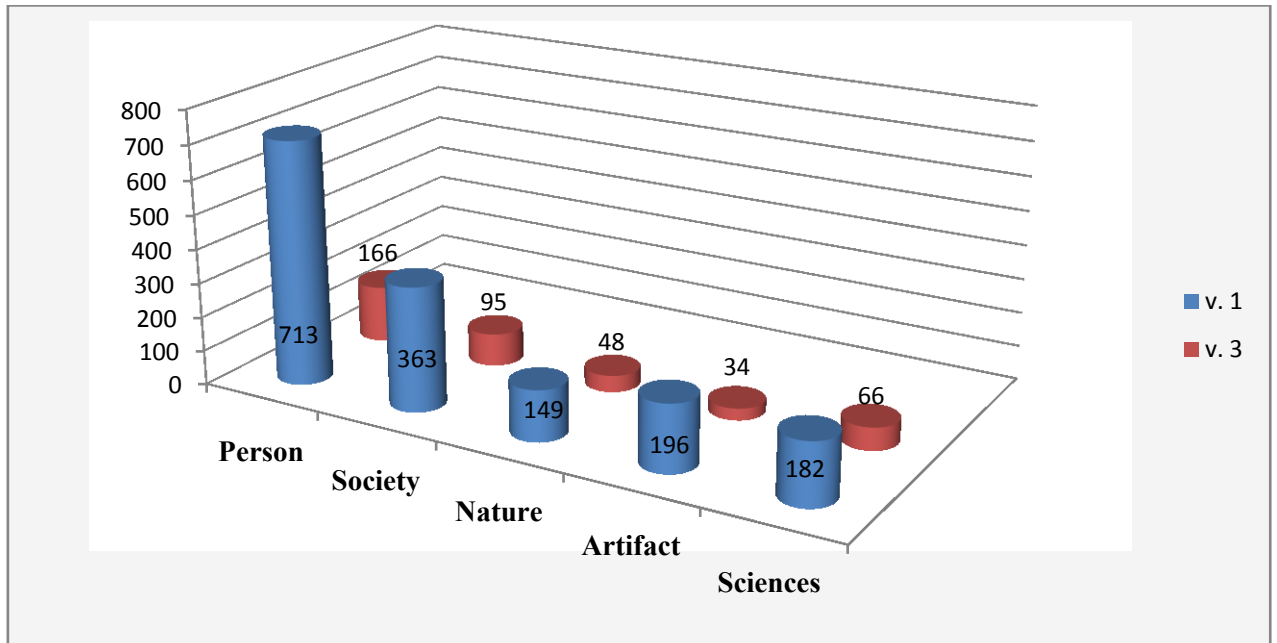
Диаграмма 2 представляет картину распределения всех выявленных 2012 М-моделей по 5 обозначенным сигнификативным областям.

Распределение М-моделей в мемуарах «The Second World War»

По данным диаграммы 2, антропоморфные М-модели составляет 44% от общего количества употребления М-моделей в текстах У. Черчилля «The Second World War». Социоморфные М-модели составляют 23%, соответственно, М-модели точных наук – 12%, артефактные – 11% и природоморфные – 10%.

Наиболее репрезентированными, по данным диаграммы, в мемуарах У. Черчилля «The Second World War» являются антропоморфные и социоморфные М-модели. Они в совокупности составляют 67% от общего количества выделенных нами по области-источнику М-моделей. Три остальных вида М-моделей с областями-источниками *Nature*, *Exact sciences* и *Artifact* близки по процентным показателям. Причем, отдельно взятый показатель каждой из этих последних трех М-моделей минимум вдвое меньше соответствующего показателя у социоморфной М-модели, а количество антропоморфных М-моделей превышает каждый показатель почти четырехкратно.

Распределение М-моделей в текстах «Gathering Storm» (v.1) и «The Grand Alliance» (v. 3).

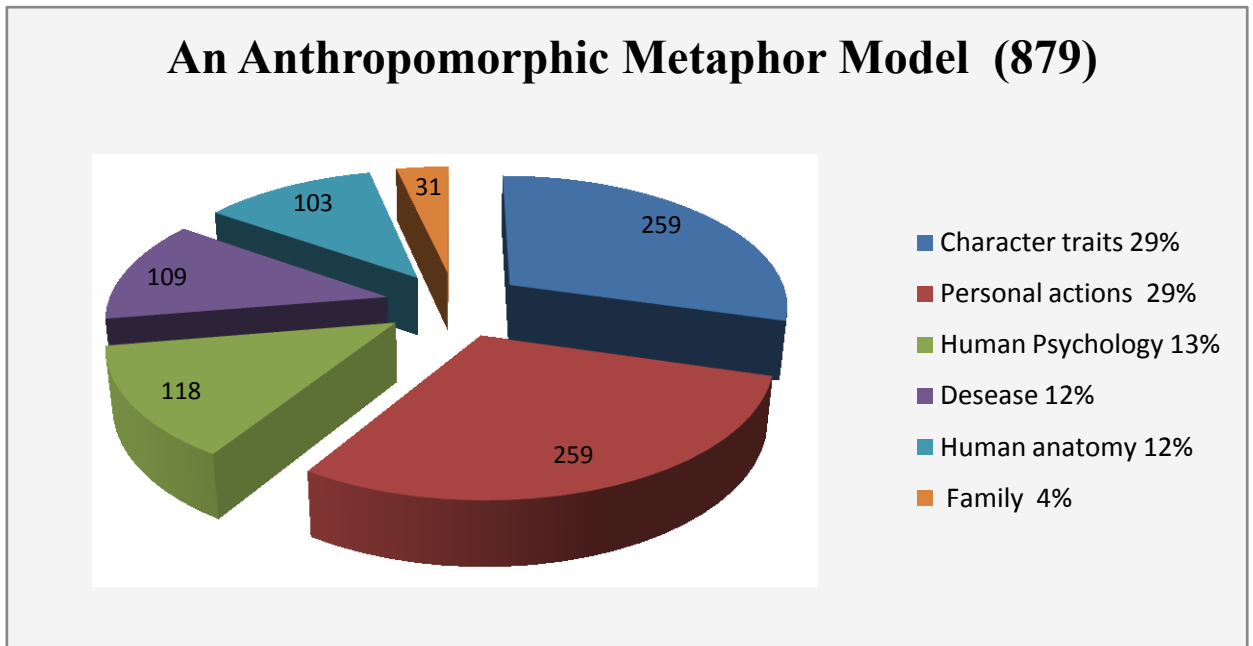
В диаграмму 3 «заложено» две шкалы показателей, которые иллюстрируют количественные данные пяти разновидностей М-моделей в разбивке по двум томам. Первый ряд представляет распределение М-моделей в тексте «Gathering Storm» (v.1), второй ряд иллюстрирует «The Grand Alliance» (v. 3). Показатели частотности М-моделей по первому тому (v.1) превосходят почти вдвое все показатели третьего тома (v. 3). Напомним, «The Gathering Storm» описывает череду событий длительностью в 20 лет (1919-1939 гг.), «The Grand Alliance» – события одного 1941 года. Причем, количество страниц текста в первом томе меньше чем в третьем (763/852).

Количественный анализ антропоморфной и социоморфной М-моделей указывает на доминантность М-моделей. Классическая антропоморфная М-модель *The Nation/State – A Person*, а также вариации социоморфной М-моделей *The Nation/State – A Criminal/Friend/Enemy/Victim* доминируют в мемуарах «The Second World War». Обратимся к количественным показателям анализа этих М-моделей.

В исследовании антропоморфная модель метафоры в мемуарах «The

Second World War» представлена следующими фреймами (см. диагр. 4).

Диаграмма 4

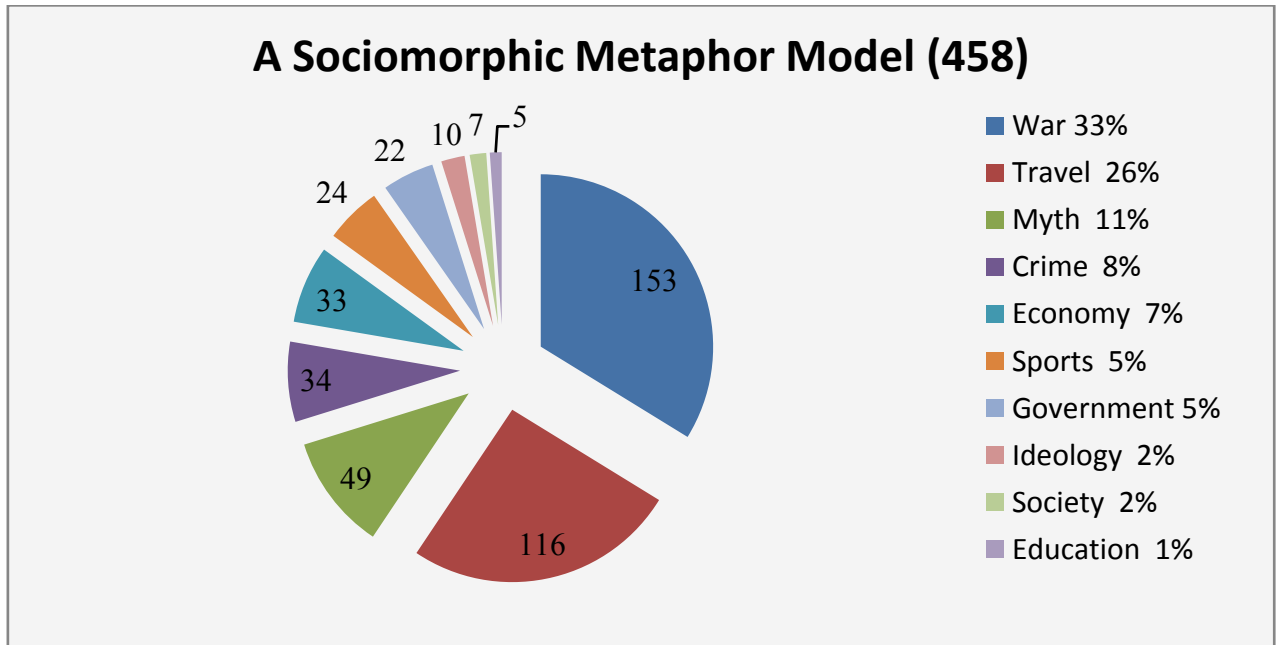

Распределение фреймов антропоморфной М-модели в “The Second World War”

Результаты статистического анализа фреймовой системы антропоморфной М-модели свидетельствуют о том, что в текстах У. Черчилля в целом наиболее активными являются сферы фреймов *Character traits* и *Person action/inaction* (29%). Показатель частотности этих фрейма идентичен (29%). Менее репрезентативными фреймами антропоморфной системы М-моделей являются *Disease/Health* (12%); *Human Psychology* (13%) и *Human anatomy* (12%). Фреймы *Disease/ Health* и *Human anatomy* имеют одинаковый % показатель. Самой немногочисленной в текстах У. Черчилля в целом является антропоморфная М-модель фрейма *Family* (4%).

Система социоморфной М-модели в мемуарах У.Черчилля представлена в диаграмме 10-ю фреймами (см. диагр. 5).

Распределение фреймов социоморфной М-модели в мемуарах У. Черчилля “The Second World War”

По данным диаграммы 5, социоморфная М-модель вариативна. По показателю вариативности она отличается от системы антропоморфной М-модели. Система антропоморфной М-модели в мемуарах У. Черчилля в целом представлена 6-ю вариантами фреймами (диагр.4), а социоморфная М-модель – 10-ю (диагр. 5).

Статистический анализ фреймового распределения социоморфной М-модели демонстрирует высокий % показатель частотности фрейма *War* (33 %). Наименьшее количество социоморфных М-моделей представляет фрейм *Society* (2%). Диаграмма демонстрирует убывание частотности социоморфных М-моделей (справа налево – против часовой стрелки). Значительное преобладание М-моделей фрейма *War* при описании историко-политических событий обусловлено военным временем этих событий. Количество слотов фрейма *War* (7) подтверждает вариативность социоморфной М-модели и на уровне слота (см. табл. 4 приложения). Достаточно высокий количественный показатель фрейма *Travel* (26%) обусловлен динамичным характером историко-политических событий. Диаграмма демонстрирует постепенное убывание частотности М-моделей 7

фреймов (*Myth* – 11%; *Crime* – 8%; *Economy* – 7 %; *Sports* – 5%; *Government* – 5%; *Ideology* – 2 %; *Education* – 1%).

Таким образом, представленный количественный анализ моделирования историко-политического события в текстах У.Черчилля «*The Second World War*» свидетельствует об очевидной доминантности антропоморфной М-модели в метафорическом описании II-ой мировой войны. Высокий показатель частотности социоморфной М-модели подтверждает социальную значимость метафорического осмысления событий военного конфликта. Высокая частотность М-моделей текста «*The Gathering Storm*» (v. 1) объясняется присутствием большого количества образных рассуждений автора об историко-политических событиях, ведущих ко II-ой мировой войне.

В тексте «*The Grand Alliance*» (v. 3) большое количество военных сводок и документов снижает количество М-моделей при описании военных событий 1941 г.

В результате, сюжетирование военной исторической действительности обоих томов мемуаров У.Черчилля «*The Second World War*» представлено 8 событийными сюжетами. Количественный анализ М-моделирования историко-политических событий нашел отражение в восьми диаграммах. Каждая диаграмма демонстрирует распределение 5-ти М-моделей в репрезентации отдельно взятого историко-политического события.

Следующая диаграмма подтверждает доминантность персонифицированной М-модели, где М-модель *Person* составляет 50% из общего количества (206 М-моделей) в образном метафорическом представлении события в сюжете «*Поражение Германии в Первой мировой войне*» (см. диагр. 6).

М-моделирование позволило выявить следующие М-модели, представляющие субъектов событийного сюжета «Поражения Германии в Первой мировой войне»:

Germany – *A Person/A Conqueror/A Debtor/A Criminal*;

Russia – *a Diseased Person*;

the United States – *A Person/a Lender*;

France – *A Warrior/A Frightened Person*;

England and France – *Conquerors*.

Исходя из интерпретации М-моделирования данного сюжета возможны следующие варианты толкований персонифицированных М-моделей при построении наивной метафорической событийной картины *Поражения Германии в Первой мировой войне*:

- Германия – человек, который был завоевателем, не вернул одолженные ему деньги, преступник;
- Россия – больной человек;
- Соединенные Штаты – персона, которая ссужала деньги;
- Франция – воин, запуганный человек;
- Англия и Франция – завоеватели.

Поражение Германии в I-ой мировой войне метафорически представляется поражением человека, который был изначально завоевателем, затем США поддержала эту персону деньгами. Россия вышла из военных действий, будучи больной. Англия и Франция – победители и завоеватели, при этом Франция запугана Германией.

Система 362 М-моделей У. Черчилля в событийном сюжете «Зарождение фашизма» представлена в диаграмме с указанием показателя частотности каждой из пяти понятийных областей источников метафоризации (см. диагр. 7).

Диаграмма 7

М-моделирование в событийном сюжете «Зарождение фашизма» выявило доминантность персонифицированных моделей (46%):

British Government – *an Inert Person*;

Europe – *a Diseased Person*;

the League of Nations – *a Person* without support, activity, strength;

Hitler – *a Priest*.

Интерпретации М-моделирования данного сюжета предполагает следующие варианты толкования персонифицированных М-моделей в

дальнейшем построении авторской наивной метафорической картины исторической действительности:

- Британское правительство – персона бездеятельная, инертная;
- Европа – больной человек;
- Лига Наций – пассивный, слабый человек, лишенный какой-либо поддержки;
- Гитлер – жрец и духовный покровитель.

Появление Гитлера как жреца и духовного вдохновителя фашизма явилось следствием инертности Британского правительства, бездеятельности Лиги Наций, лишенной поддержки и болезненности Европы.

Диаграмма 8 представляет картину распределения 577 М-моделей по 5 обозначенным сигнификативным областям в сюжете «*Возникновение "Оси Рим – Берлин"*».

Диаграмма 8

М-моделирование в сюжете «*Возникновение "Оси Рим – Берлин"*» представлено комплексами:

The Germany - Italy Union – *The Berlin - Rome Axis*;

Britain/France/the USA – *irresolute Germany opponents*.

France – *an Inert and Paralyzed Person*;

the League of Nations – *a Disheartened and Weakened Person* .

- Союз Германии и Италии – Ось, которая связала Берлин и Рим;
- Британия, Франция и США – нерешительные оппоненты Германии;
- Франция – парализованный, инертный человек;
- Лига Наций – слабый человек, который упал духом.

Вариации 2-х метафорических проекции событийного сюжета «Возникновение “Оси Рим – Берлин”», дополняют восприятие денотативной области в М-моделировании первых двух сюжетов:

the League of Nations – *a Disheartened and Weakened Person* (в сюжете «Зарождение фашизма»: the League of Nations – *a Person without support, activity, strength*)

France – *an Inert and Paralyzed Person* (в сюжете «Поражение Германии в I-ой мировой войне»: France – *A Warrior/A Frightened Person*)

Интерпретация М-модели из понятийной области *Science* The Germany-Italy Union – The Berlin-Rome *Axis* вносит в построении наивной метафорической картины исторической событийной действительности смысловую составляющую соединения сил противника.

Нерешительность в поведении Британии, США и Франции, которая была парализована и инертна, а также слабость Лиги Наций, которая совершенно упала духом, привели к возможности объединения сил Германии и Италии.

Следующая диаграмма подтверждает доминантность персонифицированной М-модели, где М-модель *Person* составила 42% из общего количества (266 М-моделей), а М-модель *Society* представлена 24% присутствием в образном метафорическом представлении сюжета «Падение Чехословакии» (см. диагр. 9).

М-моделирование в сюжете «*Падение Чехословакии*» позволило выявить следующие метафорические проекции, представляющие субъектов в событийном сюжете:

the British and French Cabinets – *Overripped Melons*,

the Czechs – *The Babes in the Wood*;

the Germans – *Vultures*;

the Czechoslovak State – *a Carcass*;

the Hungarians – *an Eater*,

Czechoslovakia – *a Piece of Meal*;

Czechoslovakia – *a Dead Person*.

Интерпретации М-моделирования данного сюжета предполагает варианты толкования М-моделей в дальнейшем построении наивной метафорической картины историко-политического события:

- Британский и французский кабинеты – перезрелые дыни;
- Чехи – младенцы в лесу;
- Немцы – стервятники;
- Чешское государство – туша мяса;
- Венгры – участники трапезы;
- Чехословакия – еда;

- Чехословакия – мертвец.

Чехи и Чехословакия как предмет поедания в лесу, на поле брани или на трапезе. Немцы как стервятники, питающиеся мертвечиной. Чехословакия – мертва и правительства Британии и Франции лишь перезрелые дыни, которые могут быть тоже предметом изображения мертвой природы.

Диаграмма 10 представляет картину распределения 192 М-моделей по 5 обозначенным сигнификативным областям в сюжете «Захват Польши».

Диаграмма 10

М-моделирование в данном сюжета предполагает такие варианты толкования М-моделей в дальнейшем построении наивной картины историко-политического события:

German/Polish Armies – *Moving Person*;

Blitzkrieg actions – *Human actions*;

Poland – *a Rock*.

- Армии Германии и Польши – персоны в движении;
- Военные операции Германии – действия человека;
- Польша – утес.

Захват Польши армией Германии происходит подобно продвижению человека. Однако, Польша – утес, который сложно покорить.

Система 87 М-моделей У. Черчилля в событийном сюжете «*Восстание в Югославии*» представлена в диаграмме с указанием показателя частотности каждой из пяти понятийных областей источников метафоризации (см. диагр. 11).

Диаграмма 11

М-моделирование в сюжете «*Восстание в Югославии*» представлено метафорическими проекциями:

a German War Operation – a Disaster;

an Animal – a Person ,

которые при построении наивной метафорической картины события интерпретируются исходя из того, что:

- Военная операция Германии – бедствие;
- Животное – человек.

Подавление восстания в Югославии – бедствие для всего живого, его было невозможно пережить людям.

Диаграмма, расположенная ниже, подтверждает доминантность персонифицированной М-модели, где М-модель *Person* составила 45% из общего количества (243 М-моделей), а М-модель *Society* представлена 22%

присутствием в образном метафорическом представлении сюжета «Нападение Германии на СССР» (см. диагр. 12).

Диаграмма 12

М-моделирование событийного сюжета выявило ряд моделей метафорической проекции:

Russia – *Mother/an indifferent Ally*;
 the Soviet Government – *a purblind Person*;
 War – *a Spectacle/a Performance*;
 Britain – *a Hero/a Struggling Person*;
 Hitler – *an Animal/a Criminal*.

Интерпретации М-моделирования события данного сюжета предполагает варианты толкования М-моделей в построении наивной метафорической картины историко-политического события *Нападения Германии на СССР в 1941 г.:*

- Россия – матушка и индифферентный союзник;
- Советское правительство – близорукая персона;
- Война – представление, спектакль;
- Британия – воюющий человек, герой;
- Гитлер – животное, преступник.

В следующей сцене военного представления, Гитлер – преступник, воюющий с Британией, которая геройски, в одиночку, противостоит этому животному, нападающему на ранее индифферентного союзника Британии Россию. Россия – матушка большого семейства, во главе сидит близорукое руководство, которое просмотрело смертельную угрозу преступника.

Диаграмма 13 подтверждает доминантность персонифицированной М-модели, где М-модель *Person* составила 38% из общего количества (79 М-моделей) в образном метафорическом представлении сюжета «Создание “Великого союза”» (см. диагр. 13).

Диаграмма 13

М-моделирование событийного сюжета «Создание “Великого союза”» воссоздает ментальное представление У.Черчилля об участниках события и позволяет в моделях метафорической проекции *The Grand Alliance – a boat*; *the Alliance of The British Empire, the Soviet Union, the United States – the Union of Strong Persons* усмотреть наивную метафорическую картину исторической действительности, где:

- Великий Союз – лодка;

- Альянс Британской империи, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки – Союз сильных личностей.

Интерпретация смыслового «переплетения» М-моделей выстраивает динамичную метафорическую картину: три персоны в лодке, это союз сильных государств, все они объединились и двигаются к общей цели – победе над их общим врагом, враждебным союзом Германии, Италии и Японии.

Историографическая функция метафоры позволила автору текста изначально моделировать событийную действительности в вербальных репрезентациях образных представлений исторических событий, а затем читателю опознавать ментальные связи, закрепленные в авторских М-моделях и, в итоге, обуславливает интерпретацию индивидуального М-моделирования и построение наивной метафорической картины исторического события.

Выводы к главе 2

1. Комплексная методика, нацеленная на М-моделирование события, осуществлялась с помощью описания событийного плана, языковой репрезентации и системы М-моделей, а также на основе интерпретации метафоры, использованной У. Черчиллем в историко-политическом тексте «The Second World War».
2. Анализ содержания хронологии историко-политических событий на материале текстов «The Gathering Storm» и «The Grand Alliance» позволил выстроить последовательность из 8 событийных сюжетов: «Поражение Германии в Первой мировой войне»; «Зарождение фашизма»; «Возникновение “Оси Рим – Берлин”»; «Падение Чехословакии»; «Захват Польши»; «Восстание в Югославии»; «Нападение Германии на СССР»; «Создание “Великого союза”».
3. М-моделирование историко-политических событий на материале текстов У.Черчилля «The Second World War» осуществлено по 5 сигнификативным областям и нашло отражение в системе М-моделей: *антропоморфной/Anthropomorphic*, *социоморфной/Sociomorphic*, *природоморфной/Naturemorphic*, *артефактной/Artifact*, *М-модели точных наук/Exact sciences*.
4. Метафорические модели, входя в структуру авторских метафор имеют разный статус: главных и второстепенных моделей. Главными, т.е. доминантными, моделирующими события I-ой и II-ой мировых войн, оказались следующие М-модели: *антропоморфные*, представленные видами *The Nation/State – A Person* и *социоморфные*, представленные видами *The Nation/State – A Criminal/Friend/Enemy/Victim*. Данные модели образно репрезентируют историко-политические событийные сюжеты. Второстепенные М-модели рассматриваются нами в качестве вспомогательного средства, способствующего нормальному функционированию доминантных М-моделей У. Черчилля в его мемуарах.

5. Историографическая направленность анализа доминантных М-моделей позволяет выявить как историческую корректность, так и авторскую индивидуальность метафорического осмысления военно-политических событий мемуарных текстов «The Second World War».
6. Количественный анализ сформированного банка данных подтвердил выявленную комплексной методикой М-моделирования преобладание антропоморфной М-модели при описании 8 событийных сюжетов. Данная модель позволяет ощутить как субъективность историографического описания, так и восприятие исторического события с *человеком* в центре его. Высокий показатель частотности социоморфной М-модели отражает авторское понимание социальной значимости происходящего при метафорическом осмыслении событий военного конфликта.

Заключение

В исследовании был проведен анализ языковых репрезентаций метафорических моделей, соответствующих содержанию конкретных историко-политических событий, описанных в мемуарах У.Черчилля. В этом плане, в нем решалась одна из главных проблем современного языкознания: соотношение языка, мышления и конкретного события, воспринимаемого личностью.

Моделированию авторской метафорической картины события предшествовал этап формирования теоретических основ, с позиций которых проводился дальнейший анализ практического материала. Главными теоретическими положениями, оказавшими большое методологическое значение для нашего исследования, являются следующие суждения. Основным теоретическим постулатом в работе является положение о динамике и вариативности языка, находящих выражение в метафорах как носителей семантической модификации языковых единиц. Этим определяется задача исследования, связанная с изучением форм и границ варьирования метафорического смысла. Метафора объединяет сферы языка, мышления и объекта действительности и выступает средством описания, оценки и понимания объекта реальной действительности. В метафоре раскрывается креативный потенциал личности, выражающийся в богатстве использованных сфер-источников. Метафора – это процесс, свойственный человеческому мышлению и носящий скрытый характер. Поэтому изучение природы метафоры предполагает моделирование процесса метафоризации при помощи изучения способов его репрезентации в тексте. Формы репрезентации метафоризации послужили объективными единицами анализа.

С этих теоретических позиций в исследовании проведен анализ трех компонентов процесса моделирования в языке: языковых репрезентаций метафорических выражений, ментальных моделей, «языковленных» в тексте, и прагматических установок, влияющих на характер воспроизведения историко-политического события в тексте.

Средством изучения особенностей репрезентации послужили выявленные нами М-модели, соответствующие авторскому видению и способу отражения результатов познания реальной действительности в создаваемом автором тексте. Принципы моделирования основаны на теории когнитивного моделирования, разработанной в трудах [Баранов 2001, 2004; Будаев 2006; Будаев, Чудинов 2006, 2008, 2012; Иванова 2007; Караулов 1989; Налимов 1979; Плотникова 2009; Телия 1987, 1988, 1991; Чудинов 2000, 2013; Charteris-Black 2005; Fauconnier, Turner 1991, 1998; Fillmore 1992; Lakoff, Johnson 1980; Miller 1993 и др.], а также на основных параметрах методики составления словаря тезаурусного типа в работах А.Н.Баранова и Ю.Н. Караулова (1991, 1994). Данные принципы способствовали выявлению специфических сфер-источников, свойственных мышлению отдельной личности. Кроме того, с помощью этих принципов был изучен потенциал метафоры в описании конкретного историко-политического события. Таким образом, разработанная нами комплексная методика метафорического моделирования позволила исследовать метафору как компонент мыслительной деятельности индивида, находящей отражение в содержании создаваемых им текстов.

Методика моделирования предусматривает построение и последующий анализ фреймо-слотовых структур, являющихся совокупностью концептуальных признаков, соответствующих индивидуальному представлению автора о характере историко-политических событий. Анализ М-моделирования включил исследование пяти сигнификативных сфер, лежащих в основе главных метафорических моделей: антропоморфной, социоморфной, природоморфной, артефактной и метафорической модели точных наук.

Исследование характера М-моделирования позволило нам выявить динамику развития метафорических образов, создаваемых автором при описании историко-политических событий. В ходе анализа практического материала мы получили данные о том, что М-модели имеют разный статус,

т.е. определенные виды М-моделей являются доминирующими при восприятии реальных исторических событий, другие играют второстепенные роли. К числу доминирующих моделей мы отнесли антропоморфные и социоморфные виды М-моделей.

Основываясь на этих результатах, можно дать общую характеристику метафорического способа описания конкретного историко-политического события. Поскольку в описании доминируют антропоморфные М-модели, то это свидетельствует в пользу того, что автор приближает события мировой войны к самому человеку и объясняет прагматику события человеческим фактором.

В ходе исследования нам удалось дополнить представление о метафорическом моделировании как об индивидуальном процессе. Как показали результаты проведенного анализа, индивидуальным метафорическим моделям свойственно разнообразие, выражающееся в разновидности структур и их типологии.

Наложение метафорической модели на хронологию реальных исторических событий дало нам основание сделать заключение об авторской корректности метафорического описания реального события в аспекте полного совпадения сюжетных линий, последовательности событий и предварительных оценок. В этом плане мы показали изоморфизм двух картин, изображающих реальные историко-политические события.

Представленное исследование позволит углубить знание о метафорических процессах и возможности его моделирования с позиций сформированных нами принципов. В нашем исследовании был изучен только один тип историко-политического текста – мемуары. В дальнейшем можно применять разработанную методику в исследовании текстов иного типа и жанра, повествующих о реальных событиях. Это позволит раскрыть новые возможности метода М-моделирования, а также обнаружить новые сферы образного отождествления при описании реальных событий.

Библиография

1. Алексеева Л.М. Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте: автореферат дис. ... д-ра филолог. наук: 10.02.20/Л.М.Алексеева. – Москва: 1999. – 33 с.
2. Алексеева Л.М. О метафорической природе термина//Вестник Пермского университета. Лингвистика. – Пермь, 1996. – Вып.2. – С.49–56.
3. Алексеева Л.М. Метафорическая терминологизация и текстопорождение//Терминоведение. – 1997. – №№1-3. – С.109–115.
4. Алексеева Л.М. Термин и метафора/Перм. гос. ун-т. Пермь, 1998. – 250 с.
5. Алексеева Л.М. Метафоры, которые мы выбираем (опыт описания индивидуальной концептосферы)//С любовью к языку. – Воронеж, 2002. – С. 288–298.
6. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа/Перм. гос. ун-т. Пермь, 2002. – 200 с.
7. Алексеева Л.М., Ивинских Н.П., Мишланова С.Л., Полякова С.В. Метафора в дискурсе: уч. пособие под ред. Алексеевой Л.М. Пермский гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. – 240 с.
8. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры/пер. с англ. М.Кукарцева, Е.Коломенец, В.Кашаева – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
9. Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. Перевод с англ. О.Гавришиной, А. А.Олейникова. Под научн. ред. Л. Б.Макеевой. – М.; Идея-Пресс, 2003, – 360 с.
10. Апресян В.Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций//Вопросы языкознания. 1993. № 3. – С. 27–35.
11. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания//Вопросы языкознания. 1995. № 1.
12. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография/Отв. ред. Ю.Д.Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.

13. Аристотель Поэтика. Риторика. – СПб.: Азбука, 2000. – 349 с.
14. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры//Изв. АН СССР. – М., 1978. – Т.37. – №4. – С.333–343.
15. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (Синтаксис и лексика)//Лингвистика и поэтика: Сб. научн. ст. – М., 1979. – С.143–173.
16. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира»)// Вопросы языкознания. 1987. – № 3. – С. 3–19.
17. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений (Оценка. Событие. Факт)/Отв. ред. Г.В.Степанов. М.: Наука, 1988. – 341 с.
18. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс//Теория метафоры: Сб. статей/Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
19. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. - М.: Языки русской культуры, 1999. – XV, – 896 с.
20. Арутюнова Н.Д. Метафора//Языкознание. Большой энциклопедический словарь/ Гл. ред. В.Н.Ярцева. 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 296–297.
21. Аскольдов С.А. Концепт и слово//Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология/Под ред. В.П.Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
22. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов: Около 7000 терминов. 2-е изд., стереотип. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
23. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: Екатеринбург: Издательство Урал. ун-та, 2000. – 534 с.
24. Бабенко Л.Г. Современный русский язык: языковая картина мира и идеографическая лексикография/Л.Г.Бабенко//Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (108). – С. 301–307.

25. Багичева Н. В. Россия – мать или мачеха? (метафорическое моделирование образа Родины)//Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2000. Т. 5.
26. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. – М. Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
27. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей//Вопросы языкознания. 2003. № 2. – С. 73–94.
28. Баранов А.Н. Предисловие редактора//Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС, 2004. – 256 с.
29. Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики// Известия АН. Сер. литературы и языка. 2004. Т. 63. № 1. – С. 33–43.
30. Баранов А.Н., Михайлова О.В., Шипова Е.А. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафорики (“взаимоотношение бизнеса и власти”, “коррупция”) М.: Фонд ИНДЕМ, 2006. – 86 с.
31. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики// Известия АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 1. – С. 11–21.
32. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991. – 184 с.
33. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994. – 330 с.
34. Барышников П.Н. Миф и метафора: опыт межпарадигмального анализа. Автореф. дис.... канд. филос. наук. – Москва, 2008. – 25 с.
35. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности//Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 1979. – 423 с.
36. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 541 с.
37. Бахтин М.М. Человек в мире слова. – М.: Изд-во РОУ, 1995. – 140 с.

38. Белоусов К.И., Зелянская Н.Л. Образ мира политика (по данным частотности анализа лексики)//Политическая лингвистика. 2012. №2. – С. 60–65.
39. Бёдекер Х.Э. История понятий, история дискурса, история менталитета/Сборник статей под редакцией Ханса Эрика Бёдекера. Перевод с немецкого. – М., Новое литературное обозрение, 2010, – 328 с.
40. Биbihин В.В. Слово и событие. Писатель и литература. Москва: Русский Фонд Содействие Образованию и Науке, 2010. – 416 с.
41. Блэк М. Метафора//Теория метафоры. – М.: Прогресс,1990. – С. 153–172.
42. Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и языковые значения//Филология и культура: Материалы Международной научной конференции (Тамбов, 12-14 мая 1999 г.). Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 62–69.
43. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – 123 с.
44. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики//Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. – № 1. – С. 18–36.
45. Брутян Г.А. Язык и картина мира//Философские науки. 1973. – № 1. – С. 108–111.
46. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Екатеринбург, 2010. – 32 с.
47. Будаев Э.В. Основы когнитивно-дискурсивного анализа политической метафоры: монография/Э.В.Будаев. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. – 330 с.
48. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. – Екатеринбург: Изд-во Урал.гос.пед.ун-т., 2006. – 213 с.
49. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная теория концептуальной метафоры: американский и европейский варианты//Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. – № 2. – С. 10–22.
50. Будаев Э.В., Чудинов А.П.Зарубежная политическая лингвистика: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 352 с.

51. Васильева Л.А. Лингвокультурный типаж «Британский премьер-министр» (на материале современного английского языка): Автореф. дис.... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2010. – 19 с.
52. Вежбицкая А. Сравнение градация - метафора//Теория метафоры/Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 133–152.
53. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков: Пер. с англ. яз. А.Д. Шмелёва. – М.: Языки русской культуры, 1999. – XII, – 780 с.
54. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание/Отв. ред. М.А.Кронгауз. – М.: Русские словари. – 1996. – 416 с.
55. Венедиктова Л.Н. Концептуализация как реализация концепта в языковой картине мира//Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы II Межд. Научн. конф. – Челябинск, 2003. – С. 138–141.
56. Вжосек В. Историография как игра метафор: судьбы новой исторической науки//Одиссей: Человек в истории/АН СССР. Институт всеобщей истории. М.: Наука, 1991. – С. 60–74.
57. Воркачѳв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании//Филологические науки. 2001. – № 1. – С. 64–72.
58. Гаврилина И.С. Моделирование и когнитивные основания термосистемы профилактической токсикологии в современном английском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 1998. – 24 с.
59. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое//Метафора в языке и тексте: Сб. научн. ст. – М., 1988. – С. 11–25.
60. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
61. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. яз./Общ. ред. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 2001. – 400 с.
62. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ: Перевод с англ. яз./Сост. В.В.Петров. М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

63. Дейнан Э. Метафоры: Справочник по английскому языку/Эллис Дейнан; Пер. с англ. С.Г. Томахина. –М.: Астрель. 2003. – 251 с.
64. Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория// Язык и структуры представления знаний. М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 39–77.
65. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода//Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С.17–33.
66. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века// Язык и наука конца 20 века: Сб. статей/Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Изд-во РГГУ, 1995. – С. 239–320.
67. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика//Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь лингвистических терминов/Под общ. ред. Е.С.Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 53–55.
68. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и слова обыденного языка// Язык. Личность. Текст: в сб. к 70-летию Т.Н.Николаевой. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34–35.
69. Дубинина И.А. Метафоризация и перенос значений в языке художественного текста (на материале французского и русского языков): Автореф. дис.... канд. филол. наук. Краснодар, 1997. – 24 с.
70. Дэвидсон Д. Что означают метафоры//Теория метафоры: Сб. статей/Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 172–193.
71. Ермоленко Г.А. Метафора в языке философии: Автореф. дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2001. – 24 с.
72. Заботкина В.И. Картина мира и лексикон: Культурологический аспект// Картина мира: лексикон и текст: Сб. научн. трудов МГЛУ. – Вып. 375. – М., 1991. – С. 17–24.
73. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: автореферат дисс. ... д-ра филол. наук/Башкирский государственный университет. – Уфа, 2003. – 41 с.
74. Иванова С.В. Языковые и культурные модели//Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология: Материалы

конференции, посвященной 75-летию УГАТУ. – Уфа: УГАТУ, 2007. – С. 123–126.

75. Иванова С.В. Модель концептуального анализа//Исследования по семантике: Межвузовский научный сборник. Вып. 23/отв. ред. Р.М.Гайсина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С. 125–129.

76. Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. – 432 с.

77. Илюхина Н. А. Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара: Самарский университет, 1998. – 204 с.

78. История понятий, история дискурса, история метафор/Сб. статей под ред. Ханса Эриха Бёдекера. Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 328 с.

79. Калашникова Л.В. Метафора и когнитивно-дискурсивное моделирование действительности: моногр./ОрелГАУ – Орел, 2008. – 260 с.

80. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке//Языковая личность: Культурные концепты. Волгоград, Архангельск: Перемена, 1996. – 316 с.

81. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. – 355 с.

82. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ: Перевод с англ. яз./Сост. В.В. Петров. М.: Прогресс, 1989. – С. 5–11.

83. Касевич В.Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность//Язык и когнитивная деятельность: Сб. статей/Отв. ред. Р.М. Фрумкина. М.: Наука, 1989. – С. 8–18.

84. Касевич В.Б. Язык и знание//Язык и структура знания. – М.: АН СССР, 1990. – С. 23–43.

85. Кассирер Э. Сила метафоры//Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 33–43.

86. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу//Вопросы языкознания. 1994. – № 5. – С. 126–139.

87. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры// Вестник МГУ. Серия «Филология». – 2001. – № 6. – С. 132–149.
88. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС. 2000. – 352 с.
89. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: Уч. пособие. М.: Просвещение, 1993. – 224 с.
90. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: Уч. пособие, 3 изд., стер.– М. Флинта, 2014. – 820 с.
91. Кронгауз М.А. Семантика: Уч. пособие. М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 400 с.
92. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 159 с.
93. Кубрякова Е.С. Возвращаясь к определению знака//Вопросы языкознания. – 1993. – №4. – С. 19–28.
94. Кубрякова Е.С. Введение. Проблемы представления знаний в языке //Структура представления знаний в языке –М.: ИНИОН РАН, 1994. – С.5–32.
95. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов (Под общей редакцией Е.С.Кубряковой.) – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245с.
96. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры. 2004. – 560 с.
97. Лагута О.Н. Метафорология: Теоретические аспекты: Монография: В 2 ч. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. Ч. 1. – 114 с.; Ч. 2. – 208 с.
98. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988. – С. 12–52.
99. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем//Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С.126–170.
100. Липилина Л.А. Когнитивные аспекты семантики метафорических инноваций: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 24 с.

101. Литвинова М.Н. Деривационно-прагматический анализ метафоры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 1987. – 17 с.
102. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка//Известия РАН. – Серия литературы и языка. 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
103. Логический анализ языка: Культурные концепты/Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1991. – 204 с.
104. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.
105. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры//Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358–386.
106. Масленникова А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – 264 с.
107. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2004. – 294 с.
108. Мелентьева М.Г. К вопросу об изучении метафоры//Studia Linguistica. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. – Спб.: Тригон, 1999. – Вып.8. – С. 339–343.
109. Минский М. Фреймы для представления знаний.– М.: Энергия, 1971. – 151 с.
110. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного//Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.23. – М., 1988. – С. 281–309.
111. Мир человека и мир языка: Коллективная монография/Отв. ред. М.В. Пименова – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – 376 с.
112. Мишланова С.Л. Метафора в медицинском тексте (на материале русского, немецкого, английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Пермь: ПГУ, 1998. – 167 с.
113. Мишланова С. М. Метафора в медицинском дискурсе. – Пермь: Изд- во Перм. ун-та, 2002. – 160 с.
114. Мишланова С.Л., Пермякова Т.Н. Современная концептосфера: направления и перспективы//Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2004. – С. 351–364.

115. Москвин В.П. Русская метафора: Параметры классификации//Филологические науки. 2000. – № 2. – С. 66–74.
116. Мурзин Л.Н. О суггистивно-магической функции языка//Фатическое поле языка: Памяти проф. Л.Н. Мурзина. – Пермь, 1998. – С.108–114.
117. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. Изд. 2-е, М., Наука, 1979. – 304 с.
118. Нефедова Л.А. Когнитивный подход к интерпретации теста: Учебное пособие/Челяб. гос. ун-т.: Челябинск, 2003. – 70 с.
119. Никитин М.В. О семантике метафоры//Вопросы языкознания. – 1979. – №1. – С. 534–554.
120. Никитин М.В. Концепт и метафора//Studia Linguistica-8. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. СПб., 2001. – С. 32.
121. Никитин М.В. Что рисуют нам «картины мира»?//Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2003. – т. 3, вып. 5. – С. 147–148.
122. Никитин М.В. Развёрнутые тезисы о концептах//Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. – № 1. – С. 53–64.
123. Ольшанский И.Г. Когнитивные аспекты лексической многозначности (на материале современного немецкого языка)//Филологические науки. – 1996. – № 5. – С. 85–93.
124. Опарина Е.О. Концептуальная метафора//Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 65–77.
125. Опарина Е.О. Исследование метафоры в последней трети XX века//Лингвистические исследования в конце XX века: Сб. обзоров. – М., 2000. – С. 186–214.
126. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры//Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68–81.
127. Павленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-дискурсивный анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

128. Павиленис Р.И. Понимание речи и философия языка //Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 380–388.
129. Пелевина Н.Ф. Стилистический анализ художественного текста. – Л.: Просвещение, 1980. – 270 с.
130. Петров В.В. Научные метафоры: Природа и механизм функционирования //Философские основания научной теории/Отв. ред. В.В.Целищев. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 196–220.
131. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу//Вопросы языкознания. – 1990. – №3 – С.135–146.
132. Петров В.В., Герасимов В.И. На пути к когнитивной модели языка//Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.23. – М., 1988. – С. 5–11.
133. Попова З. Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 192 с.
134. Пименова М.В. Концепт политика и способы его репрезентации //Известия УрГПУ. Лингвистика/Отв. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2005. Вып. 15. – С. 32–39.
135. Плотникова А.М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений): Автореф. дис.... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2009. – 36 с.
136. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 2000. – 30 с.
137. Попова З. Д., Стернин И. А., Карасик В. И., Пименова М. В. и др. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие/Отв. ред. М.В.Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2004. – 146 с.
138. Попова Н.С. Когнитивная метафора в концептосфере языка//Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект: Межвуз. Сб. н. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. – С.128–134.
139. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека//Роль человека в языке. Язык и картина мира/Отв. ред. Б.А.Серебрянников. — М.: Наука, 1988. – С. 8–69.

140. Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 344 с.
141. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990. – 344 с.
142. Потебня А.А. Мысль и язык //Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология под ред. Проф. В.П.Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 51–66.
143. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: Способ представления мира// Вопросы языкознания. 1990. - № 6. – С. 110–122.
144. Прокопьева А. А. Сопоставительное исследование метафорических моделей в русскоязычных и англоязычных романах В.В.Набокова: Дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. –260 с.
145. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М.: Флинта: Наука, 2009. –176 с.
146. Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. – 46 с.
147. Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики// Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2000. Т. 59. № 3. – С. 3–15.
148. Ревзина О. Г. Язык и дискурс //Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. – С. 25–33.
149. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение//Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 435–455.
150. Ричардс А.А. Философия риторики//Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44–67.
151. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
152. Ряпосова А.Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.)»: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. – 22 с.
153. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 566 с.

154. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке?// Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 87–108.
155. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
156. Серль Дж. Метафора//Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 307–341.
157. Симашко Т.В., Литвинова М.Н. Как образуется метафора. – Изд-во Пермского университета, Пермь.1993. – 232 с.
158. Складаревская Г.Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания // Вопросы языкознания. 1987. – № 2. – С. 58–65.
159. Складаревская Г.Н. Языковая метафора как объект лексикологии и лексикографии: Автореф. дис. доктора филол. наук. М.,1989. – 38 с.
160. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993.–150 с.
161. Скребцова Т. Г. Современные исследования политической метафоры// Вестник Санкт- Петербургского университета. Сер. 9. 2005. – Вып. 1. – С. 35–46.
162. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика. Курс лекций. Филологический факультет СПбГУ, 2011, – 256 с.
163. Скрэгг Г. Семантические сети как модели памяти//Новое в зарубежной лингвистике.– Вып. 12. – М.: Радуга, 1983. – С. 228–271.
164. Слышкин Г.Г. От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе: Монография. – М.: Academia, 2000. –128 с.
165. Солодуб Ю.П. Структурная типология метафоры//Филологические науки. 1999. – №4. – С. 67–75.
166. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики//Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию: Пер. с фр. яз. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–285.

167. Степаненко А.В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе (на материале рус. и нем. яз.): Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 2001. – 24 с.
168. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности//Язык и наука конца 20 века: Сб. статей/Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Изд-во РГГУ, 1995. – С. 35–73.
169. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
170. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 172 с.
171. Стернин И.А. Концепт и языковая семантика//Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект: Мевуз. Сб. н. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 69–75.
172. Стернин И.А. Практическая риторика как предмет преподавания//Речевое общение: Специализированный вестник/Под ред. А.П.Сковородникова. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 2000. Вып. 2 (10). – С. 19–27.
173. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. – 143 с.
174. Телия В.Н. Метафора как проявление принципа антропоцентризма в естественном языке//Язык и логическая теория. – М., 1987. – С.65–75.
175. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция//Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26–52.
176. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира// Роль человеческого фактора в языке: Сб. научн. ст. – М., 1988. – С.173–204.
177. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288с.
178. Теория метафоры: Сб./Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступит. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М., 1990. – 512 с.

179. Уилрайт Ф. Метафора и реальность// Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С.82–109.
180. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, изд-во Уральского государственного университета, 2002. – 527 с.
181. Уфимцева А.А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации// Языковая номинация. Общие вопросы. – М., 1977. – С. 99–146.
182. Феденева Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998. – 181 с.
183. Феденева Ю. Б., Чудинов А. П. Метафорическое моделирование в российском политическом дискурсе// Политический дискурс России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999. – С. 96–101.
184. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания// Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М., 1988. – С. 52–92.
185. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип)// Научно-техническая информация. Серия 2 «Информационные процессы и системы». – 1992. – № 3. – С. 1–8.
186. Харитончик З.А. Лексикология английского языка: Уч. пос. – Минск: Высшая школа, 1992. – 229 с.
187. Харченко В.К. Переносные значения слова: Развитие, функции, место в системе языка: Автореферат диссертации доктора филол. наук, – М., 1990. – 39 с.
188. Харченко В.К. Функции метафоры: Уч. пособие. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1992. — 86 с.
189. Худяков А.А. Концепт и значение// Языковая личность: Культурные концепты. Волгоград, Архангельск: Перемена, 1996. – С. 97–103.
190. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности/ Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1991. – 214 с.
191. Ченки О. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях// Вопросы языкознания. 1996. №2. – С.68–78.

192. Черкасова Е.Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов (метафора)// Вопросы языкознания. 1968. – № 2. – С. 28–38.
193. Чес Н.А. Функционирование концептуальных систем в текстах современной англоязычной прозы (на материале художественной литературы): Дис. канд. филол. Наук. – М., 2000. – 195 с.
194. Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта//Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 12. – М., 1983. – С.35–73.
195. Чудинов А.П. Заметки о риторическом мастерстве И. В. Сталина// Художественный текст: структура, семантика, прагматика/Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1997. – С. 201–212.
196. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): моногр./Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
197. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: моногр./УрГПУ – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
198. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография/Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.
199. Шабанова Е.О. Метафорические концептуальные системы в сфере экономики и политики (на материале англоязычной прессы): Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 198 с.
200. Шабес В.Я. Событие и текст. – М.: Высшая школа, 1989. – 175 с.
201. Шейгал Е.И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе//Вопросы стилистики. Саратов, 1999. Изд-во Сарат. ун-та, Вып. 28. – С. 204–222.
202. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Москва; Волгоград, 2000. – 297 с.
203. Шмелев Д.Н. Слово и образ. М.: Наука, 1964. – 120 с.
204. Штофф В.А. Моделирование и философия. – М.: – Л.: Наука, 1966. – 1966. – 302 с.

205. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. Кн. III. Методологический подход в языковедении. 11 лекций 1972-1979 гг. – М. Фонд развития им. Г.П. Щедровицкого, 2007 г. – 448 с.
206. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике/АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1974. – 256 с.
207. Эпштейн М. Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса)//Вопросы языкознания. 1991. № 6. – С. 19–33.
208. Язык. Этнос. Картина мира: Сборник научных трудов/Отв. ред. М.В. Пименова. — Кемерово: ИПК «Графика», 2003. –188 с.
209. Ankersmit F. History and Tropology. The Rise and Fall of Metaphor. Berkeley, California: University of California Press, 1994. – 264 p.
210. Ankersmit F. Historical Representation. Stanford, California: Stanford University Press, 2001. – 321 p.
211. Black M. More About Metaphor//Metaphor and Thought / Ed. A. Ortony. 2 ed. Cambridge, 1993. – P. 19–43.
212. Black M. Proceedings of the Aristotelian Society, New Series, Vol. 55 (1954 - 1955), Blackwell Publishing, – P . 273–294.
213. Cassirer E. Language and Myth. Translated by Susanne Langer. Dover Publications Inc. New York. 1946. – 103 p.
214. Cassirer E. Zur Logik der Kulturwissenschaften. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt.1961.– 409 s.
215. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. New York, Palgrave Macmillan, 2005. – 239 p.
216. Chomsky N. Language and Politics. Éd. by C.P. Otero. – Montréal; N.Y.: Black Rose Books, 1988. – 779 p.
217. Chomsky N. New Horizons in the Study of Language and Mind. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. – 230 p.
218. Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory, edited by Christopher Hart and Dominik Lukeš, Newcastle, UK: Cambridge Scholars Publishing. 2007. – 258 p.

219. Cognitive Linguistics. Ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. New York: Oxford University Press. 2007. – 1334 p.
220. Croft W. Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information. – Chicago, London, 1991. – 273p.
221. Davidson D. What Metaphors Mean. *Critical Inquiry*. Vol. 5. № 1. Special Issue on Metaphor (Autumn, 1978), – P. 31–47.
222. Davidson D. What Metaphors Mean. In M. Platts (ed.) *Reference, Truth & Reality*. London: Routledge & Kegan Paul, 1980. – P. 238–254.
223. Dobrzynska T. "Translating Metaphor: Problems of Meaning." *Journal of Pragmatics*, 1995. – P. 59–604.
224. Fauconnier G. *Mental Spaces*. New York: Cambridge University Press, 1994. – 205 p.
225. Fauconnier G. *Mappings in Thought and Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 205 p.
226. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks//*Cognitive Science*. – Vol. 22, № 2. – 1998. – P. 133–187.
227. Fauconnier G., Turner M. Rethinking Metaphor. Image Ray Gibbs, editor, *Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. New York: Cambridge University Press, 2008. – P. 53–66.
228. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 2002. – 440 p.
229. Fillmore Ch. An Alternative to Checklist Theories of Meaning//*Proceedings of the Berkley Linguistic Society*, C.Cogen, H. Thompson (eds). – Berkley, 1975. – P.123–131.
230. Fillmore C., Atkins B. Toward a Frame-based Lexicon: The Semantics of RISK and its Neighbours//*Frames, Fields and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization*/Ed. by Adrienne Lehrer, Eva Feder Kittay. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers, 1992. – P. 75–103.
231. Fillmore C. Frame semantics. In *Cognitive Linguistics: Basic readings*. Ed. by Dirk Geeraerts, Chapter 10, Mouton de Gruyter, Berlin, 2006. – 487 p.

232. Gibbs R. Poetics of mind: figurative thought, language, and understanding. – New York: Cambridge University Press, 1994. – 527 p.
233. Irving D. Churchill's War. Fogal Point, Parforce Ltd, 2003. – 701 p.
234. Jackendoff R. Semantics and cognition. – Cambridge, Mass: MIT Press, 1983. – 283 p.
235. Jackendoff R. Semantic Structures.– Cambridge: MIT Press, 1984.–322 p.
236. Jackendoff R. Patterns in the minds. Language and human nature. – New York: Havester Wheatsheaf, 1994. – 246 p.
237. Johnson M. The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason. – Chicago, London: University of Chicago Press, 1987. – 233 p.
238. Johnsonson-Laird P. Mental models: Towards a cognitive science of language, inference and consciousness. Cambridge, 1983. – 322 p.
239. Keegan J. Churchill. London. Weidenfeld & Nicolson. 2002. – 182 p.
240. Keegan J. The Second World War. Penguin Book, New York, 1989. – 607 p.
241. Keegan J. Who's Who in World War Two. Routledge, London, 2004. – 182 p.
242. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 2003. – 242 p.
243. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. The University of Chicago. Chicago, 1987. – 642 p.
244. Lakoff G. Metaphor and war: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf//D. Yallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. Honolulu, 1991.
245. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor//Metaphor and thought. Second edition . Ed. by Ortony A. – New York: Cambridge University Press, 1993. – P. 202–251.
246. Lakoff G. The metaphor system for morality//Conceptual structure, discourse and language/Ed-d by Goldberg A. – Stanford, California: CSLI Publication, 1996. – P. 249–266.
247. Lakoff G. The Political Mind. Penguin Books. London. 2009. – 292 p.

248. Langacker R. Conceptualization, Symbolization and Grammar// New Psychology of language. Cognitive and Functional Approaches to language structure.– Mahwah, Lawrence Erlbaum, 1998. – P. 1–39.
249. MacCormac E. Cognitive theory of metaphor. – Cambridge, Mass: MIT Press, 1985. – 245 p.
250. Meaning in Mind and Society: A Functional Contribution to the Social Turn in Cognitive Linguistics. Ed. by Peter Harder. (Cognitive linguistics research 41.) Berlin: De Gruyter Mouton. 2010. – 516 p.
251. Metaphor and Thought. Ed. by Andrew Ortony. Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press. 1993. – 678 p.
252. Mieder W. We Are All in the Same Boat Now. Proverbial Rhetoric in the Churchill – Roosevelt Correspondence. International Journal of English Studies, 2006. Roosevelt Correspondence. International Journal of English Studies, 2006. – P. 1–26.
253. Miller G. Images and Models, Similes and Metaphors.// Metaphor and Thought. Ed. by Andrew Ortony. Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press. 1993. – P. 357–400.
254. Murphy G. On Metaphorical Representation//Cognition 60. – 1996. – P.173–204.
255. Nogales P. Metaphorically Speaking. Stanford: CSLI Publications.1999.–241 p.
256. Nosec J. Winston Churchill's Use of Metaphors. Studia Anglica Posnaniensia, XXIX. – 1994. – P. 39–47.
257. Ortega-y-Gasset J. Las dos grandes met6foras. — In: Ortega-y-Gasset J. Obras Completas. Tomo II, Madrid, 1966. – P. 387–400.
258. Osborn M., Ehninger D. The Metaphor in Public Address//Speech Monographs. – 1962. Vol. 29. – P. 223–234.
259. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family// Quarterly Journal of Speech. – 1967. – Vol. 53. – P.115–126.
260. Osborn M. Rhetoric & Public Affairs, Volume 7, Number 1, Spring 2004. – P. 23–35.

261. Reddy M. *The Conduit Metaphor – a Case of Frame Conflict in Our Language// Metaphor and Thought/ Ed-d by Ortony A.* – Cambridge University Press, 1979. – P. 284–324.
262. Reynolds D. Churchill's Writing of History: Appeasement, Autobiography and "The Gathering Storm". *Transactions of the Royal Historical Society, Sixth Series*, vol. 11 (2001). – P. 221–247.
263. Reynolds D. *From World War to Cold War.* – Oxford: Oxford university Press, 2006. – 363 p.
264. Richards I. *The Philosophy of Rhetoric* – Oxford: Oxford University Press, 1965. – 138 p.
265. Ricoeur P. *The Metaphorical Process as Cognition, Imagination, and Feeling.* — "Critical Inquiry", 1978, vol. 5, N 1, – P . 143–159.
266. Ricoeur P. *The Rule of Metaphor.* TJ Press (Padstow), Cornwall, 1986, – 384 p.
267. Rickert W. Winston Churchill's Archetypal Metaphors: A mythopoetic Translation of World War II. *Central States Speech Journal*. Vol. 28, Issue 2, 1977. – P. 106–112.
268. Rosch E. *Principles of categorization//Cognition and categorization.* Hillsdale; New Jersey, 1978. – P. 27–48.
269. Searle J. *Speech acts: an essay in the philosophy of language.* London, Cambridge University press, 1969. – 203 p.
270. Searle J. *Expression and meaning.* – Cambridge: Cambridge University Press. – 1979. – 187p.
271. Steen G. *Understanding Metaphor in Literature: an Empirical Approach.* – London, New York: Longman, 1994. – 263 p.
272. Talmy L. *The Cognitive Culture System// Monist* –1995. – P. 80–114.
273. Talmy L. Fictive Motion in Language and "Ception". In: Bloom et all. In: Blum P., Garret M., Peterson M. (eds.). *Language and Space.* London: MIT Press. 1996. – P. 211–276.
274. Taylor A. *The Origins of the Second World War.* London: Penguin Books Limited, 2001. – 368 p.

275. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Ed. by Raymond Gibbs. Cambridge: Cambridge University Press. 2008. – 550 p.
276. Turner M. Reading minds: the Study of English in the Age Cognitive Science – Princeton, New York: Princeton University Press, 1991. – 298 p.
277. Turner M. The Literary Mind. New York. Oxford University Press. 1996. – 176 p.
278. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration Networks. – Cognitive Science, - 1998. 22(2). – P. 133–187.
279. Turner M. Cognitive Dimensions of Social Science: The Way We Think About. Politics Economics, Law, and Society. Oxford: Oxford University Press. 2003. – 192 p.
280. Turner M. Insights Thinking With Feeling. Durham University, 2009, vol. 2, № 10, – P. 1–11.
281. Turner M. The Origin of Ideas. Blending, Creativity and the Human Spark. Oxford University Press. New York. 2014. – 304 p.
282. Ungerer F., Schmid H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. L., N.-Y., Longman, 1996. – P. 3–7.
283. Watts D. Political Communication Today. – Manchester, New York, 1997. – 228 p.
284. Wheelwright P. Metaphor and Reality. Indiana University Press. Bloomington & London. Fifth Printing, 1973. – 192 p.
285. White H. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth- Century Europe. The Johns Hopkins University Press. Baltimore & London, 1973. – 462 p.
286. White H. Historicism, History, and the Figurative Imagination. History and Theory, Vol. 14, № 4, Beiheft14: Essays on Historicism (Dec. 1975). – P. 48–67.
287. White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. The John Hopkins University Press, Baltimore, Maryland, 1987. – 264 p.
288. Whorf B. Language, Thought and Reality. Ed. by J. Carroll. Cambridge, MIT Press, 1956. – 283 p.

289. Wierzbicka A. *Semantics. Primes and Universals.* – Oxford, New York: Oxford University Press, 1996. – 500 p.
290. Wierzbicka A. *English: Meaning and Culture.* – New York: Oxford University Press, 2006. – 352 p.
291. *Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике.* Под ред. А.Н. Баранова и Д.О.Добровольского. – М.: Азбуковник, 2001. – 640 с.
292. *Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря/ под общ. ред. проф. Л.Г.Бабенко.* – Екатеринбург: УрГУ, 2010. – 340 с.
293. *Краткий словарь когнитивных терминов (Под общей редакцией Е.С. Кубряковой.)* – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245с.
294. *Литературный энциклопедический словарь под ред. Кожевникова В. М., Николаева П. М. Советская Энциклопедия.* 1987. – 751 с.
295. *English Guides 4: Confusable Words.* Harper Collins Publishers. London. 1997. – 250 p.
296. *Cambridge International Dictionary of English.* Cambridge. Cambridge University Press. 1995. – 1792 p.
297. *Cambridge International Dictionary of Idioms.* Cambridge. Cambridge University Press. 1998. – 587 p.
298. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary.* Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 1562 p.
299. *Longman Dictionary of English Idioms.* Longman Group UK Limited. London. 1979. – 387 p.
300. *Metaphors Dictionary.* Ed. by Sommer E., Weiss D. Visible Ink Press. Detroit. 1996. – 612 p.
301. *Oxford Dictionary of English. Third Edition.* Oxford. Oxford University Press. 2010. – 2112 p.
302. *Oxford Dictionary of Idioms. E. by Speake J.* Oxford. Oxford University Press. 1999. – 393 p.

303. The Pan Dictionary of Synonyms and Antonyms. Ed. by Urdang L., Mancer M. The Chaucer Press Ltd. Bungay, Suffolk. 1980. – 345 p.
304. Webster's New World Dictionary. Fourth Edition. Ed. by Agnes M. Pocket Books. New York. 2003. – 753 p.
305. Encyclopaedia Britannica. 2006. Ultimate Reference Suite. DVD.

Список источников исследования

306. Churchill Winston S. The Second World War. The Gathering Storm. Boston. Houghton Mifflin Company, 1948. – 784 p.
307. Churchill Winston S. The Second World War. The Grand Alliance. Boston. Houghton Mifflin Company, 1950. – 903 p.

Приложение

Таблица 1

Метафорическая модель (М-модель)	v. 1	v. 3	Итого
Антропоморфная М-модель	713	166	879
Социоморфная М-модель	363	95	458
Природоморфная М-модель	149	48	197
Артефактная М-модель	196	34	230
М-модель точных наук	182	66	248
Итого:	1603	409	2012

Основные М-модели в «The Gathering Storm» (v. 1) и «The Grand Alliance» (v.3).

Таблица 2

№ сюжета	Кол-во метафор. фрагментов текста	Антропоморфная (АМ)	Социоморфная (СМ)	Природоморфная (ПМ)	Артефактная (АФ)	Точных Наук (ТН)	Итого
1	30	104	32	26	23	21	206
2	80	166	90	32	39	35	362
3	180	263	128	55	63	68	577
4	85	113	64	15	37	37	266
5	48	67	49	21	34	21	192
I том	423	713	363	149	196	182	1603
6	28	26	23	11	7	20	87
7	34	110	54	24	20	35	243
8	22	30	18	13	7	11	79
III том	84	166	95	48	34	66	409
Итого	507	879	458	197	230	248	2012

Распределение М-моделей в «The Gathering Storm» (I том) и «The Grand Alliance» (III том) по сюжетам

Таблица 3

Frame	Slots	v. 1	v. 3	Total
Human anatomy	Body parts/Organs/Face	87	16	103
Disease	Disease/Health/ (Un)healthy symptoms	82	27	109
Family	Family Relationships	18	13	31
Personal action	Personal (in)action/ (in)ability	204	55	259
Personality/ Character traits	Positive characteristics	100	6	106
	Negative characteristics	117	36	153
	Total	217	42	259
Human psychology	Feelings/Emotions/Senses	105	13	118
Total		713	166	879

Фреймо-слотовое распределение антропоморфной/ *Anthropomorphic* М-модели в «The Gathering Storm» (v. 1) и «The Grand Alliance» (v. 3)

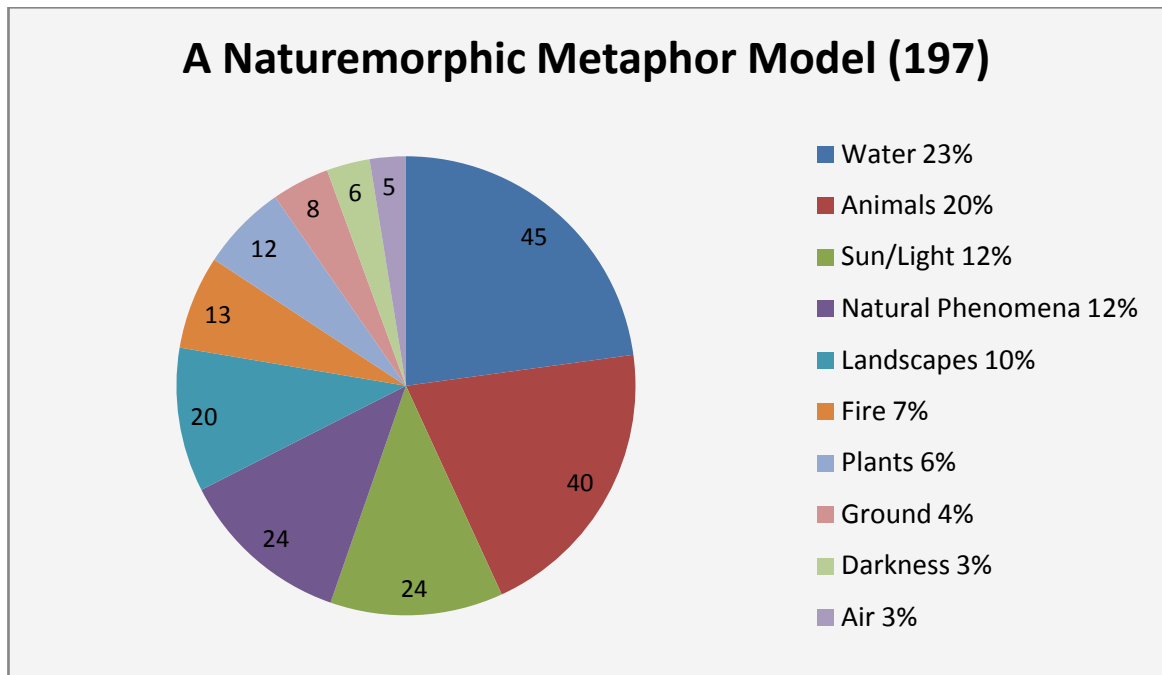
Таблица 4

Frame	Slot	v. 1	v. 3	Total
Organic/Animate Nature	Animals/Birds/Insects	33	7	40
	Plants	12		12
	Total	45	7	52
Inorganic/ Inanimate Nature	Water	30	15	45
	Sun/Light	14	10	24
	Darkness	5	1	6

	Fire	12	1	13
	Air	4	1	5
	Ground	5	3	8
	Landscapes	18	2	20
	Natural Phenomena	16	8	24
	Total	104	41	145
Total		149	48	197

Фреймо-слотовое распределение природоморфной/*Naturemorphic* М-модели в «The Gathering Storm» (v. 1) и «The Grand Alliance» (v. 3).

Диаграмма 1

Фреймовая частотность природоморфной/*Naturemorphic* М-модели в мемуарах “The Second World War”

Таблица 6

Frame	Slot	v.1	v. 3	Total
Government	Monarchy	3	1	4
	Dictatorship	10	3	13

	Democracy	5		5
	Total	18	4	22
Society	Occupation	4		4
	Social relationships	2	1	3
	Total	6	1	7
Ideology	Bolshevism	2	1	3
	Communism	2	1	3
	Fascism	4		4
	Total	8	2	10
Crime	Criminal	19	9	28
	Law/Justice	6		6
	Total	25	9	34
War	Victor/Hero	10	12	22
	Victim	19	4	23
	Enemy/Villain	23	10	33
	Weapons	10		10
	Destruction	15	7	22
	Military Buildings	19	1	20
	Military actions	21	2	23
	Total	117	36	153
Education	Schools/Knowledge	4	1	5
Economy	Money/Finance	32	1	33
Sports	Games	5		5
	Hunting	19	5	24
	Total	24	5	29
Travel	Roads/Paths	96	20	116
Myth/Faith	Beliefs/Religion	33	16	49
Total		363	95	458

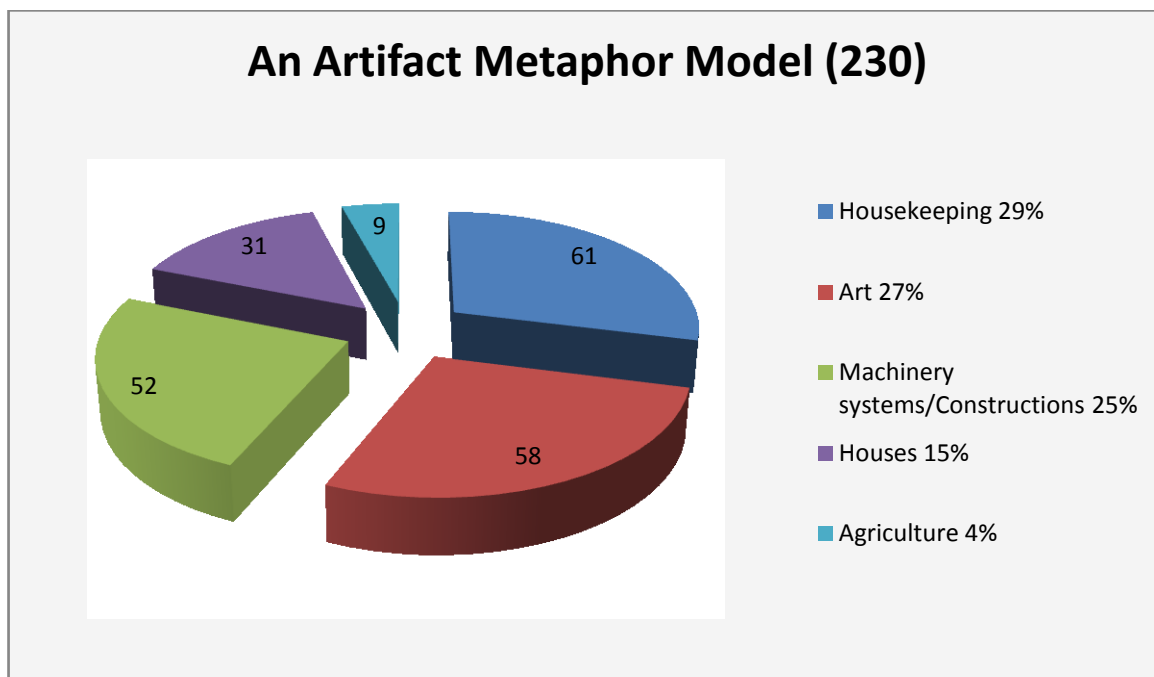
Фреймо-слотовое распределение социоморфной/*Sociomorphic* M-

модели в «The Gathering Storm» (v. 1) и «The Grand Alliance» (v. 3)

Таблица 7

Frame	Slot	v. 1	v. 3	Total
Mechanism	Machinery	18	3	21
	System/Construction	22	9	31
	Total	40	12	52
Building	House	47	3	50
Housekeeping	Equipment	20	2	22
	Housekeeping	6	5	11
	Farm holding	4	2	6
	Craft	5		5
	Cooking	17		17
	Total	52	9	61
Agriculture	Agricultural equipment	6	3	9
Art	Fine arts	14	1	15
	Literature	9	1	10
	Theatre	19	5	24
	Music	9		9
	Total	51	7	58
Total		196	34	230

Фреймо-слотовое распределение артефактной/*Artifact* М-модели в «The Gathering Storm» (v. 1) и «The Grand Alliance» (v. 3)

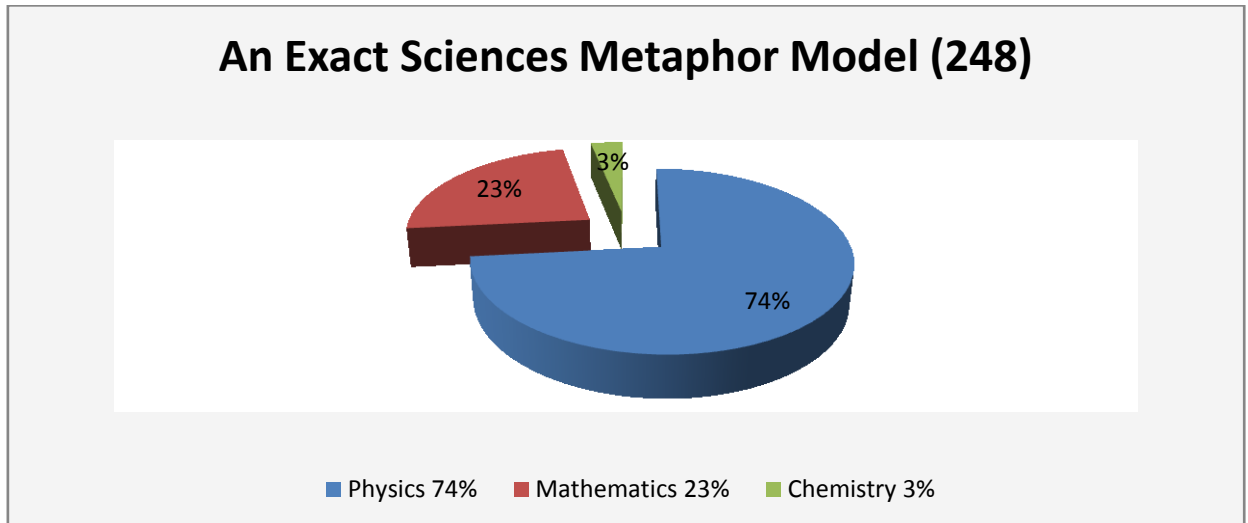

Фреймовая частотность артефактной/*Artifact* М-модели в мемуарах У.Черчилля “The Second World War”

Таблица 8

Frame	Slot	v.1	v. 3	Total
Physics	Nuclear	1	1	2
	Power	78	35	113
	Volume/Weight	10	11	21
	Space	25	6	31
	Time	14	1	15
	Total	128	54	182
Chemistry		8		8
Mathematics		46	12	58
Total		182	66	248

Фреймо-слотовое распределение М-модели точных наук/*Exact Sciences* в «The Gathering Storm» (v. 1) и «The Grand Alliance» (v. 3)

Частотность фреймов М-модели точных наук/*Exact sciences* в мемуарах У.Черчилля "The Second World War".